

МАРИНА
ГОЛУБ

В ЖИЗНИ, ТЕАТРЕ,
КИНО

Воспоминания друзей

Annotation

Эта книга – дань памяти яркой, талантливой актрисе – Марине Голуб. О ней рассказывают ее друзья, коллеги по театру, кино, телевидению: Олег Табаков, Деклан Доннеллан, Кирилл Серебренников, Павел Лунгин, Павел Чухрай, Евгений Миронов и многие из тех, с кем её сводила жизнь.

Актриса огромного таланта. Женщина удивительного обаяния. Человек бесконечной доброты и преданности к людям.

Рассказ друзей о непростой и не безоблачной судьбе раскрашенной яркими, смешными эпизодами и почти невероятными историями, которые могли случиться только с ней – Мариной Голуб.

-
- [Марина Голуб в жизни, театре, кино. Воспоминания друзей](#)
    -
    -
    - [Детство](#)
    - [Школа-студия МХАТ](#)
    - [Путь в театр](#)
    - [«Сатирикон»](#)
    - [«Шалом»](#)
    - [Телевидение](#)
    - [Дом](#)
    - [Кино](#)
    - [Личное](#)
    - [«Борис Годунов»](#)
    - [«Пластинин»](#)
    - [«Терроризм»](#)
    - [В жизни, как в кино](#)
    - [«Гартюф»](#)
    - [«Гамлет»](#)
    - [«Трёхгрошовая опера»](#)
    - [Из воспоминаний...](#)
    - [Расставания и потери](#)
    - [Трагическая Васса](#)
    - [Последнее танго с Мариной](#)

- [Монологи](#)
- [Постскриптум](#)
  -
  - [Творчество](#)
  - [МХТ им. А. П. Чехова](#)
  - [Также играла в спектаклях:](#)
  - [Фильмография](#)
  - [Работа на телевидении](#)
  - [Награды и звания](#)
- [Фотографии](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)

- [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
-

Марина Голуб в жизни, театре, кино. Воспоминания друзей Автор-составитель Виктор Борзенко

*И море, и Гомер – всё движется любовью.
Кого же слушать мне? И вот Гомер
молчит,
И море чёрное, витийствуя, шумит
И с тяжким грохотом подходит к
изголовью.*

Осип Мандельштам

В книге использованы фотоматериалы из личного архива Анастасии Голуб, из архива МХТ им. Чехова, а также Екатерины Цветковой

© Автор-составитель В. Борзенко

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Возможно, не все истории, которые должны были оказаться в этой книге, нам удалось собрать. Возможно, есть истории, которые мама рассказала бы по-другому. Но я уверена, она видит, с какой любовью и нежностью все герои книги вспоминают о ней.

Огромная благодарность Московскому Художественному театру имени А. П. Чехова за предложение издать эту книгу.

Спасибо большое лично Олегу Павловичу Табакову.

Спасибо всем, кто принял участие в создании этой книги. За нашу совместную работу спасибо Виктору Борзенко и Юлии Фрид.

Благодарю всех друзей нашей семьи, которые были и остаются со мной.

Благодарю за память о Марине Голуб.

Анастасия Голуб

Детство

Детство врезается в нас, как наскальная живопись: штрихами и навсегда, – говорила Марина Голуб. – Первые штрихи моего детства – ноги прохожих на фоне неба.

Эта картинка так и впечатается в её память на всю жизнь. Окна квартиры в Сокольниках едва приподнимались над тротуаром. Трёхлетняя Марина подставляла табуретку и забиралась на подоконник – там, держась за оконную ручку, она могла рассматривать людей. Оттуда было видно небо. Это сейчас Сокольники – один из центральных районов Москвы, а тогда, в конце 1950-х, это была окраина с обветшалыми деревянными домами, разбитыми тротуарами и покосившимися заборами.

Пол в квартире был земляной, неровный, комнаты разделялись занавесками. Хранительницей очага была бабушка Марины – простая и мудрая деревенская женщина Анастасия Ивановна Горюнова. Несмотря на все пережитые испытания – войну, голод, потерю мужа, тяжёлый не женский труд, – она сохранила лёгкий нрав, оптимизм, природную находчивость и самобытный юмор, о котором потом ходили легенды.

– Нашим бороду приставить – так вылитый Лев Толстой! – говорила Анастасия Ивановна, намекая на своё «графское» происхождение. Дело в том, что её предки были выходцами из Ясной Поляны. А Толстой, как известно, «вольно» обращался с барышнями-крестьянками. Бабушкины складные и остроумные афоризмы Марина повторяла всю жизнь. А вслед за ней эти присказки цитировала вся театральная Москва.

Но в те годы звездой маленькой квартирке в Сокольниках была мама Марины. Людмила Голуб – тогда ещё по мужу Фролова – выпускница Щепкинского театрального училища, молодая актриса Московского драматического театра имени Н. В. Гоголя.

Людмила Голуб была актрисой невероятного комедийного и характерного дара. До прихода в Театр имени Гоголя работала в Московском театре юного зрителя, где играла в детских спектаклях девочек и мальчиков. А уже на сцене драматического театра к ней пришли ведущие разновозрастные характерные роли, которые она блистательно исполняла.

«С большой впечатляющей силой уже знакомая многим по радиопередачам Л. С. Фролова раскрывает чистую и нежную душу своей героини Веры в спектакле “Случайные встречи” <...>»^[1], потом был мальчик Гуинплен по Гюго «Человек, который смеётся», «Кавказский меловой круг» Брехта в постановке А. Дунаева, где, кстати, роль мальчика играла маленькая Марина, потом Людмила Голуб вела на советском телевидении «Спокойной ночи, малыши!» и уже совсем позже она была вынуждена уйти из Театра имени Гоголя и пойти работать на эстраду в Москонцерт, где вместе с Тамарой Миансаровой, Бедром Киркоровым, Аллой Йошпе и Стаханом Рахимовым, Капиталиной Лазаренко, Геленой Великановой и Иосифом Кобзоном ездили и давали концерты по необъятным просторам нашей родины.

...В 1960 году в этот более чем скромный быт ворвалось дыхание совершенно другой жизни. Это была судьба в лице человека, которого звали Григорий Ефимович Голуб. Через пару месяцев после знакомства он перевёз всю семью в свою квартиру на Комсомольском проспекте.

Вскоре Театр имени Гоголя облетел слух:

– Людка Фролова выходит замуж за дипломата!

Кем же он был – этот «принц на белом коне»? За его плечами уже была многолетняя консульская работа в посольстве СССР в Финляндии. Григорий Голуб родился в 1923 году в Харькове в семье начальника финансового управления области. В 37-м году отца арестовали и вскоре расстреляли. Мать была осуждена на 20 лет лагерей. Гришу и его младшую сестру определили в Кардымовский детский дом.

Педагоги этого детского дома оказались людьми бескорыстными и смелыми. Они прекрасно понимали участь своих воспитанников – детей «врагов народа» и пошли на подлог – написали в его личном деле, что он украинец, а родители умерли от голода.

В 18 лет он ушел на фронт. Воевал под Смоленском в пехоте, освобождал Сталинград, был ранен. После госпиталя стал командиром роты разведчиков, воевал в составе Первого Украинского фронта, дважды форсировал Днепр. Победу встретил в Австрии в звании старшего лейтенанта. После войны закончил Военно-педагогический институт, затем Военно-дипломатическую академию ГРУ.

Этот человек стал Марининым отцом. А она стала Мариной Григорьевной Голуб. Отца она обожала. И это было взаимно.

А вот в отношениях с мамой у Марины бывали разные периоды. И всегда неизменным авторитетом и третейским судьёй оставался отец. О нём актриса рассказывала во многих своих интервью.

* * *

В 1964 году Марина Голуб пошла в первый класс школы № 33. Рассказы о школьной поре – самые нелюбимые в её биографии. Училась неважно. Сверстники дразнили. Учителя не всегда понимали. В своих многочисленных интервью она особо не касалась этой темы – яркое воспоминание было только одно:

– В седьмом классе пошли мы гулять на Ленинские горы. Я надела новое узкое платье, которое сшила мне мама. И, естественно, упав с крутой горки, тут же его порвала. Но это было еще полбеда, поскольку сама я прилично поранилась. На мой крик подлетела продавщица мороженого, увидела раны и ссадины – запричитала, заохала и решила, что меня надо срочно везти в травмпункт. Подкатила свой лоток, одноклассники помогли мне на него забраться, и мы поехали. Один из них позавидовал: «Везёт тебе, мороженого объешься...» Но самую сакраментальную фразу он произнёс, когда позвонил моей маме, чтобы сообщить о случившемся: «Ваша дочь упала с Ленинских гор!» Эта фраза в нашей семье стала афоризмом^[2].

До девятого класса Марина Голуб сидела за третьей партой в среднем ряду вместе с Анной Мазепой (в замужестве – Политковской), будущей журналисткой, правозащитницей. Дружбы на всю жизнь между одноклассницами не сложилось, но в школе они хорошо дополняли друг друга.

– У Ани с детства было обострённое чувство справедливости, – говорит её одноклассница Елена Морозова. – «Правдорубка» и «правдолюбка». Она ведь не только за себя боролась. К ней все обращались: «Ань, посмотри, у меня вот столько-то ошибок, мне поставили тройку, а кому-то четвёрку». Аня могла запросто пойти к учителю разбираться, доказывать, что это предвзято, несправедливо. На моей памяти она не раз заступалась и за Марину. Вообще, у них с Голуб были удивительные отношения. Мне кажется, что Аня видела в ней

гораздо больше, чем некоторые учителя. У нас ведь зачастую важен результат: никто не учитывает ни темперамента, ни характера, ни каких-то личных особенностей... А Аня понимала, что Марина – прирождённая актриса и что ей все эти тангенсы и синусы, атомы и молекулы никогда не пригодятся. Она не только позволяла списывать, но и готова была тихонько подсказывать с места, если Голуб вызывали к доске и она глазами искала ответа...

У Ани Политковской была сестра, красotka и тоже отличница. Она казалась нам взрослой, хотя училась всего лишь на класс старше нас... За ней ухлёстывали видные ухажёры, и Марина, единственная из всех, была допущена в эту компанию. Например, они звали её отмечать свои дни рождения или на какие-то посиделки, а потом Марина приходила к нам и делилась впечатлениями. Обзавидуешься же!

Впрочем, хватало и других поводов для зависти. Было голодное время, дефицит. Жвачка – это подарок судьбы. Колготки – это подарок судьбы... Но у Марины были и жвачка, и колготки в сеточку, поскольку мама всё это привозила с гастролей, а папа – из командировок. Однажды у неё появился и пояс для чулок. Я это очень хорошо помню, потому что самих чулок не было, а пояс был. Она сидела за своей партой, приподнимала юбку и зачем-то настойчиво его демонстрировала. А когда у Марины появились джинсы, тут уже весь класс умирал от зависти. Ещё бы, джинсы – предел мечтаний! Правда, они оказались на три размера меньше – не застегивались. Но Марина была Мариной. Она всё равно их носила, прикрывая расстегнутую змейку длинным свитером. Мы всегда рассматривали её обновки, щупали, и она охотно в них красовалась.

Больше всего меня удивляло (и тайно восхищало) полное отсутствие у Марины комплексов. Мы были все такие советские, правильные девочки, а она классе в восьмом могла позволить себе прийти в школу в помаде и тенях. Учителя, как и положено, раздували из этого скандал – отправляли её умываться, порицали за антиобщественный поступок, но всё это было риторикой советской школы. На деле у каждой из нас возникала тонкая зависть: хотя бы полчаса, но Марина успевала побывать героиней в наших глазах.

Однажды мы с Аней Политковской нарисовали стенгазету, в которой изобразили Голуб этакой воображалой. Нам казалось, что это вполне ожидаемо, ведь не было здесь никакой крамолы. Но Марина

почему-то расстроилась – плакала и говорила, что уйдёт в другую школу... К нашей компании она охладела, но тут (девятый класс) к нам пришла новенькая – Марина Кантейник, и Марину Голуб учителя посадили вместе с ней «для органичного вживания в коллектив». Они, что называется, нашли друг друга, ведь это была дружба с чистого листа...

– Вы спрашиваете, какой была Голуб? – говорит Марина Кантейник. – Весёлая... Жизнерадостная... Когда я пришла к ним в класс, Марина окружила меня невероятной заботой: рассказывала про учителей, знакомила со своими товарищами, всё время что-то комментировала на уроках, и я умирала со смеху, хотя, как новенькая, должна была вести себя прилично. А ещё она блестяще показывала Савелия Крамарова – можно было живот надорвать от смеха. Мы очень легко подружились, так что довольно скоро Марина пришла к нам в гости. Моя мама Людмила Малютина в ту пору работала актрисой в Театре имени Станиславского. И помню, как Марина подошла к ней, положила ладонь на плечо и спросила как у ближайшей подруги: «Людочка, ну как дела?» Мама, конечно, опешила от такой неожиданной манеры общения, но виду не подала. Ей нравилась Марина именно этой своей непосредственностью – не было в ней ничего напускного. Она могла панибратски спросить о делах, но слушала всегда с искренним интересом. «Да вы что! Не может быть!», – говорила она и очень характерным жестом прижимала руку к груди.

– Летом она приезжала к нам в гости на дачу в Купавну и, разумеется, верховодила всей нашей компанией, – подхватывает рассказ сестра Марины Кантейник – Ирина. – Она бесконечно что-то придумывала. То какие-то походы, то песни под гитару, то посиделки у костра... Нам без неё было скучно. И вообще, как только она появлялась, соседские мальчишки начинали преследовать нас, хватать за волосы, караулить за забором. Мы от них убегали. Но едва Марина уезжала, интерес пропадал и к нам. Вообще, её открытость была прямо пропорциональна душевности и доброте. Например, она очень любила серебро, носила серебряные украшения и, заметив однажды мою заинтересованность, подарила колечко на мизинец (я потом много лет его носила). Как оказалось, Марина нашла дома цыганский браслет, распилила его и сделала себе и мне одинаковые кольца.

...Вопрос о выборе профессии встал достаточно рано.

– В школьные годы я занялась танцем, – говорила **Марина Голуб**. – Занялась очень серьёзно, и когда мне было лет десять, я заявила, что хочу стать балериной. Потому что всякий раз, едва в дом приходили гости, мне говорили: «Маня, покажи умирающего лебедя», и я танцевала, воображая, что делаю это не хуже Улановой. У меня были ручки, ножки, я была вся такая хрупкая, утончённая, ну, просто тростинка. Мне кричали мальчишки: «Беги, беги, ноги переломятся!» Короче говоря, очень хотелось посвятить себя балету. И мама решила показать меня в училище при Большом театре – повела к педагогу, который по косточкам определяет телосложение.

Толстой мама никогда у меня не была, но с годами стала дамой с формами. Педагог внимательно посмотрела на неё, потом на меня и сказала: «Милая девочка. Но знаете, какая она будет?» Мама говорит: «Какая?» – «Она будет примерно метр семьдесят, у неё будет попка, у неё будут ножки, она будет вся такая крупная». Мама обомлела: «Как, крупная? Не может быть. Она же... Вот посмотрите...» – «Да, да, да, – отвечает педагог, – я всё вижу. Прелестная девочка, прелестная. Но в балет Большого театра вам не надо».

Это была такая трагедия, что и передать невозможно! Рыдала целый вечер, и вместо Большого занималась танцами в ансамбле «Школьные годы»...

Прошло время. И где-то в девятом классе мама моя говорит: «Я не понимаю, что ты хочешь от жизни, кем намереваешься стать?» Я говорю: «Пойду в актрисы». Мама изменилась в лице. «В драму?» – «В драму». – «А почему ты ни разу не читала ничего и ничего мне не показывала?» Я говорю: «Ну, могу показать». И так с ходу прочитала ей Есенина:

*Утром в ржаном закуте,
Где златятся рогожи в ряд,
Семерых оценила сука,
Рыжих семерых щенят.*

Я прочла ей всю «Песнь о собаке». Мама задумалась и сказала: «Ну, что-то в этом есть...»

И мы начали готовить программу для поступления. Мама со мной занималась, но эти занятия превращались в постоянную ругань. Я плакала, приходила к папе в слезах: «Она меня унижа-а-а-ет. Она говорит, что я безда-а-арная...» И папа успокаивал.

Когда я была в десятом классе, мама показала меня Виктору Коршунову в Щепкинском училище, которое она сама заканчивала. Виктор Иванович дал достаточно жёсткие рекомендации, которые не очень клеились с моей природой. И мама предложила держать «Щепку» про запас, а нацелиться на Школу-студию МХАТ.

Школа-студия МХАТ

В Школе-студии курс набирал знаменитый педагог Виктор Карлович Монюков.

Свидетельницей вступительных экзаменов была **Юлия Фрид** (дочь педагога по сценической речи Ольги Юльевны Фрид), ставшая впоследствии подругой Марины.

– Я училась в другом институте, но обожала ходить на экзамены в Школу-студию МХАТ. Совершенно не помню Марину на первых турах. Обратила на неё внимание чуть позже – уже во время главного конкурса, когда девочки показываются в первой половине дня, а мальчики – во второй. Просторный зал, длинный экзаменаторский стол, полукругом стоят стулья для абитуриентов... Публики видимо-невидимо – известные артисты, ведущие педагоги, студенты всех курсов и просто заинтересованные зрители типа меня.

Все занимают места, долго рассаживаются, и вот, наконец, в зал приглашают девушек, которые допущены к конкурсу. Для них это решающее испытание. Все понимают, что если ты понравился и прошёл, то общеобразовательные экзамены тебе уже не страшны.

Среди довольно скромно одетых девушек я заметила одну с потрясающей прической кудряшками, в чём-то очень элегантно сверху и в туфлях на шпильках. Когда пришла её очередь, она прочла отрывок из романа «Угрюм-река» и потом какое-то стихотворение. Слушали её внимательно и благосклонно, не прерывали. И тогда она, уже ощутив себя победительницей, вернулась на место и села, закинув ногу на ногу.

Моя мама, которой Марина уже тогда понравилась, стала делать ей знаки: мол, сядь нормально, по-человечески. Но это было уже бесполезно... Марина гордо взирала на своих конкуренток и осматривала педагогов так, как будто осчастливила их своим высочайшим присутствием. Потом уже в коридоре состоялся разговор.

– Марин, ты читала хорошо, все замечания учла, – говорила ей моя мама. – Но почему ты так сидела? Что за нахальная поза? Я же тебе подмигивала.

И Марина в ответ:

– Ольга Юльевна, вы знаете, я не видела ничего, что вы мне показывали, я была в полном зажиме.

– В зажиме?!!

– Вы не поверите. Для меня зажим – это полный разжим.

Это стало крылатым выражением.

И ещё я вспоминаю одну историю того лета. Дело было так. Марина и её бабушка Анастасия Ивановна сразу после экзаменов поехали отдыхать в Феодосию. И встретили на пляже... Монюкова. Как оказалось, он привёз на гастроли свой театр – Новый драматический. Играли «Шесть персонажей в поисках автора» Пиранделло. Одной актрисе потребовалась срочная замена. Поэтому встрече с Мариной Виктор Карлович обрадовался вдвойне:

– Будет тебе актёрское крещение, – сказал он. – Вечером играешь у нас в спектакле. Роль небольшая и почти без слов. Это роль проститутки.

Потом оглядел её с головы до ног:

– Костюмчик только не твоего размера. Что мы на тебя наденем?

Но Марина не растерялась:

– Виктор Карлович, что вы думаете, у меня одежды для проститутки не найдётся!

Эта фразочка тоже прочно вошла в наш лексикон. А тогда Монюков расхохотался, и вечером Марина, действительно, спасла спектакль...

В сентябре началась учёба. И Маринина абсолютная непосредственность вперемежку с безудержным темпераментом стала выплёскиваться при самых неожиданных обстоятельствах.

На занятиях по сценречи все должны были переписывать от руки длинные-предлинные фразы Толстого и Достоевского. Читали эти тексты вслух, учились распределять дыхание и голос, ставить на место логические ударения. Потом бумажками менялись. Марине попалось: «Как чувствуешь себя сегодня, mon cher?» или что-то в этом роде. «Mon cher», написанное от руки – представляете себе? Вот Марина гордо и прочла: «шоп свеч».

– Что, Мариночка? Ещё раз, пожалуйста, – перебила её Ольга Юльевна.

Маня набрала воздуха и повторила, стараясь как можно легче и незаметнее «проскочить» непонятное выражение.

– Марин, какое еще «шоп свеч»? Что это значит?

– Не знаю, у меня так в листочке написано, – и Голуб протягивает листок.

– Марина, это по-французски «mon cher»!

Разумеется, в тот же день история облетела весь институт.

На втором или на третьем курсе Марина попросила отрывок по сценречи на преодоление. Моя мама дала ей финал «Анны Карениной». Стали разбирать, репетировать:

– Следи за руками. Каренина аристократка. Её фразы и жесты довольно сдержанны.

Марина старалась. Но на экзамене раздухарилась. Она читала: «... когда Анна не застала Вронского, а получила только его небрежным почерком написанную записку, воскликнула: “Так, я этого ждала!”». И вдруг со всей силы хлопнула себя рукой по бедру. На что Виктор Карлович Монюков во всеуслышание заметил: «Нееет, Этот поезд её не задааавит. Этот поезд она сама остановит!»

А на экзамене по вокалу Марина однажды пела военную песню:

*Иди, любимый мой, родной!
Суровый день принёс разлуку...
Враг бешеный на нас пошёл войной,
Жестокий враг на наше счастье поднял руку.
Иди, любимый мой, иди, родной!*

Марина объявила название песни «Прощание». И первая же строчка: «Иди, любимый мой, родной!» прозвучала с интимно-призывной интонацией.

– Посмотрите, она ведь не на войну провожает мужчину, она манит его к себе, – прокомментировал эту неожиданную трактовку Монюков.

И действительно, она пела: «Иди, любимый мой, родной», а в это время манила его рукой: дескать, иди ко мне, подойди поближе.

И, как ни странно, такое исполнение было принято на «ура!».

Обязательным предметом для будущих актёров был французский язык.

Все слушали хит Джо Дассена Champs-Élysées. Конечно, и представить себе не могли, о чём идёт речь. И Паша Каплевич спросил:

– Марина, а Шанзализэ – это что такое?

Маня, не задумываясь, ответила:

– Ну, как что такое! Ты что, не понимаешь? Это же «Элиза, дай мне шанс!».

Марину Голуб и Павла Каплевича, теперь известного художника и продюсера, ещё со студенческих лет связала крепкая дружба. Правда, в разные времена отношения этих свертмпераментных людей бросало от любви до полного отторжения, от душевной близости до неприкрытого конфликта.

А началась эта дружба весьма спонтанно.

– 31 августа 1976 года я, уже будучи первокурсником, впервые переступил порог общежития, – вспоминает **Павел Каплевич**. – И там среди вновь прибывших студентов, среди сваленных тюков и чемоданов крутилась какая-то такая громкая девушка (то ли в гости к кому-то зашла, то ли решала важный вопрос – понять было трудно). Но она держалась так, словно была в этом общежитии важным человеком. Я спросил у ребят: «А кто это?» Мне ответили: «Марина Голуб. Она у Монюкова учится на актёрском...»

То есть она была старше нас на один год и, как позже выяснилось, обязалась взять шефство над первокурсниками...

Возможно, что помощь была колоссальной, но я запомнил другое – нечеловеческий наряд Марины. Ходила она в модной кофте, а главное, в джинсах, что мне казалось атрибутом просто невероятной роскоши (я ведь из Туапсе приехал).

Тогда в ходу крутилось выражение «мерный лоскут». И Марина все годы учёбы напоминала мне бесконечный мерный лоскут, потому что на ней были все мыслимые и немыслимые ткани, которые нигде нельзя было купить. Оказалось, что поиском тканей занимается её мама, которая сама же и прекрасно шьёт...

К слову, кто бы ни говорил о Марине Голуб, – все непременно восхищались её чувством стиля, умением быть модной даже во времена абсолютного дефицита. Она выделялась всегда. И лишь однажды тот самый «стиль» сослужил ей дурную службу. На третьем курсе Марина получила тройку на каком-то экзамене и соответственно лишилась сорокарублевой стипендии. Тогда Ольга Юльевна Фрид направилась в учебную часть защищать свою любимицу:

– Её нельзя оставлять без стипендии! Девочка нуждается! Дайте ей стипендию!

– Ольга Юльевна, вы ничего не путаете? Это Голуб нуждается? Посмотрите, как она одета. Так даже во МХАТе никто не одевается.

– Что вы об этом знаете? – горько ответила Фрид. – Да ей мать из лоскуточков шьёт.

...Все эти анекдотичные истории известны благодаря самой Марине Голуб: она многократно вспоминала их на разных посиделках, всегда дополняя новыми подробностями. И мимолетный эпизод из студенческой жизни в её устах превращался в концертный номер, а воспоминание о какой-либо мелкой ссоре напоминало античную трагедию, в которой было место всему: и острым характерам, и столкновению интересов, и ревности, и слезам, и, конечно же, злему року. Одним словом, актриса...

На первом курсе поехала с приятелем в Ленинград. Поезд возвращался в Москву в предрассветные часы, до начала дня было ещё далеко, и ребята, присев на лавочку, уснули в зале ожидания. Спустя час Марину кто-то похлопал по плечу. Она открыла глаза и увидела перед собой... Монюкова.

– Ой, Виктор Карлович...

– А вы на первую пару не опоздаете? – в присущей ему ироничной манере поинтересовался руководитель курса.

Студентка готова была провалиться сквозь землю.

– Как могло случиться, что Монюков поехал в командировку да к тому же мимо нашей лавочки! Я ведь накануне отпросилась у него с занятий, сказав, что заболела, – рассказывала Голуб.

Интересно, что сам Виктор Карлович ни разу не припомнил ученице того случая. Да и зачем? Свободолюбие в Школе-студии базировалось на доверии. Доверие приводило к дружбе. Дружба сохранялась годами...

– Я ещё застала мхатовских стариков, – говорила **Марина Голуб**. – На моём курсе преподавал Виктор Яковлевич Станицын, который взял меня под своё крыло, очень многому научил. Или вспомнить, например, замечательную Киру Николаевну Головкину – актрису неземной красоты, чья душевная простота и сердобольность на протяжении всех студенческих лет внушали тебе спокойствие: раз в Школе-студии есть такие люди, то здесь ты не пропадёшь...

Знаете, это же очень важно, особенно в начале пути, когда кто-то начинает в тебя верить. И Кира Николаевна верила, а до встречи с ней я

всё время немножко кого-то раздражала. То ли из-за того, что я и тогда была крупная, то ли из-за того, что громкая, то ли из-за того, что выглядела старше своих лет... Короче говоря, я никак не вписывалась ни в одну из компаний. Но нашёлся человек, который сказал: «Ты хорошая и талантливая. Всё хорошо. Не смотри ни на кого – смело иди вперёд»^[3].

Кира Головко и сама не забыла ту первую встречу:

– Монюков взял к нам на курс девочку, которая сразу обратила на себя внимание. Она была яркая, эксцентричная, говорила хрипловатым басом... На мой вопрос: «Деточка, ты что, куришь?» – ответила: «Нет, что вы, я давно уже бросила». Делала из себя этакую важную даму.

Из воспоминаний самой Марины: «С самого начала обучения наш руководитель курса Монюков застращал студенток, что, если что – беременных будет безжалостно исключать: “Имейте в виду, вам придётся взять академический отпуск, а на следующий год, когда вернётесь, вы уже никому не будете нужны, на чужой курс вас не возьмут”».

Помню, как ходили в гости к Кире Николаевне, которая жила в роскошной шестикомнатной квартире в доме на набережной. И каждый раз, как только вечер достигал своего апогея и студенты потихоньку расползались по комнатам, бдительная Кира Николаевна начинала обход, чтобы дело не дошло до греха. “Ребята, не уходите далеко, – повторяла она, собирая нас, полупьяных. – Сейчас будем чай пить”.

Однажды Кира Николаевна оставила у себя ночевать пьяного студента. Утром она на цыпочках вошла в спальню, чтобы взять из шкафа какие-то вещи, но вдруг парень открыл глаза. И Головко прошептала: “Спите, спите, Мишенька. Ничего, ничего”. На что студент радостно ответил: “Как ничего?! Это было отлично, Кира Николаевна!”»

«Сколько мгновений счастья было связано с теми посиделками! Я бы всё отдала, чтобы еще разок, хотя бы на пять минут, вернуться туда», – говорила потом Марина.

* * *

Из воспоминаний Юлии Фрид: «Родители купили нам путевки в Вороново. По тем временам Вороново – предел мечтаний! Правда, в новом корпусе – из стекла и мрамора – места для нас не нашлось, мы жили в стареньком флигеле неподалёку, а в новый ходили тусоваться.

Я во всём хотела подражать Марине, поскольку мне она казалась эталоном красоты, раскованности и так далее. Я отставала по всем статьям, а она меня “тянула”.

В первый же день Марина встретила двух знакомых мальчишек, которые, как короли, жили в новом корпусе. Правда, принцами для нас они так и не стали. Скорее, они были принцами друг для друга.

Больше всего меня поражала безграничная Марицина общительность. Например, садились мы утром завтракать. Она поворачивалась к соседнему столику:

– Здравствуйте, а мы ведь вчера с вами виделись... Помните?.. Я тоже рада с вами познакомиться. Какое счастье, что вы здесь отдыхаете. И мы здесь отдыхаем. Как погода? Мне тоже кажется, что отличная! Я Марина, а это моя подруга Юля. Учусь в Школе-студии МХАТ. Актриса... Будущая. Хотя будущих актрис, как вы знаете, не бывает...

И вдруг: “А передайте мне, пожалуйста, солончку”.

Я спрашивала:

– Марин, а почему нельзя просто попросить солонку?

В ответ она только недоуменно разводила руками.

После поездки в Вороново мы, конечно, были уже неразлучны, образовалась общая компания».

Вспоминает Павел Каплевич:

– Летом я возвращался домой к родителям и начинал страшно скучать, поскольку для меня в Туапсе подходящей компании не было. Среди всех моих одноклассников несколько человек к тому времени сидели в тюрьме, другие работали чернорабочими в порту, и только лишь одна девушка варила кофе на набережной. Это считалось сложившейся карьерой...

Я ждал только одного: когда придёт московский поезд и из него выйдут Маринка Голуб, Юлька Фрид, Сашка Балуйев, Степка Старчиков.

Первым делом ехали ко мне, располагались в доме, а потом, накормленные и переодетые, шли на пляж. Вся компашка резко выделялась среди местного населения. Однажды мы с Сашкой вышли

из дома в одних только шортах, без маек. И на первом же перекрестке нас остановила милиция, поскольку это считалось антиобщественным поступком. На пляже – пожалуйста, ходи как хочешь, а на центральных улицах – ни в коем случае!

Отвели в участок, провели беседу и отпустили.

Но Маню это не насторожило. Дело в том, что её мама умела шить из каких-то трикотажных трусов экстравагантные топики, которые держались на одной резиночке. Кроме того, привезла она с собой и короткие белые шорты, которые едва-едва прикрывали ей попу. Мы ей говорили:

– Марин, тебя арестуют.

– С какой стати! – И она уверенным шагом шла вместе с нами.

Местные бабки, чуть не падая в обморок, успевали её щипать за все места и кричать истошно:

– Проститутка!

Надо сказать, что к своему внешнему виду Марина относилась внимательно при любых обстоятельствах. Повсюду она носила с собой иголочку и маленький ножик. Это были её инструменты борьбы с ленинградской тушью. Иголочкой она расправляла покрашенные ресницы, а ножичком их подкручивала. Я видел, как она это делала. Зрелище не для слабонервных.

Так вот. Однажды она перегрелась, тошнило, кружилась голова. Я испугался:

– Так, срочно идём в медпункт.

– погоди, – страдальческим голосом произнесла Марина, – я должна собраться.

И мы устроились на скамеечке её ожидать, а она всё никак не выходила. Четверть часа, полчаса, сорок минут... Наконец, дверь открывается, и на пороге появляется Марина при полном макияже и вся в белом – в белой юбке, белой кофточке, на голове белая косынка, а на ногах... белые тапочки.

Все рухнули от смеха.

– Ты чего белые тапки-то напялила?

– Ну как, мало ли... Вдруг я уже умираю.

– И ещё одна история студенческих лет... – продолжает рассказывать Юлия Фрид.

Раньше на месте храма Христа Спасителя располагался, как известно, открытый бассейн «Москва». Однажды летом Марина нам рассказала, что уже которую ночь подряд она... ходит купаться. Замотавшись полотенцем и сверху набросив плащ, она идёт пешком от своего метро «Фрунзенская» до «Кропоткинской», перелезает через заборчик и плавает голая. В одну прекрасную ночь мы тоже – Паша Каплевич, Саша Балувев и я решили попробовать. Марина возглавила наше предприятие.

Раздевались в полной темноте и тишине. И вдруг Паша, споткнувшись, сел голой попой в колючий куст и заорал как резаный. Тут же раздался свист сторожа. А мы, едва успев окунуться, схватили свои шмотки и рванули из бассейна.

Марина радовалась:

– Мы навсегда это запомним. Это было прямо как в кино!

В кино мы тоже ходили часто. Шла ретроспектива фильмов Феллини в «Зарядье». Очень хотелось попасть на «Сладкую жизнь».

Мы приехали. Стоит огромная толпа, и все просят лишний билетик. И тут из ресторана поблизости выходят четверо кавказских мужчин. И Марина почему-то бросается к ним:

– Молодые люди, может быть, у вас есть лишний билет?

– А что тут такое? Почему толпа? – спросили они с характерным акцентом.

– «Сладкая жизнь»! – в полном восторге закричала Марина.

И тут один из парней, окинув её сытым, довольным взглядом, философски произнёс:

– Сладкая жизнь? Говно!

О, сколько раз мы вспоминали эту непреложную истину!

* * *

На четвёртом курсе для Марины Голуб наступил звёздный час. Она сыграла главную роль в дипломном спектакле «Хэлло, Долли!». Ставить начинал Виктор Яковлевич Станицын, а завершал уже Олег Георгиевич Герасимов. О триумфе студенческого спектакля написала

газета «Советская культура», что было совершенно невероятно. Заметка называлась «Аплодисменты на экзамене».

«Студенты четвертого курса Школы-студии МХАТ показали мюзикл “Хэлло, Долли!” по пьесе драматурга Т. Уайльдера. Роль Долли Леви темпераментно исполнила молодая актриса М. Голуб. Режиссёр-постановщик спектакля О. Герасимов, художник О. Шейнцис, балетмейстер О. Всеволодская-Голушкевич. Успех вместе с исполнительницей заглавной роли М. Голуб разделили ее сокурсники Д. Золотухин, А. Омельченко, О. Шлыкова, Н. Храбровицкая. И хотя на экзаменах аплодисменты не всегда уместны, они не раз раздавались в зале»^[4].

– Марина в этих аплодисментах просто купалась, – говорит **Павел Каплевич**. – Почти на каждый спектакль приходила её бабушка. Однажды я вошёл в зал, она подозвала меня: «Пашка, садись, я тебе место заняла». Вид у неё стал заговорщицкий: «Вот, Маринка – моя внучка. Теперь представь, что она не моя внучка, чужая. И я тебе чужая: не знаешь ты Анастасию Ивановну. А теперь посмотри на сцену. Ведь Маринка-то лучше всех!»

И, действительно, Маринка блистала.

– Для меня в этом мюзикле был парадокс. Прямо скажем, Марина не обладала особыми вокальными данными, – говорит актёр **Александр Балугев**. – Но она брала этот зал совершенно умопомрачительными движениями, фантастической свободой существования на сцене, силой характера, обаянием, красотой, харизмой. Она же всему верила абсолютно. Ей сказали «мюзикл», она и решила петь даже там, где можно было просто говорить. Мы, будучи младше Марины на один курс, дежурили в фойе учебного театра и смотрели этот спектакль по многу раз. Это было очень ярко. На мюзикл рвалась вся Москва. Люди спрашивали лишний билетик на подступах к МХАТу, готовы были висеть на люстрах – только бы увидеть постановку. Ещё хочу сказать, что Марина в роли Долли была чертовски похожа на Барбару Стрейзанд. И играла она не хуже.

Путь в театр

Марина думала, что после триумфального окончания Школы-студии МХАТ перед ней открыты двери всех театров. И вроде всё складывалось... О её таланте тепло отзывался Валентин Плучек, своей характерностью она понравилась Георгию Товстоногову, Андрей Гончаров разглядел в молодой актрисе трагический потенциал. Театру сатиры и Ленинградскому БДТ Марина предпочла Театр имени Маяковского. Но перед самым открытием сезона ей было объявлено: «Вас не взяли».

Объяснение можно найти разве что такое. Судя по всему, амплуа Марины Голуб не соответствовало её возрасту. Будучи совсем молоденькой, она больше подходила для взрослых ролей. А в каждом театре для таких ролей уже были звёзды. У Гончарова – Наталья Гундарева, у Плучека – Татьяна Васильева, у Товстоногова – Светлана Крючкова.

– Куда бы я ни показывалась, все говорили: «Ах, какая хорошая, но...» Я это «но» понимала, а жить и играть хочется сегодня, – скажет много лет спустя Марина Голуб о том периоде.

...Иначе смотрел на всю эту ситуацию Маринин отец. Ему казалось, что виноват был он. Дело в том, что Григорий Ефимович работал тогда в управлении культуры. И когда узнавали, что в труппу хотят взять дочку Голуба, директор театра непременно говорил:

– Вот пусть Голуб нам штатную единицу спустит, тогда и поговорим...

Было ли так на самом деле, теперь понять трудно. Но факт остаётся фактом: несколько лет успешную выпускницу Школы-студии МХАТ не брали ни в один театр.

– Господи, чего я только ни делала! – говорила **Марина Голуб**. – Помню, как добиралась в лютый мороз на Ленинградку в какой-то клуб «Ладога», где преподавала маленьким детям танец, потому что надо было зарабатывать деньги. И, кстати, первая запись в моей трудовой книжке тоже связана с этим клубом. Актриса им была не нужна, и потому я получала зарплату как балетмейстер.

Однажды мне сообщили, что режиссёр Игорь Сиренко, который только что возглавил Театр имени Пушкина, ищет девушек в труппу. Я рванула туда. На служебном входе в толпе таких же желающих, как и я, оказалось, что речь идёт лишь о массовке в спектакль «Оптимистическая трагедия», где жена режиссёра Светлана Мизери играет Комиссара. Но как всякий утопающий, который хватается за соломинку, я решила стоять на смерть: мало ли как повернётся – сначала массовка, потом, глядишь, и что-то посерьезнее...

Спускается администратор: «Так, нам нужны девушки-волны». Все молчат, отшатнулись. Я решила не упускать момента, говорю: «Я девушка-волна!» – «Проходите. Как вас зовут?» – «Марина Голуб». – «Мариночка, мы сейчас дадим вам голубой шарф, идите с ним на сцену – там режиссёр, и он вам всё покажет».

Я беру шарф, иду на сцену. И слышу команду Сиренко из-за режиссёрского столика: «Сейчас идут волны, потом появляется Комиссар. Начали!» Зазвучала революционная музыка, я со своим шарфом бросилась на авансцену и стала извиваться так, словно объявили штормовое предупреждение. Я играла за всех: за свиту и за короля. Ну, теперь-то я своего не упущу. Возьмут и на роль, и в штат. Проходит минута, другая, музыка звучит, но только действие вокруг стало поумереннее. Я, оказавшись в центре, продолжаю извиваться. И вдруг слышу вопрос Сиренко в микрофон полусшёпотом: «Кто вот эта барышня?» – «Где?» – «Ну, вот эта, которая Мизери сейчас перекрывает». Ему говорят: «А это статистка, девушка-волна». – «Как её зовут?» – «Марина, кажется».

«Мариночка, простите, пожалуйста. Вы что играете? – этот вопрос был уже обращён ко мне. – Вы волна, а не Комиссар! Вы перекрыли Мизери, и я её не вижу». Я чуть не расплакалась: «А куда мне деться?» – «Ну, за неё зайдите, девушка». Я зашла. Постояла волной и ушла. Больше меня не приглашали... [5]

* * *

После очередной Мариной неудачи с театром её мама, Людмила Сергеевна, которая успешно работала в Москонцерте, уговорила дочь попробовать себя на эстраде. Намечался концерт в Сочи, где в первом

отделении Людмила Голуб выступала с чтецкой программой, а во втором Гелена Великанова пела романсы. Марина колебалась:

- А что я буду делать?
- Читать, – твердо сказала Людмила Сергеевна.
- А что? – спросила Марина.
- «Материнское поле».
- Мааам, в Сочи «Материнское поле»? Что-то не очень подходит.
- Вот мы и проверим: артистка ты или нет.

– Куда было деваться? – вспоминала Марина Голуб. – Приезжаем в Сочи. Сидит полный зал. Я выхожу на авансцену: «Добрый вечер, дорогие друзья!» – всё, как полагается. И объявляю: «Чингиз Айтматов. “Материнское поле”». И из третьего ряда голос: «Ну вот только этого нам еще не хватало!» Мне сделалось дурно. Я повернулась к кулисе, взглядом столкнулась с мамой, которая абсолютно с невозмутимым видом сделала мне знак: «Ничего. Ничего. Читай».

Я начала читать. И в конце были аплодисменты, и даже крикнули «браво». Потом в кулисах мама говорит: «Ну вот, значит, ты всё-таки артистка».

Когда-то, когда Людмиле Голуб пришлось уйти из Театра имени Гоголя и перейти в Москонцерт, её мама не очень этому обрадовалась.

– Люд, ну что это за эстрада такая?! Раньше я приду к тебе в театр, мне со всех сторон: «Здравствуйте, Анастасия Ивановна! Проходите, Анастасия Ивановна!» В ложу меня проведут, удобно посадят. А теперь ты с этим чемоданчиком по Москве шляндраешь, шляндраешь...

Но однажды Людмила Сергеевна съездила на гастроли, привезла большой гонорар, положила деньги на стол перед матерью. Анастасия Ивановна посмотрела и выдала коронную фразу:

- Людк, а эстрада-то ничаво.

К тому периоду относится ещё одна история, которую легендарная Анастасия Ивановна, жившая тогда в коммуналке, рассказывала так:

– Есть у нас сосед – где работает, оттуда и тащит. Электриком был – всё проводами пообматывал, в сантехники пошёл – всё унитазами заставил. Так вот, позвал он меня к себе телевизор смотреть. Прихожу, вся семья его сидит, концерт смотрит.

И тут он спрашивает: «А за что это, интересно, артистам такие деньги платят?» Я чувствую – в мой огород камушек. «Чего это они такого умеют, чего мы не можем, Настасья Ивановна?»

Ну, я и не выдержала: «Ты, Вась, чем водочку трескать, надень кобеднишный костюм и белую рубашечку с галстуком. А потом выйди на сцену, у них там микрофон посередине стоит. Подойди к микрофону и всему залу скажи: «Здрасьте, товарищи! Обосрётся!!!»

В Москонцерте Марина Голуб проработала два года.

– Я страшно благодарна тому времени, поскольку самое трудное в нашей профессии – это выйти один на один к зрительному залу, – говорила она. – В театре всё по-другому: у тебя есть партнёры, есть грим, красивые платья, декорации – за всем этим можно скрыться. А на эстраде не скроешься никак, поскольку, кроме микрофона, у тебя ничего нет. Но зато и отдача на эстраде гораздо больше. Мне это столько дало! Я стала видеть и чувствовать зрительный зал, паузы, лица. Я могу собрать публику, я могу ею владеть, и всё это мне дали те годы, когда ни один театр не брал меня в свою труппу^[6].

* * *

– Мы познакомились с Мариной в январе 1979 года на юбилейном вечере Вениамина Захаровича Радомысленского – ректора Школы-студии^[7], – рассказывает **Людмила Черновская**, руководитель молодёжной секции Дома актёра. – Марина была в числе гостей. Она эффектно сидела на подоконнике, закинув ногу на ногу, и все вокруг шептались о её умопомрачительной причёске и сногшибательном оливковом костюме.

Мы подружились. Она стала часто приходиться в Дом актёра. Я знала, что с театрами у неё никак не складывается. Мне звонили: «Люсь, а Маринка ваша... Работы нет никакой – сидит на Тверском бульваре в шубе и с кем-то поет». Мы смеялись: какая молодец, не унывает!

...Так прошло какое-то время, и вдруг Саша Боровский и Женя Каменькович мне сообщают, что в ГИТИСе учится фантастический

парень Гриша Гурвич, и что он может придумывать капустники. Я обрадовалась: «Ребята, так давайте его к нам!»

Гриша пришёл со сценарием «Голубого огонька». Я позвала Наташу Храбровицкую, Володю Зайцева, Юру Васильева, Володю Симонова и, конечно же, Машу Голуб. Что творилось – я вам передать не могу! Это был фурор. Марине досталась роль стрелочницы, у которой берут интервью. Она сыграла блестяще. Так смешно, что просто всех уложила в этом номере.

Через много лет в память о Григории Гурвиче Марина Голуб напишет:

– Первый капустник в Доме актёра, тот самый первый, который ты написал в старом Доме на Тверской, тогда улице Горького. Потом будет много других, и после пожара в новом Доме. А это был первый. Я играла работника железнодорожного транспорта. Когда я получила текст, мне он показался несмешным, но ты сказал, как я должна это говорить, и реакция была оглушительная. Табаков чуть не упал со стула от смеха, Марк Захаров смеялся на весь зал. Это был настоящий успех у каждого из нас: Симонова, Трехлеб, Васильева, Илзе Лиела. Теперь, оглядываясь назад в тот вечер Старого Нового года, я понимаю цену счастья, радости, совместной работы и того самого успеха. Ты дал многим путёвку в жизнь. После твоих капустников тебя самого взяли ведущим на телевидение. У тебя всегда были уникальные знания, и передача «Старая квартира» стала самой любимой благодаря тебе. У тебя лёгкая рука, большое сердце и очень большой талант. Такие вещи не забываются. Такие вещи всегда приводятся в пример. Такими вещами гордятся, что я знала этого человека. Я с ним делала одно дело, хотя капустник делом вроде и не назовёшь... Спасибо тебе, родной Гришуня, я была счастлива, общаясь с тобой^[8].

Своё участие в капустниках Марина Голуб будет продолжать и позже, когда Григория Гурвича уже не станет. По сей день в Интернете ходит ролик, записанный на юмористическом вечере в Доме актёра в 2004 году. Вечер называется «Ленин с нами!». Марина Голуб читает стихи от лица гардеробщицы, которая приняла у Ильича пальто и заметила, что на этом пальто отрывается пуговка. Её исполнение – это настоящий актёрский гротеск. И в ответ – гомерический хохот зала. Но

как бы ни была комична Марина Голуб, в её монологе есть второй план – судьба наивной старухи, которая всю жизнь проработала на заводе и, по воле случая пришив Ленину пуговку, вдруг стала большой знаменитостью.

Кого бы ни играла в тех капустниках Марина Голуб – библиотечкариш и директрис, продавщиц и соседок, брошенных жен и чиновниц, – она всегда создавала характер, давала ему объём, доводила зрителей и до смеха, и до слёз.

– Конечно, в капустном жанре Марина задавала высочайшую планку, – говорит актриса **Юлия Рутберг**. – Нас всегда друг к другу тянуло: родство душ было невероятное. Маринку обожали мои родители, она обожала мою семью. Виделись нечасто, но если встречались, то это был фонтан. А впервые я увидела её не в Доме актёра, а на учебной мхатовской сцене. Я тогда училась в школе и каким-то чудом попала на «Хэлло, Долли!». Вы можете себе представить, что такое была для меня Марина, которая была уже субМарина, а я по своему статусу являлась, наверное, килькой, которая плавает в томате. Я даже представить себе не могла, что эта звезда, эта небожительница сможет когда-нибудь о чём-то со мной поговорить. Где она, а где я. Пропать.

Но со временем в Доме актёра мы действительно встретились. Встретились благодаря Маргарите Александровне Эскиной и, конечно, Люсечке Черновской. За десять лет мы создали какую-то немыслимую команду, которая на Старый Новый год на всех капустниках брала аудиторию, состоящую из мэтров. Это находящийся в самом расцвете своего творчества Марк Захаров, это сидящий рядом Олег Табаков, это Александр Ширвиндт, Михаил Державин, Александр Абдулов, Олег Янковский, это Петер Штайн, специально приезжающий к нам в гости, это Хазанов, Жванецкий, Горин... Мы проходили по гамбургскому счёту, и никто нам спуска не давал. Нас ждали, ждали...

Время было совершенно великолепное. Один раз получилось так, что мы с Маринкой справляли Новый год у Маргариты Александровны (она нас пригласила в дом отдыха на Лосином острове). И это было незабываемо. Мало того что мы всю ночь бесились, на следующий день мы всё допили, а вечером вроде как стали разъезжаться. И Маринка решила заехать к нам на кофеёк минут на пятнадцать и засиделась до пяти утра. Причем договорить до конца с ней было невозможно, потому

что, чем больше ты общался, тем отчётливее (несмотря на количество выпитого) понимал, что разговор бесконечен, поскольку он касался всего. Она в этом смысле была бездонной рекой – без берегов и без дна, потому что с ней можно было говорить на любую тему. Это тот редкий случай, когда прекрасный человек, душевный, любящий, открытый, обладал большим артистическим талантом. И, вполне естественно, этот очевидный талант формировался вопреки стереотипам, актёрский путь Маринки был восхождением.

«Сатирикон»

Повезло только в 1982 году. Государственный театр миниатюр под руководством Аркадия Райкина переезжал из Ленинграда в Москву. Молодёжное крыло труппы возглавил сын Аркадия Исааковича – Константин Райкин. Он и пригласил Марину Голуб в свой коллектив, который позже получил название «Сатирикон».

– Никто толком не знает, что это такое, – говорит **Константин Райкин**, – но у меня есть ощущение этого слова. Корень ясен – сатира. Как тут не вспомнить о Марине Голуб с её невероятной общительностью и ураганной энергией! Уже в те годы она являлась для меня олицетворением жизни – её бьющимся нервом. И, конечно, я радовался, когда узнал, что Марина может срочно закончить все свои текущие дела и в короткий срок перейти в наш коллектив. Да и, признаться, ждать было некогда.

...К репетициям приступили сразу же. Юмористическое обозрение «Лица» (по пьесе Михаила Мишина) состояло из динамично сменяющихся бытовых зарисовок, пластических композиций и музыкальных номеров. Солировал Константин Райкин (он же хореограф-постановщик спектакля), и молодёжная труппа «Сатирикона»: Марина Голуб, Лика Нифонтова, Владимир Большов, Николай Добрынин, Константин Лавроненко, Сергей Урсуляк, Михаил Ширвиндт.

Актёр **Фёдор Добронравов** пришёл в «Сатирикон», когда Марина там уже не работала. Но о ней ходили легенды:

– Она театр душой чувствовала. Артисты рассказывали о её не то чтобы трудоголизме, а о всепроникающем участии в процессе. Кому-то что-то подсказала, с кем-то внеурочно встретила – порепетировала. Я удивлялся: неужели в наш суматошный век такое бывает? Но когда много лет спустя мы снимались в одном фильме, я всё это почувствовал на себе. Действительно, Марина не замыкалась на себе, была требовательна к партнёру, всегда готова помочь. Такой характер!

Старожилы «Сатирикона» вспоминают, как не раз после репетиции Марина Голуб искала свободную комнату для того, чтобы «закрепить

пройденное». Играла, играла, играла... Боялась, что «это» исчезнет.

Про тот период вспоминает телевизионный продюсер **Светлана Воробьевская**.

– Меня с Мариной познакомила Юля Фрид. Они пришли ко мне в гости. Дружба началась стремительно. Прямо в день знакомства Марина стала рассказывать о спектакле «Лица». Даже не рассказывать, а играть: за себя, за партнёра, за Райкина – за всех.

Она комментировала выходы каждого героя и «меняла маски», говорила разными голосами и показывала движения, а когда подошёл черёд танцам, Маринка сказала:

– Поставь какую-нибудь музыку.

Проигрывателя у меня не было, поэтому, поймав в транзисторе какую-то нелепую волну, я увидела, как Марина танцует! И пусть транзистор играл одно, а она танцевала совершенно другое, картина была сказочная! Я смотрела как заворожённая.

– И вот здесь мы выходим на поклоны.

Стала показывать, какие Райкин им поставил поклоны.

– А ты хлопай.

И я хлопала...

А потом была премьера, где мы с Юлей оказались в числе первых гостей. После спектакля пошли за кулисы, занавес был уже закрыт, но артисты ещё толпились на сцене. Голуб увидела нас:

– Ну, как вам?

Я шагнула навстречу, но споткнулась о какой-то провод и, рухнув почти в самые ноги, произнесла:

– Боже мой, Маня, это потолок!

Было жутко смешно. И с тех пор после каждой премьеры она спрашивала:

– Светка, ну что, потолок?

* * *

Своё новоселье в Москве «Сатирикон» справил только в 1987 году премьерой спектакля «Мир дому твоему». Как сказал в день открытия Аркадий Райкин: «Мы выехали из Ленинграда в 1981 году и только сейчас добрались до Москвы».

Пока ожидали новоселья, бесконечно гастролировали.

– Нас по четыре месяца не было дома, – вспоминала **Марина Голуб**. – Особенно часто бывали в Ленинграде. Приезжали туда в сентябре, и там была уже погода, когда не хочется ни гулять, ни работать... Хочется только пить и спать. Жили мы в «Октябрьской». И каждый вечер я слышала гимн и понимала, что уходит поезд на Москву. «Прощайте, милые мои. Если бы знать... когда нас отпустят».

Сентябрь, октябрь, ноябрь мы были в Ленинграде. Вот уже декабрь, а гастроли не прекращаются. И вдруг 15-го числа мне говорят: «Тихонечко собирай чемодан, кажется, завтра небольшую группу отпускают в Москву». – «И я там?!» Радости не было предела. Служение служением, но ужасно соскучилась по дому. Я помню, как рьяно кидала вещи в чемодан, как бежала к вокзалу, не обращая внимания на то, что у меня из чемодана торчат колготки и развеваются на ветру...^[9].

Однажды вместе с театром Марина Голуб поехала в Будапешт.

– Это было время, когда в нашей стране не было вообще ничего, – говорила **Марина Голуб**. – А в Венгрию капитализм уже пришёл. И мы туда поехали с Аркадием Исааковичем Райкиным.

Перед тем как получать суточные, у нас был свободный час, нам сказали: «Погуляйте часок, а потом мы вам деньги дадим».

Мы пошли по городу. И вдруг я увидела всё то, о чём мечтала. Сережки из пластмассы цикламенового цвета, какие-то штанишки, немислимые брючки, сумочки – всё, что я не могла купить на родине. И у меня случилась настоящая истерика. Я рыдала и говорила: «Отведите, пожалуйста, меня в гостиницу. Не выдавайте мне денег, я не хочу ничего. Мне ничего не надо!»

А потом, когда я всё-таки пришла в себя, получила деньги и, как сумасшедшая, делала этот шопинг. Вернувшись в Москву, я первым делом нацепила на себя все наряды разом. И моя подруга сказала: «А что, другого цвета там не было?»

В самом деле, советские женщины оказались просто помешанными на этом цикламеновом цвете. И когда однажды нас собрал Райкин, то все мы пришли к нему одетыми в одной цветовой гамме. Это было очень смешно^[10].

Период «Сатирикона» длился недолго. О причинах своего ухода Марина Голуб позже рассказывала в эфире радиостанции «Эхо Москвы». С ведущей программы – Ксенией Лариной – в 80-х годах они вместе работали в театре.

– ...Ксения не даст соврать. Она прекрасно знает эту историю. Но я хочу сказать, что вспоминаю про театр Райкина только самое хорошее, потому что Костя, действительно, очень многому научил меня в профессии, научил и отношению к профессии. Он возлагал на меня большие надежды. И однажды в начале сезона предложил ведущую роль. А я ему ответила, что беременна. Не каждому художественному руководителю это понравится...

Потом я родила и вернулась в коллектив уже немножко в другой форме. Роль от меня ушла – её играла другая актриса. И тут вдруг во мне начали говорить амбиции: мол, как же так, я способна, а он меня отстраняет. Потом, правда, когда у него, у самого, родилась дочь, он говорил:

– Да, наверное, я был не прав.

Но как бы то ни было, получился затянувшийся конфликт. И я сказала, что собираюсь уходить. Он сначала сказал:

– Нет, не надо.

Да и Сережа Урсуляк, который работал в это время в «Сатириконе» и ещё не ушёл в режиссуру, мне говорил:

– Ты знаешь, как в театре всё быстро меняется. Ну подожди немного. Побудь, погни, потом перевернётся ситуация, и всё будет хорошо.

Но я человек бегущий, бегущий по волнам. И я ушла в еврейский театр^[11].

«Шалом»

Переход случился легко и стремительно – без долгого антракта. Рассказывает основатель и художественный руководитель театра «Шалом» **Александр Левенбук**:

– Я увидел Марину на сцене ещё задолго до того, как она пришла ко мне в театр. Однажды мы с женой побывали на спектакле «Лица» в «Сатириконе», и наше внимание привлекла артистка по фамилии Голуб. А моей хорошей знакомой по работе на эстраде была прекрасная чтица – Людмила Голуб. Само собой разумеется, что я решил ей позвонить:

– Людочка, мы были в «Сатириконе». Скажи, пожалуйста, Марина Голуб имеет ли к тебе отношение?

– Да, это моя дочь.

– А она дома?

– Дома. Сейчас передам ей трубку.

Я поделился с Мариной впечатлениями. Ей было приятно. А потом прошло какое-то время, и вдруг я встречаю Люду. Она говорит:

– Слушай, а ты не возьмёшь мою дочку в свой театр?

Я говорю:

– С радостью!

Так Марина стала артисткой нашего «Шалома», который только-только становился на ноги и был ещё мало кому известен.

В труппу «Шалома» Марина поступила в тот период, когда у нас явным лидером была Анетта Табачникова. Я боялся, что между ними возникнет конкуренция: слишком мощный у каждой был темперамент. Но обе они в силу своего изумительного воспитания повели себя замечательно, став, как мне показалось, подругами.

Но Анетта решила переехать в Израиль, и мне ничего не оставалось, как отдать Марине солидную часть её ролей. Думал, произведу замену, чтобы не оголять афишу, а постепенно в репертуаре появится что-то специально для Марины. Но Марина даже в этих вводах стала играть так интересно, ярко и замечательно, что очень скоро стала первой актрисой «Шалома». Подчеркну: русской актрисой еврейского «Шалома». На гастролях в Евпатории, помнится, какая-то дама поднялась на сцену, вручила Марине букет и сказала:

– Я не знаю, кто вы по национальности, но вы наш человек.

Это совершенная правда: она обладала талантом международного масштаба!

Кстати, в её успехе особой моей заслуги нет. Она сама всё знала и умела, а я просто сформулировал задачу:

– Марина, ты должна стать артисткой дефицита, то есть ты должна выходить на сцену, чтобы дать зрителю то, чего ему не хватает, – любви, справедливости, хорошего настроения и подъёма в собственных глазах. Никогда не думай о том, как ты выглядишь. Женщинам ведь свойственно смотреть на себя со стороны, но у тебя совершенно особая стезя: ты должна быть только в процессе отдачи своего, и тогда всё это к тебе вернётся.

И, действительно, народная любовь буквально накрыла её с головой именно благодаря этой душевной щедрости.

У Марины было два особых качества. Первое – она ярчайшая индивидуальность, которая растворялась в своих персонажах. Она относилась к зрительному залу как к своему партнёру: не дистанцировалась, не «пережидала» аплодисменты, а, наоборот, обыгрывала каждую мелочь. Она произносила монолог еврейской жены и непременно провоцировала какого-нибудь зрителя – хотела услышать его реакцию. Если в зале кто-либо тяжело вздыхал, Марина тут же обращалась к нему со сцены:

– У тебя такая же ситуация?

И подобные реплики не были заготовкой. У неё между импровизацией и существованием «в образе» не оставалось ни малейшего зазора. Всегда органична, всегда активна и при этом проста. Только простота эта на самом деле была обманчивой: в её душе невероятная актёрская стихия бушевала.

А вторым её важным качеством были хореографические данные. Уже в ту пору Марина не была Дюймовочкой, но двигалась изумительно, божественно танцевала... Я не преувеличиваю. Моя жена, главный балетмейстер нашего театра, всегда выдвигала её на первый план: современные танцы она исполняла так, что мужчины глаз не могли оторвать.

Впрочем, была и ещё одна особенность. Весь жизненный путь Марины Голуб был нацелен на успех. Некоторые считают, что это плохо, дескать, мы, актёры, должны находиться в процессе, а результат

нас не должен интересовать. Но мне кажется, что результат Марину беспокоил не меньше, чем процесс.

Она мне звонила из Америки (там наш театр был на гастролях, но я поехать не смог) и говорила в панике:

– Александр Семёнович, у меня вот эта реплика не проходит, надо сделать так, чтобы она звучала смешнее.

Я судорожно сочинял что-то на ходу, пытался помочь. Потом звонок раздавался снова:

– Спасибо, всё получилось.

Подобное отношение к работе я видел только у Савелия Крамарова, который мог целый день просидеть у меня лишь для того, чтобы найти подходящую интонацию либо подшлифовать какую-то фразу... Сегодня, конечно, так никто не может: все куда-то бегут, спектаклю посвящают время между съёмками и корпоративами. А Марина при её огромной занятости могла.

Она не боялась рассказывать истории, в которых представала не в лучшем виде. Более того, история могла быть и неприглядной, но если над ней можно было посмеяться, Марина её не забывала, а, напротив, подавала каждый раз под новым соусом.

А вообще, была у нас с ней коронная история. Однажды я пришёл домой, включил автоответчик и услышал Маринин голос:

– Александр Семёнович, дорогой, я вас очень люблю, я вас поздравляю с днём рождения, желаю вам здоровья, всяческих успехов и пусть вас все любят так, как люблю вас я.

Я ей перезваниваю, её нет. И тоже записываюсь на автоответчик:

– Марина, дорогая, спасибо тебе большое за поздравление! Оно мне особенно ценно, потому что сегодня ни одна сволочь меня не поздравила. Может быть, потому, что день рождения у меня только через месяц?

Она хохотала до слёз:

– Представляете, я так боялась напутать, что поздравила его на месяц раньше.

Такой она была во всём – только бы не забыть, только бы со всеми поделиться своим теплом...

В 1991 году великая Ванесса Редгрейв пригласила «Шалом» на гастроли в Лондон. Там у нас за 14 дней было 17 спектаклей, и все – аншлаги. Главной героиней тех гастролей стала, безусловно, Марина.

Они вместе с Ванессой ходили как подруги, разговаривали как подруги, а во время спектакля Ванесса из зала кричала ей «браво». Я гордился: для меня они две равновеликие актрисы. И то, что английская прима без труда разглядела Маринин талант, ни у кого не вызвало удивления: иначе и быть не могло.

Конечно, Марина купалась в успехе, но я видел, что её душа просит большего. Поэтому, когда ей захотелось уехать с мюзиклом на гастроли в Канаду, я отпустил без разговоров, хотя и предупреждал, что дело это провальное. Но она увлекающаяся натура: остановить было невозможно.

В 1992 году Марина Голуб прошла отбор и была принята в первый отечественный мюзикл «Русские на Бродвее». Постановка затевалась для того, чтобы показать её вскоре за океаном.

– ...Мы выехали на полугодовые гастроли в Канаду, – это слова уже самой Марины Голуб, – но местные профсоюзы не разрешили русское шоу: мол, этим должны заниматься канадские артисты. Самое интересное, что я в ту поездку взяла с собой дочь и мужа. Пришлось срочно отправлять их назад, а самой задержаться, чтобы хоть что-то заработать, – шёл 1992 год, у нас в стране ничего не было. Я вела концерты в ресторане. Надевала красивое платье и в гриме шла через весь город: денег на такси не было. Ностальгию я прочувствовала на физическом уровне: перестала есть, спать, общаться. Вернувшись в Москву и съев наш помидор и картошку, рыдала от счастья. В общем, всего двух месяцев на чужбине мне хватило, чтобы понять: эмигранткой я не стану никогда в жизни!^[12]

Александр Левенбук вспоминает, как, вернувшись в Москву, Марина первым делом позвонила ему:

– Алик, это я. Когда у нас репетиции?

На следующий день Марина Голуб была в театре. И вновь её смешная, разбитная Дора садилась в поезд – «Поезд за счастьем». Её героиня, сменившая множество мужей, так и осталась у разбитого корыта.

– Еврейские мужья – это как чемодан без ручки: и нести тяжело, и бросить жалко. От них, кроме храпа, ничего, – многозначительно подытоживала Марина и, покидая сцену, кокетливо смотрела на мужчин в зале. В её игре были и гротеск, и трагикомедия, и абсурд.

Броская характерность, эксцентричность и вдруг – сдержанность, тонкость игры, загадочная недосказанность. Обаяние заражало. Главных ролей становилось всё больше. Зрители шли специально на Марину Голуб. После каждого спектакля она уносила домой охапки цветов. Но все эти радости были лишь в системе координат небольшого еврейского театра.

В какой-то момент Марина Голуб пришла к Левенбуку и сказала:

– Алик, я ухожу.

– Жалко ли мне было отпускать любимую актрису? Конечно, жалко, – это уже слова **Александра Левенбука**. – Но я понимал, что в «Шаломе» она не будет играть ни Шекспира, ни Брехта, ни Мольера, ни Горького. Вся лучшая мировая драматургия не для нас – у нас другой формат. Поэтому заявление я подписал без паузы.

Началось, что называется, свободное плавание. Середина 90-х. Киностудии простаивают, предложений от театральных режиссёров не поступает.

Телевидение

– У каждого случаются моменты поиска, – говорила актриса. – Вот я искала-искала и в середине 90-х нашла – телевидение. Некоторое время делала передачу для детей «Праздник каждый день». Сама переносила старинные народные сюжеты в наше время, сама была и Емелей, и Щукой... Потом эта передача загнулась.

И вдруг Олег Марусев предложил мне собрать команду Дома актёра для его телеигры «Пойми меня». Мы так хорошо сыграли, что Олег сказал: «А давай, ты будешь ведущей! Я в тебя верю. Пробуй!» На всю жизнь я запомнила, как Олег в трудную минуту протянул мне руку. С тех пор мое кредо – помогать людям^[13].

Я попробовала, провела несколько программ и именно тогда попала на глаза Анатолию Григорьевичу Малкину, задумавшему делать «Эх, Семёновна!». Он сказал: «Вот такая энергетика мне нужна!» Всё сошлось. Так на три года я стала ведущей передачи «Эх, Семёновна!».

Друзья шутили: «Это ноу-хау какое-то – ведущая актриса еврейского театра и вдруг – русская Семёновна!».

Но программа набирала обороты. Участники из самой народной гущи – метким языком частушки с острым словцом – рисовали портрет нового времени. И верховодила всем этим Семёновна. Она же Марина Голуб.

Критика возмущалась: «Ужас какой! Вытащили на телевидение мат! Зачем?» Ведущая парировала:

– Фольклор для русских – всё равно, что для испанцев коррида. Весь мир возмущается, как испанцы убивают животных (это при живом-то короле!), но такой у них национальный «прибамбас». А у нас – другой. Всегда найдётся тот, кто будет недоволен и будет говорить, что это плохо, и как же вы воспитываете население. <...> Ну уж если совсем что-то неприличное, мы просим не допевать до конца или закрываем каким-нибудь «ку-ка-ре-ку». Но зато народный колорит какой! <...>

Бабулька одна пронзительным голосом пела: «На колготках «Пилигрино» // Мой повесился сосед, // До чего висит красиво, // Ни одной затяжки нет». Грандиозно же! Есть уникальные частушки по

мысли и по исполнению. А все, что поются про политику, говорят о рейтинге. Включаете «Эх, Семёновна!» и понимаете, кто популярен, кто нет, кого любит народ, кого не любит^[14].

Впрочем, через какое-то время передачу стали перебрасывать с одного канала на другой. Судьба «Эх, Семёновна!» повисла на волоске. Но взамен неё, на радость Марине, началось сотрудничество с «Утренней почтой». И это тоже стало заметным этапом в её телевизионной биографии. Но об этом позже.

Дом

Первые воспоминания о маме? Они такие отрывочные... Мне три или четыре года. Мама возится со мной, а я знаю, что утром ей на гастроли, и потому незаметно привязываю пояс от её халата к своему пальцу. Потом я просыпаюсь, а мамы уже нет.

Дочь Марины Голуб – Анастасия – вспоминает:

– Перед сном она рассказывает мне сказки. Сочиняет на ходу просто фантастически. Мы, валяясь в кровати, вместе умираем от смеха. Ни о каком сне не может быть и речи. Мама рядом, я безмерно счастлива.

Чего я только ни делала, чтобы она не уезжала! Но актёрская профессия жестокая. Маме приходилось уезжать.

Со мной поочередно сидели все члены нашей семьи: прабабушка Настя, бабушка Люда, когда сама не гастролировала, и дедушка Гриша, который всегда был рядом. Вот фактически у них на руках я и росла.

Но чем прекрасна жизнь артистического ребёнка? Все испытывают бесконечную вину перед ним и заглаживают её подарками. Мама меня буквально одаривала самыми невероятными игрушками и нарядами, каких ни у кого не было...

А потом она стала меня брать на гастроли. Ей единственной разрешали это делать, потому что я была очень тихим ребёнком. Я могла часами сидеть молча и рисовать. А иногда начинала странно танцевать. Слышала какую-то музыку внутри и двигалась. Я обожала мыть посуду, как смешно это ни прозвучит. Ещё совсем маленькой я могла перемыть всю грязную посуду после огромных застолий. А их в нашем доме случалось огромное множество. Столы накрывали с широтой и лёгкостью. Мама и бабушка прекрасно готовили и меня научили.

У нас в доме было железное правило: если мама спит – должна быть гробовая тишина. Я помню, как впервые смотрела по телевизору балет. А потом увидела балет в Большом театре и пришла в неописуемый восторг:

- Мам, представляешь, они танцевали под музыку!
- Конечно, под музыку. Это же балет.
- А я знаю один балет, который танцевали без музыки.

- Такого не может быть.
- Целый балет, мама, поверь мне.

Мама заулыбалась, поняв, что я просто соблюдала установленный закон – ни звука по утрам. Не дай бог, упадёт карандаш! Я поднимала его, оборачиваясь на дверь: а вдруг из-за меня теперь мама не выспится.

Но когда, в конце концов, мама выходила из своей комнаты, наш дом оживал. А уж если она брала меня с собой в театр... Это было счастье!

Но в театре с мамой нужно было вести себя по-другому. Во время репетиции к маме не подойди, если она повторяет текст – с ней ни заговори, если за кулисами нужно перейти с одного места на другое – иди на цыпочках. И ни в коем случае не окажись на пути кого-то из артистов или костюмера, гримёра, реквизитора во время работы.

Но однажды в детстве я всё-таки едва не сорвала маме спектакль. Получилось это случайно: я была в театре с самого утра. Помню, меня покормили, и я сидела тихонечко за кулисами, а потом залезла в какую-то корзину, укрылась и заснула.

Проснувшись я оттого, что меня куда-то тащили. В глаза ударил яркий свет, и я поняла, что очутилась на сцене. Затаив дыхание, я ждала, что будет дальше. Через мгновение надо мной склонилась мама и всем своим видом дала понять, что, если я пошевелюсь или, еще хуже, заговорю, театра мне больше не видать, как своих ушей. Всё это сразу читалось в мамином выразительном взгляде.

Но мама была настолько свободной и органичной на сцене, что, ни на секунду не растерявшись, она с блеском вышла из положения.

– Чтобы глаза мои эту корзину больше не видели, – грозно сказала мама.

Я не поняла, кому были адресованы эти слова, и на всякий случай натянула одеяло до самой макушки. Еле сдерживаясь от смеха, артисты потащили меня назад за кулисы.

Выбравшись из корзины, я обречённо поплелась в мамину гримёрку – ждать страшного наказания. Но мама всегда была непредсказуемой. И в тот раз она не сказала мне ни одного строгого слова. Как будто вообще ничего не произошло. Весь остаток дня я обнимала и целовала её в молчаливой благодарности за то, что меня простили и, кажется, будут продолжать брать в театр.

Что касается школы, у меня да и у мамы были непростые с ней отношения. На родительские собрания она никогда не успевала, моими отметками особо не интересовалась и включилась только тогда, когда выяснилось, что у меня очень серьёзные проблемы с математикой.

Однажды во время урока открылась дверь, и весь класс услышал:
– Здравствуйте, я мама Насти Голуб. Я тут у вас посижу?

И она зашла. Тут я почувствовала, что все мои проблемы решены. Мама была ослепительно красива. Класс взирал на неё с восторгом. Математик Абрек Петросович Саркисов онемел.

– Абрек, помогите Насте.

И Абрек Петросович стал со мной заниматься: дважды в неделю на протяжении четырех лет бесплатно, до тех пор, пока не вывел меня в отличницы. Самое удивительное, что я стала получать хорошие отметки и по другим предметам. И вообще, полюбила учиться. Так одним своим приходом мама, можно сказать, изменила мою судьбу.

Был, правда, и ещё один визит в школу. Только с противоположным эффектом. Я терпеть не могла физика, он же был и директором школы. Видно, в какой-то момент я переборщила с жалобами и ненавистью.

– Когда родительское собрание?

– В следующую среду.

– У меня репетиция, но я отменю.

Я поняла, что добром это не кончится. Мама пошла на собрание, я ждала её на улице. Вышла она с видом победительницы.

– Мама, ну что? Про меня говорили?

И она изобразила всё в лицах:

– У вашей девочки – проблемы.

– У моей девочки проблем нет. Проблемы есть у вас. Так скучно преподавать физику может только человек без ума и фантазии. Дети ненавидят и вас, и ваш предмет.

Некоторое время мы шли молча. Первой заговорила мама:

– Ты же мне говорила, что он идиот. Я решила ему передать. А вдруг он не знает!

– Мама, а как же мне теперь учиться?

– Абреку скажи. Он что-нибудь придумает.

Абрек Петросович был в ужасе:

– Зачем твоя мама всё это устроила, зачем ты её завела?

Ответа не было. Больше тройки по физике мне уже не светило. Аттестат был безнадежно испорчен. Но маму это не пугало. Она хотела меня защитить. И пусть у неё ничего не получилось, главное, она сказала, что думала. И подобных ситуаций в её жизни было немало.

Физик-директор невзлюбил меня окончательно. Математик, как мог, меня выгораживал и поддерживал. В итоге, всё образовалось само собой. Начался девятый класс, школу ждала реорганизация – её объединяли с какой-то другой. Абрек Петросович – а больше вникать в мои школьные проблемы было некому – решил, что мне нужно идти в экстернат, причем с гуманитарным уклоном.

И я нашла такой экстернат. Девятый и десятый классы там заканчивали за год, а одиннадцатый – за полгода. И ещё полгода оставалось на подготовку в вуз. Я сказала маме, что перехожу в экстернат. Она сказала: «Решай сама». И я решила. Ездила два с половиной года через всю Москву и, наконец, в 16 лет благополучно закончила эту историю со школой.

Как-то само собой было решено, что я после школы должна поступать на юридический факультет. Мне дали денег, чтобы я могла оплатить курсы при юридической академии. Но я сходила на занятия всего лишь три раза и ощутила безграничную тоску: что я тут делаю?

– Никакой ты не юрист, – сказала моя близкая подруга Ника Гаркалина, тоже актёрский ребёнок.

– А куда идти?

– Как я, на продюсерский. Дети артистов, которые не стали артистами, все идут на продюсерский.

Я поверила, пришла домой и говорю:

– Мам, у меня есть две новости: одна плохая, другая хорошая. Первая: я уже месяц не хожу на юридические курсы, вторая: я хочу поступать на продюсерский факультет.

Мамина реакция меня восхитила:

– Зашибись, мне это нравится! Давай! И, действительно, кто решил, что ты у нас юрист? Это бабушка почему-то вцепилась – пойдёшь в юристы, и всё. Продюсер – мне нравится. И вообще, поближе к театру. Всё, давай! Кому звонить?

И я поступила на продюсерский в ГИТИС.

Вообще, у мамы по отношению ко мне было феноменальное чутьё. Она всегда говорила:

– Я могу не знать, где Настя сейчас находится, я могу не знать, что с ней в данный момент происходит, но всё что надо, про свою дочь я знаю.

И это было правдой. Наша связь не прерывалась ни на секунду.

Как меня хвалила мама, не хвалил больше никто. То, как мама про меня рассказывала другим людям, я не услышу уже никогда. Она говорила всегда, что я у неё большая молодец, а мне хотелось быть в её глазах ещё лучше.

Она воспитывала меня так, что многие важные решения я принимала самостоятельно. Она с детства говорила со мной как со взрослым человеком. Сейчас я думаю: как это было правильно.

Когда я уже повзрослела и стала работать, мама просила:

– Насть, остановись, я умоляю тебя. Ты ведь всю свою жизнь без остатка подчинила работе. Подумай о себе. Мне ничего доказывать не надо.

Но я не слушалась. Я работала и работала. Работала ради удовольствия, была счастлива, что у меня многое получается, работала и ради денег, мне нравилось быть самостоятельной.

В какой-то момент я задумалась: а зачем я устроила такую гонку? И поняла, что просто-напросто не могла подвести маму и хотела, чтобы она мной бесконечно гордилась. А может быть, мне это кажется теперь, когда мамы не стало?

Хочется, как в детстве: мама рядом, и я счастлива.

* * *

Марина Голуб, где бы она ни жила – пусть на гастролях, пусть на отдыхе, – всегда сохраняла вокруг себя ощущение дома. Она умела создать домашний уют в самой, что ни на есть, ветхой развалюхе.

Актер **Игорь Миркурбанов** говорит, что для него Марина всегда ассоциировалась с понятием Дом.

– Теплый, гостеприимный, уютный дом. Я ведь, когда переехал в Москву, места себе не находил: суматошная столица не располагала к поиску друзей... Тяжёлый город. Тяжёлая энергетика. Но вдруг в компании у Павла Каплевича я познакомился с Мариной Голуб, и... До сих пор помню мучавший меня вопрос: «Откуда в Москве взялись

такие общительные, лучезарные люди?» Марина ведь не просто общалась, она искрилась жизнью. Ты в первый раз её видел, но уже через несколько минут ловил себя на мысли, что охотно делишься с ней и планами, и мечтами, и фактами биографии... Для меня эта встреча стала компасом: я понял, что и в Москве можно встретить своего человека. С тех пор жить стало чуточку легче: оказалось, что дом – это не только место, где ты родился. Домом может стать даже такой тяжёлый город, как Москва. Главное, не забывать о Марине.

* * *

Телевизионный продюсер **Татьяна Венгерова** – близкая и давняя подруга Марины – вспоминает:

– Однажды мы вместе, большой компанией, с маленькими детьми отдыхали на Азовском море. Наши друзья Марк Улицкий и Лена Плисецкая купили домик в деревне Каменке. И позвали всех в гости. Мы были молодые, весёлые, лёгкие на подъём. Кое-как добрались до места, туда даже транспорт никакой не ходил.

Условия там оказались чудовищными. Но нам это было не важно. Две мазанки, объединённые общим двором, – с глиняными полами, туалетом на улице и полупустым колодцем вместо водопровода. Компания, повторюсь, была огромнейшая. Мы заняли один домик, а Марина с Настей и Костя Лавроненко с женой и сыном – другой.

Нас больше всего интересовало, что везёт Марина в своём огромном чемодане выше человеческого роста. Когда она его раскрыла, мы увидели аккуратнейшим образом сложенные халаты, шляпы, купальники, полотенца, книги, тарелки, ложки, вилки, салфетки, скатерть и... чайный сервиз.

Мы удивлялись: «Марина, зачем тебе столько вещей? Уж сервиз-то можно было оставить дома». – «Мы артисты, у нас везде дом. И его нужно обустроить. Я люблю, чтобы везде и всегда было уютно».

Но в этой Каменке условия были настолько экстремальные, что уют сохранять было просто бесполезно. В первый же день от колодезной воды у всех детей начались поносы, ночью выяснилось, что, кроме нас, в доме живут ещё мыши. И как только погасили свет, они молниеносно забегали по нашим кроватям. Это был ужас.

Но Марину ничто не могло смутить. С первого и до последнего дня все эти ложечки, салфеточки, чашечки наполняли её быт, словно вокруг не глухая деревня, а фешенебельный курорт. На пляж она ходила с большой сумкой, в которой помещались купальник один, купальник другой, Настины игрушки, еда, надувной плавательный круг, полотенца и многое-многое другое.

Сверху лежала толстенная книжка «Три товарища» Ремарка. Маринка располагалась на пляже, открывала книгу, прочитывала несколько страниц, плакала, вытирала слёзы и... начиналось веселье. Когда Марина уходила купаться, наш друг Марик, который очень любил над всеми подшучивать, незаметно подкладывал ей в сумку три здоровенных булыжника. Когда собирались уходить с пляжа, Марина брала эту сумку и говорила:

– Боже, какая тяжесть. Костя, помоги, пожалуйста.

Лавроненко безропотно тащил эту тяжесть, и только дома ребята обнаруживали камни. Маринка страшно ругалась, потом хохотала, а через день-другой попадалась на какой-нибудь новый розыгрыш.

* * *

Марина Голуб никогда ничего не боялась. Об этом говорят все её друзья и коллеги. Каждый раз, когда она слышала фразу: «Боюсь, что так не получится», ответ был один: «А ты не бойся!».

– Сказать, что Марина была бесстрашной, – это ничего не сказать, – продолжает телевизионный режиссёр и продюсер **Татьяна Никольская**. – В 1992 году я выходила замуж. Маня спрашивает:

– А какое хочешь свадебное платье?

– Не знаю, я, наверное, возьму напрокат.

– Ты что! Платье напрокат – это жизнь напрокат. Надо шить!

– Из чего? Прилавки-то пустые...

– От моего свадебного платья целый отрез остался.

– А кто будет шить?

– Я сама всё сделаю! Только нужно побольше розочек и нижнюю юбку.

До сих пор не понимаю, как это произошло. В один из дней приехала к Мане на «Коломенскую» – платье было готово. И оно было

прекрасным.

Маня удовлетворённо оглядела свою работу и сказала:

– Ну, ты понимаешь, что прямо перед свадьбой его нужно будет немножко подогнать, пришить, зашить.

– Мань, ну тогда без тебя я его не надену.

– Не проблема! Накануне свадьбы ночуем вместе. А с утра я тебе помогу.

В самом деле, Марина и моя ближайшая подруга Света Воробьевская приехали ко мне в Мытищи. Утром я просыпаюсь, Светка лежит, смотрит по телевизору программу про уринотерапию. Тогда это было модное явление – лечиться мочой.

– Девки, – вдруг говорит Света, – а что мы мочой-то не умываемся?

И Маня произносит сакраментальную фразу:

– Вот сейчас жених не приедет, тут мы и умоемся.

Но жених приехал, увидел меня в свадебном платье, чуть не заплакал. Я была прекрасна. Манька рыдала.

...А когда я была уже беременной, мы купили квартиру. Марина приехала посмотреть. Посреди комнаты стояла неразобранная коробка с вещами, мебели не было особо никакой. Полкухни занимал холодильник.

Маня говорит:

– Ужасная обстановка, всё ужасно. Сюда надо купить диван, здесь повесить зеркало, кладовку сломать и туда поставить холодильник. Всё остальное выкинуть.

– Ну, хорошо, я рожу, тогда и сделаем.

Она удивлённо на меня посмотрела:

– Не пойму, зачем ждать? Поехали, я знаю прекрасный магазин, там есть шикарный диван. Правда, это у чёрта на рогах, но мне нужно ездить. Так инструктор сказал.

Она только получила права. У неё были синие «Жигули», «пятерка», что ли – такая квадратная. Это был 1997 год.

Я выхожу, открываю переднюю дверцу. Но у Мани в тот момент что-то ёкнуло:

– Нет. Знаешь что, садись-ка ты лучше назад, всё-таки беременная, ещё, не дай бог, угроблю.

И мы поехали, купили голубой в розах диван.

– Посмотри, это же настоящий Прованс! – восхищалась Маня.

Вечером, когда муж пришёл с работы, я сидела на новом диване, надо мной висело новое зеркало, холодильник стоял на месте кладовки, кухня дышала простором.

– Таня, а что случилось?

– Ты знаешь, приезжала Марина.

– Дальше можешь не рассказывать. Будем отмечать.

И неделю мы праздновали. Это у нас до сих пор называется «обмывать каждый гвоздь». А диван тот – голубой в розах – по сей день стоит уже в другом нашем доме.

* * *

– Мама на самом деле была потрясающий специалист по дизайну. Она такие интерьеры создавала! А уж про одежду и говорить нечего. Иногда случались неполадки, – смеясь, вспоминает Настя Голуб. – Однажды она звонит мне и так, между прочим, спрашивает:

– Слушай, ты помнишь мою норковую шубу?

– Да, конечно.

– Так вот, я отрезала у нее низ.

Мама бесконечно что-то перекраивала, перешивала, укорачивала, комбинировала... И в принципе никогда мне об этом не рассказывала. С вещами она обращалась решительно и смело, если за что-то бралась, остановить её было невозможно. А тут я заподозрила неладное. Думаю: т-а-а-а-ак, раз мама звонит по этому вопросу, значит, что-то стряслось.

– Низ я отрезала, но вышло не очень, поэтому решила отрезать ещё и рукава, но рукава тоже вышли неудачно, поэтому я взялась за воротник... Алло, ты меня слышишь?

Когда я увидела, что осталось от шубы, мне стало нехорошо. Но мама не переживала ни секунды: так – значит, так. Вообще, у нее редко бывали неудачи: отрезалось все махом, быстро, на каком-то внутреннем воодушевлении и потом всё с успехом носилось.

* * *

Марина Голуб умела найти выход из любой самой затруднительной ситуации. Историй о том, как она выручала, помогала, спасала, – огромное количество.

– Был 91-й год, – это уже рассказ **Светланы Воробьевской**. – Я впервые летела в Америку к нашим общим друзьям, как раз к тем, у которых мы гостили в Каменке. Они недавно эмигрировали, и им, естественно, не дали вывезти ценные вещи. Теперь это должна была сделать я.

Вообще, поездка в Америку в те годы была таким экстраординарным событием, что Марина, конечно же, вызвалась меня провожать.

В ушах у меня были громадные серьги, в кошельке – бриллиантовые кольца, в сумке – антикварные тарелки XVIII века.

– Я отвлеку пограничников, – сказала Маня и решительно направилась к стойке. – Вы знаете, это моя подруга. Она летит в Америку. Раньше она ездила только в Болгарию. Ей сейчас очень сложно, она ужасно волнуется.

Маринка отчаянно кокетничала и продолжала пудрить ему мозги. Неожиданно она начала меня целовать, обнимать, даже заплакала – вроде оттого, что мы так надолго расстаёмся. В какой-то момент этот театр ему надоел, он отдал мне паспорт и сказал: «Счастливого пути». Так я перешла границу.

* * *

– А меня Марина однажды выручила так, – говорит **Юлия Фрид**. – В конце 90-х мы с дочкой Марьяшей тоже жили в Америке в пригороде Нью-Йорка. Марина с театром «Шалом» приехала на гастроли. Мы ждали с нетерпением, договорились, что заберём её в центре и поедem к нам. В условленном месте её не оказалось. Мы сделали кружок на машине, потом ещё один. Марины всё не было. Пришлось парковаться. Выходим, и моя шестилетняя дочка Марьяша начинает рыдать. Оказалось, что она, как её учили, нажала все кнопочки, дверцы захлопнулись, а ключи остались внутри.

Значит, ситуация такая: машина загораживает въезд, работа паркинга парализована, ребёнок ревет. А я совершенно спокойно

говорю:

– Нам некогда. Сейчас мы уходим, потому что должны встретить нашу подругу, а когда вернёмся, что-нибудь придумаем.

Мы с Маней не виделись год. Радость встречи была неопишуемой. Мешало одно:

– Слушай, Манечка, мы пока не можем никуда двинуться. Наша машина заблокировала парковку...

Пришли туда. Я, Марьяша, Маня хохочем как полоумные... Сотрудники паркинга суетятся, не знают, что делать с нашей машиной. Пытаются какими-то линейками вскрыть замок – ничего не получается.

– Так, негритосы, спокойно, не волнуйтесь, – говорит им Маня по-русски.

Я в ужасе:

– Ты что? Их так называть нельзя – нас засудят.

– А как их называть?

– Ну, черные, black.

В этот момент она увидела прохожего, который нёс рубашки из химчистки.

– Вот то, что нужно! Попросите у него вешалку!

Взяли вешалку. Маня её раскрутила, сделала прутик и, просунув его вдоль стекла, на глазах потрясённых парковщиков открыла замок. Мы были абсолютно счастливы. Особенно веселилась моя дочь Марьяша. Так начались наши приключения в Нью-Йорке.

* * *

– Вообще, Марина и дети – это тема для целой поэмы, – подчеркивает **Татьяна Венгерова**. – В начале девяностых мой сын Антон был ещё очень маленьким. Такой блондин с голубыми глазами, нежный, но при этом очень боевой, непослушный и трудноуправляемый. И только Маня всегда находила с ним общий язык. Однажды она стала свидетельницей того, как шестилетний Антон на глазах у гостей отломил головки всех подаренных цветов. Она подозвала его:

– Антош, ну как тебе не стыдно! Ну как ты себя ведёшь! Разве так можно?

Он посмотрел на Маню, молча куда-то ушёл и вдруг принёс ей цветочек.

В другой раз он не хотел стричься. Она пришла и говорит:

– Антон, давай мы с тобой договоримся. Ты спокойно посидишь, а я тебя подстригу.

Он говорит:

– Пять рублей.

Она говорит:

– Три.

Так они торговались, торговались, и в результате она его подстригла за рубль. Для него Марина была совершенно святой человек. Она приходила, и дети от неё не отходили ни на шаг, потому что она чувствовала их и понимала детскую психологию.

Кино

В кино Марина Голуб начинала совсем с маленьких ролей, скорее, даже эпизодов. Большие кинороли придут к ней лишь к концу девяностых.

В 1980 году Марина дебютировала в дилогии Сергея Герасимова «Юность Петра». Вслед за этим снялась у Эльдара Рязанова в фильме «О бедном гусаре замолвите слово». Это был выход без слов. Но какой выход! Дама, должно быть, лёгкого поведения с балкона машет платочком, приветствуя гусарский полк. И всё это – так энергично, легко, ярко, весело, что не заметить и не запомнить Марину было невозможно.

Марина очень любила вспоминать съёмки в фильме о гражданской войне по роману Николая Островского «Рожденные бурей». Роль в фильме можно измерить в секундах, но эта работа произвела на Марину незабываемое впечатление, потому что на съёмочной площадке ей довелось встретиться с Иннокентием Смоктуновским.

Марине Голуб всего 24 года, Иннокентию Михайловичу – 56 лет. Мэтр. Она внимательно наблюдала за тем, как он готовился к выходу на площадку. Собранный, молчаливый, сосредоточенный – он старался как будто не расплескать, не растратить себя до того момента, как звучала команда «мотор».

– У меня в жизни, – говорил он, – не так много сил, и я берегу их для работы.

Марина придёт к этому способу актёрского существования. Но гораздо позже. Когда начнёт репетировать, пожалуй, главную роль своей жизни – Вассу Железнову. А тогда она являла собой прямо противоположный психотип. Её энергия – и профессиональная, и человеческая – была ключом.

Но актёрская удача ей не слишком благоволила. Марину Голуб долго «не замечали» режиссёры. И, если нужен пример настойчивой борьбы за своё призвание, за своё место в искусстве, в том числе борьбы с собой, то это Марина!

– Были моменты, когда могли опуститься руки, – говорила она. – Не позволяла. Брала себя за гриву и вытаскивала. Всегда много работала. Не было денег, не было популярности. Ждала, продолжала

пахать. Читала, смотрела, думала... И на каком-то этапе количество перешло в качество. Мой совет: не смотрите на других, больше занимайтесь собой. Если нет чего-то, что есть у соседа, не страшно. Значит, не пришло время. Но обязательно придет^[15].

И пришло. Спустя много-много лет она дождалась предложения от великого экспериментатора кино. Всемирно известный режиссёр Питер Гринуэй снял Марину Голуб в одном из фильмов своей трилогии «Чемоданы Тульса Люпера». Режиссёр рассказывал, что бывали случаи, когда даже он не замечал всей сложной внутренней жизни, которую проживала актриса за несколько минут. Всю глубину её игры он мог оценить, только когда смотрел уже отснятый материал. Ирония, ревность, подозрительность, преданность – всё это игралось не как смена чувств и состояний, а существовало одновременно, читалось в глазах, паузах, словесных пикировках.

Впрочем, этот штрих биографии уже из начала 2000-х. Могла ли Марина Голуб так играть раньше? Вполне возможно. Но должно было пройти немало времени, прежде чем ей стали предлагать такие роли. Надо было ждать, надеяться, жить...

Личное

– Марина жила ярко, – рассказывает Юлия Фрид. – Ещё в студенческие годы у неё был бурный роман с однокурсником Дмитрием Золотухиным. Мне кажется, это была её первая настоящая любовь. Помню, как на выпускном экзамене они вдвоём танцевали венгерский танец. То, что Марина потрясающе танцевала, все прекрасно знают. Но тогда от их пары просто невозможно было оторвать глаз. От них буквально летели искры молодости, радости, счастья... Но роман закончился печально. Митя сыграл главную роль в фильме «Юность Петра» и, решив, что он уже звезда, бросил Маню...

Потом были разные ухажёры. Про одного я когда-то сказала: «Мань, что-то он тебя не украшает». Это стало у нас крылатой фразой и обозначало любое несоответствие кому-нибудь или чему-нибудь.

И вот рядом с Мариной появился Женя – Евгений Тройнин. Серьёзный, положительный, состоятельный. Совсем не из творческой среды. Маня говорила, что он главный инженер, потом оговаривалась: «Ну... заместитель главного инженера». Стал ухаживать, позвал замуж. И она воспарила. Очень хотела серьёзных отношений и, главное, безумно хотела ребёнка.

Я была свидетельницей на их свадьбе. Как расписывались, вообще не помню. А вот как дома у её родителей гуляли два дня – один для взрослых, другой для молодёжи, – помню прекрасно. Людмила Сергеевна всё успела: и столы потрясающие накрыть, и шикарные платья сшить Марине на каждый выход. Это – в ЗАГС, это – на первый день, это – на второй.

А ещё был сногшибательный малиновый сарафан – специально для свадебного путешествия. Молодожёны отправлялись в Пицунду. Марина решила продемонстрировать всем гостям этот сарафан. Он так ей шёл, она была такая красивая, такая сияющая, прямо летала. И Людмила Сергеевна торжественно спросила меня: «Ну что? Теперь ты приняла нашего Женечку?» Проницательная Маринина мама, конечно же, понимала, что мне Женя не очень нравится. Как ни старалась, я не могла этого скрыть. И тут я подумала: «А почему теперь-то я должна его принять? Он, что ли, такую свадьбу отгрохал или такое платье сшил? Это же всё вы, дорогая Людмила Сергеевна!»

Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что меня Женя тоже недолюбливал. Однажды, ещё будучи женихом, отказался подвести меня на машине. Невеста, конечно, устроила ему лёгкий скандал, сказала, что так вести себя неприлично ни с кем, тем более с её лучшей подругой. Я тот случай уже напрочь забыла. Но спустя почти 30 лет мне про него напомнил папа Марины.

Мудрый и благородный Григорий Ефимович, который пережил и жену, и дочь, всю жизнь сохранял с Евгением Тройниным уважительные, дружеские отношения. Светлейшим умом и невероятной памятью Григорий Ефимович обладал даже в свои 90 лет, и он утверждал, что тот случай с машиной стал началом конца.

Так это или нет, не знаю, но Марина с Женей благополучно уехали в свадебное путешествие, из которого она вернулась уже беременной. Придумав отговорку, что у неё на Женю токсикоз, она завершила этот брак. Но случилось главное: на свет появилась её главная любовь и гордость – Настя Голуб.

Забегая вперёд, скажу, что Марина трижды выходила замуж. Мы, её ближайшие подруги, по очереди были свидетельницами. Сначала я, потом Света Воробьевская, потом Таня Венгерова. И каждая из нас в этот период очередного Марининога брака, гордилась собой.

Вадим Долгачёв, актёр, второй муж^[16]:

– С Маней мы познакомились в 84-м. Я жил тогда в Волгограде, учился на истфаке университета, участвовал в самодеятельности и параллельно работал на стройке. Как-то летом в наш город на гастроли приехал столичный Театр миниатюр под управлением Аркадия Райкина. Однажды два моих друга, отчаянные шалопаи, представившись на служебном входе журналистами, легко прошли за кулисы. И под предлогом интервью для местной газеты «Молодой ленинец» познакомились с симпатичными артистками...

Их было три подруги: Таня, Лида и Марина. Пригласили девочек в ресторан и рассказали, что у них есть еще один друг – Вадик, который мечтает стать артистом:

– Он у нас такой красивый, вылитый Депадье!

Заинтригованные артистки хором закричали:

– О-о, как здорово! Срочно знакомьте нас!

В весёлой компании уже образовались парочки, а Марина оказалась свободной. Правда, перед нашей встречей друзья на всякий случай меня предупредили:

– У Марины богатый жених. Не о чём таком даже не думай...

Да не вопрос! Я и не собирался ухаживать. Мне нужен был совет опытной актрисы. А Марину Голуб я особо отметил в спектакле «Лица».

Всё время, пока у нас гастролировал Театр Райкина, мы с девчонками ездили за город, купались в Волге, загорали на пляже. За этот месяц мы очень подружились. Марина, услышав о моей мечте стать актёром, воскликнула:

– Будем поступать!

Меня сразу подкупило, что она так горячо приняла во мне участие. А когда прощались, она сказала:

– Приезжай в Москву.

Мне в ту пору было 24 года. Не мальчик. Я вовсе не собирался бросать университет и поступать в Школу-студию МХАТ. Но в Марином голосе было что-то такое убедительное, что я, набрав на работе отгулов, отправился в Москву. Позвонил ей прямо с вокзала, она не удивилась моему звонку и велела: «Приезжай во МХАТ». Встретились. Скажу откровенно, программа у меня была слабенькая. Марина послушала меня, успела подсказать какие-то важные вещи и тут же потащила показывать меня своим педагогам.

Я вроде понравился, прошёл конкурс, и меня приняли на курс Ивана Михайловича Тарханова. Можно сказать, поступил прямо с колёс...

Началась моя московская жизнь. Поселили меня в общежитие на улице Невского со старшекурсниками в проходной комнате. Учился я старательно, и в конце первого курса мне дали именную стипендию Массальского – 110 рублей. Да еще мама, несмотря на мои протесты, присылала 50. Я чувствовал себя богачом!

С Мариной мы поддерживали знакомство. Я ей периодически звонил, мы по-дружески встречались. Много гуляли, засиживались в ВТО, говорили о профессии. Она живо интересовалась моей учёбой.

Я видел, что Марина нравится многим мужчинам. Но для меня она была недостижимой, так что мысли приударить даже не возникало: между нами ведь была пропасть. И перескочить её одним махом

казалось нереально. Ну, кто она и кто я! Она москвичка, я провинциал. Она училась у Станицына, работает у Райкина, а я всего лишь первокурсник. Она легко перечисляла имена, которые были для меня легендами, а ей – добрыми знакомыми...

Однажды мы случайно столкнулись с Мариной, вдруг она на бегу приглашает:

– У меня завтра свадьба. Заходи.

И я, купив цветы, буквально на минуту забежал её поздравить. Дома у Мариных родителей был накрыт огромный стол. А за столом было всего одно свободное место – рядом с невестой. Слева от Марины сидит жених, а я – справа. «Горько!» – кричат гости. Жених с невестой целуются, а потом она снова поворачивается ко мне: мы что-то не договорили. Эта картина вызвала лёгкое недоумение у гостей: за кого же все-таки Марина выходит замуж – за того, что справа, или за того, что слева?

Её первого мужа звали Женей. Внешне он очень напоминал Омара Шарифа. Правда, к миру искусства не имел никакого отношения, был таким советским «бизнесменом», состоятельным, по меркам того времени, человеком.

Потом Марина смешно рассказывала, как на этом браке настоял её отец. Григорий Ефимович тогда работал в райкоме партии. Однажды он решил поговорить с дочерью серьёзно в официальной обстановке. И вызвал её в райком.

– Пойми, рядом с актрисой должен быть солидный, серьёзный мужчина. Женя – прекрасный человек. Твоя мама тоже вначале меня не любила, а потом полюбила.

Марина папу послушалась.

После той замечательной свадьбы на какое-то время наши с ней пути разошлись. Однажды, ближе к весне, случайно сталкиваемся в Доме актёра. Гляжу – она идёт навстречу глубоко беременная.

– Ой, Маш, привет! Ты как?

– Нормально! Роды меня дома не застанут! Я в дороге, я в пути!

– Ну ты поаккуратней...

– А я от мужа ушла...

– Как? Почему?

– Не спрашивай меня ни о чём...

Только когда мы стали жить вместе, Марина рассказала о причине своего ухода. Уже во время медового месяца стало очевидно, что они с мужем слеплены из разного теста. К тому же ему было совсем не интересно, чем она занимается. На спектакли ходил с неохотой. Мало того, требовал, чтобы она бросила актёрскую работу. А от Мани требовать что-то бессмысленно, она сама распоряжается своей судьбой и не любит диктата. Будучи уже беременной, объявила мужу, что уходит от него, и попросила:

– Не трогай меня, пожалуйста. Дай спокойно родить...

С тех пор мы стали чаще встречаться. Я читал у Апдайка, как герой его романа влюбился в женщину, беременную от другого мужчины. Наверное, со мной происходило то же самое...

Помню, как Маня заново представила меня своим родителям. Сказала им просто и коротко:

– Это мой друг.

Я заметил, с каким одобрением Людмила Сергеевна, мама Марины, оценила мой рост. Видимо, Марине всегда нравились высокие мужчины. Я даже проводывать её в роддом приходил. Как-то мы с Людмилой Сергеевной стояли под окном, а Маня, помахав нам рукой, показала дочку Настю.

Сначала в Москве мне было очень одиноко без родных и друзей. Порой наваливалась такая тоска, что хотелось с кем-нибудь просто поговорить. И тогда я звонил Мане. Она была занята ребёнком, я – поглощён учёбой. Общались фрагментарно. Я боялся, что мои звонки могут ей помешать. Может, они с мужем решили помириться после рождения дочки? Откуда я знаю...

Первое время Маня безвылазно сидела дома, кормила Настю грудью. Как-то я забежал на минутку её поведать и что-то принёс. Я не знал, что, когда за мной захлопнулась дверь, Маня попросила у мамы совета:

– Что мне делать? У меня же ребёнок... А Вадик как будто ухаживает.

Людмила Сергеевна мудро рассудила:

– Если тебя любит, то и ребёнка полюбит. А ты возьми и проверь его: прогони!

И вот в один из моих приходов Маня вдруг сказала:

– У тебя своя жизнь. Я не могу связывать тебя. Не приходи больше...

Для меня это было ударом. Наши, казалось, незначительные встречи постепенно складывались в определённые отношения. Я уже смотрел на неё не как на актрису, у которой стоит поучиться профессии, а как на женщину. Марина – человек яркий, волевой. И, как я теперь понимаю, чаще всего именно она выбирала мужчину, а не наоборот. Конечно, и в нашей ситуации решающее слово было за ней.

Я уже опробовал на себе действие её женского обаяния. Если она включает это мощное оружие, устоять невозможно. У тебя реально башню сносит! Каждый миг нашего общения давал мне надежду. А тут вдруг она всё резко оборвала...

Прошла неделя. Вдруг звонит Марина и приглашает меня 9 мая поехать с компанией на пикник. Насте был всего месяц, но бабушка с дедушкой вызвались с ней посидеть и отпустили дочку развлекаться.

Под Болшевом собралась большая компания. На берегу реки развели костёр, жарили шашлыки, пели песни. Набравшись храбрости, я сказал Мане:

– Как ты можешь меня прогонять? Я ведь тебя так люблю!

Вечером того же дня мы вернулись к Марине вдвоём. На тот момент она уже жила в одном доме, в одном подъезде с родителями. Только этажом выше. Родители – на четырнадцатом, она – на пятнадцатом. На «Коломенской», в «двушке».

Когда мы вошли, Людмила Сергеевна внимательно на нас посмотрела, потом взяла маленькую Настю на руки и передала Марине:

– Всё, забирайте ребёнка, родители!

Так и началась наша семейная жизнь: Маня, маленькая Настя и я. Помню, как многие мои друзья всё допытывались:

– У неё же ребёнок от другого мужчины!

Но никаких внутренних противоречий или душевных борений я не испытывал. Чужой ребенок стал для меня родным. 9 мая мы вернулись к Мане после пикника, а через неделю я уже переехал к ней с вещами. Чего зря время терять? Мы же взрослые люди: мне двадцать четыре, ей двадцать шесть. Помните, как в фильме «Обыкновенное чудо»? «Вы привлекательны, я чертовски привлекателен!».

Мы с Мариной не торопились идти в ЗАГС. Честно говоря, я даже не знал: разошлась ли официально Маня со своим бывшим мужем. Ну

какое это имело значение? Женя на нашем горизонте не появлялся. Я его видел на фотографиях в альбомах, знал, что он где-то есть. Маня часто ездила на гастроли, и мы с Настей жили одни. Мне кажется, тогда я был для неё настоящим отцом. Я её полюбил как свою дочь. Она и не подозревала, что у неё есть родной отец, и называла меня папой.

В воскресенье мне выдавали детскую коляску, и я шёл с Настей гулять в парк. А в будни после лекций меня ждали маленький ребёнок, гора невыглаженных пеленок и грязная посуда. Ночью мы с Маней по очереди вставали к плачущей Насте, порой и вовсе не спали, если она болела. А утром надо было бежать в Школу-студию.

Три года мы с Маней жили в гражданском браке. Не потому, что она меня проверяла, а просто так сложилось. В конце четвертого курса меня позвали на работу в Волгоградский театр, обещали главные роли. И возникли «качели»: ехать – остаться? Решили, что я останусь. Но тут встал вопрос о моей прописке. Мы так давно жили одной семьей, что поход в ЗАГС был уже пустой формальностью. Мне купили в ГУМе финский костюм, Мане свадебное платье сшила мама. Так мы и поженились.

Брак Марины Голуб и Вадима Долгачёва продлился 6 лет. Но они и потом оставались друзьями. Спустя 4 года, уже работая в театре «Шалом», Марина встретила своего третьего мужа.

* * *

Рассказывает продюсер и телеведущая **Кира Прошутинская**:

– Анатолий Вайсман был интеллигентен, образован, хорошо читал стихи. Благодаря Марине он вскоре превратился в Анатолия Белого. Это она придумала такой красивый творческий псевдоним. Она говорила, что как-то во время гастролей «разглядела» душу Толи. С каждым днём ей казалось, что их смыслы совпадают всё больше. И она влюбилась.

У нового избранника Марины, так же, как и у Вадима Долгачёва, не было актёрской удачи. Бывали минуты отчаяния, когда он терял веру в то, что добьётся признания. Она поддерживала его и морально, и материально. Но самое главное, использовала свои связи, чтобы помочь Белому вырваться из актёрского небытия.

Помню, на АТВ мы сделали «Пресс-клуб» в частушечной форме, позвали Марину. Она под села ко мне: «Кира, вы бы взяли Толю, он такой способный!» – «Марин, что ты так за него переживаешь?» – «Вы мне очень помогли в своё время, помогите теперь и Толе. Вы увидите, он умеет всё! Он так поёт, на гитаре играет, стихи читает!»

Она по-настоящему восхищалась им, я это видела. Но, честно говоря, я была тогда слишком занята и быстро забыла о том коротком разговоре. Конечно же, я не единственная, к кому Марина обращалась с просьбой помочь Белому. И, видимо, кто-то откликнулся.

До определённого момента Марина была с Толей счастлива. Помню, как она мечтала о загородном доме, как занимала деньги у каждого, кто готов был одолжить хоть какую-то сумму, а потом, когда дом был построен и обустроен, звала в гости друзей, чтобы похвастаться, как у них с Толей там красиво и уютно.

«Борис Годунов»

Начало нулевых годов стало для Марины Голуб долгожданной отправной точкой. Один за другим вдруг стали осуществляться многолетние планы, проекты, мечты.

– И понимала, и ждала, и получила, – скажет Марина в одном из интервью. – Судьба, значит, вот такая, что всё пришло ко мне через 20 лет – ни раньше, ни позже. Английский режиссер Деклан Доннеллан предложил мне сыграть Хозяйку корчмы в «Борисе Годунове» (спектакль Международной конфедерации театральных союзов. – В. Б.). В этом проекте я решила показать всю себя, всё, на что способна. И на Авиньонском фестивале лично ко мне подошла Жюльет Бинош и сказала: «Марина, вы актриса с безграничным диапазоном. Это фантастика!»

Лестно же? И ты понимаешь, что вдруг в какой-то момент тебя начинают по-другому воспринимать. Вот только что ты была одна – и вдруг ты совершенно другая, и тебе доверяют, тебя хотят... Видимо, все-таки количество моих переживаний перешло в качество^[17].

...С тех пор собственный творческий путь Марина Голуб делила на «до встречи» с Декланом и «после». Говорила, что «работа с ним дала так много, что сразу же стали получаться сложнейшие роли»^[18].

– Сейчас кажется, что состав нашего спектакля был абсолютно звёздным, – говорит режиссер **Деклан Доннеллан**. – Борис Годунов – Александр Феклистов, Шуйский – Авангард Леонтьев, Пимен – Игорь Ясулович, Отрепьев – Евгений Миронов, отец Мисаил – Александр Леньков, Марина Мнишек – Ирина Гринёва, Старший пристав – Михаил Жигалов, Младший пристав – Дмитрий Дюжев, Хозяйка корчмы – Марина Голуб и т. д.

Но я хочу вам сказать, что тогда многие артисты не были еще звёздами той величины, которой стали потом. У Димы Дюжева это была первая роль. Ира Гринёва до этого никаких больших ролей не играла. Вика Толстогонова тоже была практически начинающей артисткой. И Маша, конечно, не была ещё звездой МХАТа. Поэтому я могу смело считать, что создал монстров русской сцены. Открою вам секрет: это был чудовищный западноевропейский заговор по

уничтожению системы психологического репертуарного театра. Меня наняло ЦРУ.

А если говорить без шуток, то почему я увидел в Маше Хозяйку корчмы? Шестнадцать лет назад, когда мы начинали работать над спектаклем, Россия была совершенно другой страной. Достаточно было зайти в любой ресторан, и тебя охватывал страх оттого, что кругом сидят brutальные мужчины, криминальные авторитеты и весьма легкомысленные девушки... Атмосфера гнетущая. Но это было время, когда другие слои населения о ресторане и мечтать не могли. Поэтому на роль Хозяйки я искал колоритную женщину, в которой угадывалась бы владелица современного ресторана. Она виделась мне этаким дамочкой... слегка с хитрецей, импозантной, общительной, но... палец в рот не клади. И когда на пробы пришла Маша, я сразу понял: да вот же она!

Но не только Голуб была блистательна, вся труппа работала в едином, сплочённом ансамбле – то, за что мы обожаем и ценим русский театр. Мне казалось, что в той постановке все антрепризные принципы мы разрушили – артисты трудились так, словно всю жизнь работали в одном коллективе. И Голуб, конечно, ни на шаг от них не отставала. Даже напротив – задавала планку.

Например, у Ирины Гринёвой и Дмитрия Дюжева были почти бессловесные роли, но если рядом с ними появлялась Маша, то сцена обретала глубину, окрашивалась новыми смыслами, и я видел, как у партнёров спина становилась ровнее, ведь переиграть Голуб, с её невероятной органикой, было просто невозможно. При этом она не тянула на себя одеяло, не мешала режиссёру. А если и хотела помочь партнёру, то делала это в тишине за кулисами.

Кстати, однажды у нас на спектакле случилась накладка: Маша с Ирой Гринёвой не появились вовремя на сцене. Как оказалось, произошло это из-за того, что за кулисами Маша стала учить Иру бесшумно ходить на каблуках. Я всегда находился в состоянии, близком к убийству Гринёвой... Я Иру очень люблю, но это не причина, чтобы её не убивать. Так вот, Маша всегда её защищала. Это вообще очень редкое качество в театральном мире, чтобы одна артистка заступалась за другую. Так и напишите: зависть, интриги и конкуренция – неведомые для неё чувства.

«Борис Годунов» объездил полмира, нас повсюду приглашали. Мы были, например, в Париже, Нью-Йорке и два раза в Лондоне. И я до сих пор сожалею о том, что в Москве спектакль увидели немногие зрители. Нам требовалась площадка, чтобы в центре зала был подиум, а сконструировать такой зал – удовольствие дорогостоящее. И это единственная причина, по которой спектакль достаточно скоро пришлось списать.

Однажды «Борис Годунов» гастролировал в Бразилии. Представьте картину. Готовится переезд из одного города в другой. Все артисты, уставшие, сидят в автобусе, но нет ни Маши, ни Иры Гринёвой.

В последнюю минуту появляется Маша – держит дверь и начинает судорожно объяснять, что Ира вот-вот появится:

– Она сейчас в магазине. Ей не подошел размер. Она меняет джинсы.

График плотный, надо как можно скорее выезжать. Все волнуются. Начинается шипение, но Маша держит удар:

– Нет, ждём Гринёву. Она уже на кассе.

И выдаёт гениальную фразу:

– Вы должны понимать, женщина имеет право на джинсы.

Но тут вдруг один актёр, не буду называть его фамилию, позволил себе настоящую грубость. Он сказал:

– А ну-ка убери свою задницу и не задерживай автобус.

Все замерли. Ещё бы, такое оскорбление! Но Маша за словом в карман не полезла:

– Кто это говорит! Это говорит самый ужасный артист на свете, с которым, вообще, ни один режиссёр не хочет работать.

Кошмарная ситуация!

– Марина, успокойся! – решил сгладить конфликт мой помощник.

– Что Марина? Ты сам про него всегда так говоришь.

Кстати, это ведь было типичное противостояние мужчины и женщины, и Голуб вновь заступилась за женщину.

Что ещё мне всегда нравилось в Маше... Звучит, возможно, негативно, но я говорю с восторгом: она была абсолютно бесстыдная. Она ничего не стеснялась и готова была на любое безумство.

Помню, как однажды в Великобритании (я возил туда «Трёх сестёр») в театре за кулисами по телевизору транслировали русский канал. И вдруг все как завопят, потому что увидели на экране Машу,

которая участвовала в «Танцах со звёздами». Её поднимали, бросали из стороны в сторону просто как девочку. И главное внимание привлекала к себе мини-юбка. Какой стоял галдёж! Все буквально прилипли к экрану, и завтруппой Ольга Шарапова, которой, к сожалению, уже нет с нами, сказала:

– Если бы юбка оказалась на полметра длиннее, было бы не хуже.

Но что меня не перестаёт восхищать: у Маши ни на грамм не было чувства страха. Она полностью отдавалась тому, что делала. И, конечно, самая замечательная её сторона – это умение смеяться над собой. В той же Бразилии после спектакля артисты ходили в клубы. И как-то Маша забралась на сцену, где пела толстая бразильянка, взяла у неё микрофон и сказала:

– I am Russian star.

Затем они вместе спели и станцевали под восторги публики. Женя Писарев потом возмущался:

– Зачем ты полезла? Тебе что, славы не хватает?

Но Маша ответила блестяще:

– Ты ничего не понимаешь, посмотри, какая она огромная. Я хотела почувствовать себя Дюймовочкой рядом с ней.

Самоирония!

К сожалению, «Борис Годунов» стал единственной нашей совместной работой. Затем я приступил к «Двенадцатой ночи», но туда я не мог пригласить Машу, так как в ролях были заняты исключительно мужчины. Она страшно огорчилась, перешла со мной на «вы». А потом меня попросили поставить «Трёх сестёр», и я понимал, что опять же для Голуб нет роли. Я был обеспокоен и первым завёл разговор:

– Маша, по нашему раскладу ты можешь играть только Анфису, но ты ведь убьёшь меня, если я предложу тебе эту роль.

К счастью, прошло совсем немного времени, и Голуб стала играть у Кирилла Серебренникова, а потом её взяли в труппу МХТ. У меня отлегло от сердца. Я и сам переживал, что театры не зовут к себе столь сильную артистку, проходят мимо её таланта.

Кстати, у нас в «Борисе Годунове» она играла не только Хозяйку. Она была и аристократической полячкой (прекрасно поддельвала польский акцент), и дамой в борделе, которая танцевала с Жигаловым и влюбляла в себя Миронова. В режиссуре есть такое выражение, которое ей очень подходит: «игра в высоком разрешении». То есть не как все

остальные, а иначе – на высоком уровне. Вот её роли были именно высокого разрешения.

«Пластилин»

Свою следующую серьёзную театральную роль Марина Голуб сыграла в спектакле Кирилла Серебренникова. С ним Марина познакомилась ещё на «Авторском телевидении», потом были съёмки сериала «Ростов-папа». В спектакле «Пластилин» – на сцене Центра драматургии и режиссуры А. Казанцева и М. Рощина режиссёр предложил ей роль Бабушки.

Рассказывает **Кирилл Серебренников:**

– На роль Бабушки я мучительно искал сильно пожилую женщину, поскольку терпеть не могу эту замшелую традицию, когда молодой человек играет старых людей. Незадолго до этого Маня снималась у меня в картине «Ростов-папа», и я, зная её безграничную общительность, обратился к ней: мол, помоги мне артистку найти.

Она честно искала. А потом пришла и сказала:

– Давай, я попробую сыграть.

Я подумал: с ума, что ли, сошла? Какая в её возрасте бабушка? Но она настояла на своём, попросила устроить кастинг и показала бабушку – свою родную бабушку, которую знала с детства. Я дрогнул. И утвердил её на роль. И все говорили, как замечательно она играет. Она, правда, замечательно играла.

– В том спектакле у нас не было театральности, – говорит Кирилл Серебренников. – Я старался действие максимально приблизить к документальному. Виталий Хаев и Дмитрий Ульянов были похожи на эков, Андрей Кузичев играл мальчика. В общем, кастинг был максимально приближен к актёрскому материалу – никаких «Я в предлагаемых обстоятельствах».

После «Пластилина» о Кирилле Серебренникове заговорила театральная Москва. И именно благодаря ему Марину Голуб взяли в труппу Московского Художественного театра имени А. П. Чехова.

Кирилл Серебренников:

– В общем, выпустили мы «Пластилин» у Казанцева. Целый год он игрался без особой шумихи, без рецензий, без ничего, пока вдруг – надо отдать ему должное – на спектакль не пришел Виталий Вульф. Он что-то там увидел, разглядел, и... на «Пластилин» хлынула вся Москва.

Пришли Галина Борисовна Волчек, Марк Анатольевич Захаров, Олег Павлович Табаков. За два года до этого он уже предлагал мне сотрудничать с МХТ, но тогда мы ни до чего не договорились...

После «Пластилина» первым поступило предложение от Романа Ефимовича Козака – в филиале Пушкинского театра мы приступили к постановке «Откровенных полароидных снимков». Но Маня и здесь была начеку.

– Кирилл, у меня есть молодой человек, – тогда они ещё не были обвенчаны и расписаны. – Может, ты его посмотришь? Мне кажется, он тебе подойдёт.

И она привела Толю Белого...

У меня отвисла челюсть. Роскошный голос, пластика, органика. Для интереса я посмотрел его в каких-то отрывках, и стало понятно, что Маня тщательно с ним работает, вкладывает в него и вкус, и мастерство...

Но главное, что мы стали дружить, стали сотрудничать, и он постепенно сформировался в очень самостоятельного, хорошего артиста. Это случилось на «Полароидных снимках» и дальше ещё в нескольких работах. Но это к слову.

После Романа Козака позвонила Галина Борисовна и предложила сделать спектакль. А на следующий день после нее позвонил Олег Павлович и сказал:

– Кирилл, я понимаю вашу занятость, но давайте вы все-таки подумайте.

Я говорю:

– Олег Павлович, у меня сейчас Театр Пушкина, потом «Современник» и снова Центр драматургии. Может быть, получится через год-два.

Он опять за свое:

– Вы не понима-а-аете... Возможно, Вы одумаетесь?

Мы встретились. Я говорю:

– Олег Павлович, одуматься не могу, поскольку договорился уже с людьми, а первое слово дороже второго. Да и что вы хотите, чтобы я сделал у Вас?

– Вот есть «пьеса Бенедетти», а есть «пьеса Камолетти».

Я направился к выходу:

– Всего доброго.

Он говорит:

– Подожди, подожди, а сам-то ты что хочешь?

– Современную драматургию, конечно же. Есть братья Пресняковы. Есть пьеса «Терроризм»...

– Что за «Терроризм»?

– Ну, вот есть такая пьеса. Почитайте.

«Терроризм»

– Я приношу пьесу Пресняковых, – продолжает Кирилл Серебренников. – В театре долго и мучительно её читают. А вы же понимаете, что ультрасовременных пьес, кроме Рэя Куни, во МХАТе не было никогда. И вдруг Табаков говорит:

– Почитал. Ну, хорошо, делайте.

Такой реакции я не ожидал. Пришел к товарищам:

– Офигеть, он сказал: делайте!

– И ты будешь делать?

– Ну, а как! Надо сделать. Это круто, если во МХАТе будут братья Пресняковы.

И дальше начался страшный год, когда я метался между «Современником» и МХАТом, репетируя одновременно два спектакля. Скажу без кокетства: выдержал с трудом, потому что это, действительно, очень тяжело. Это можно делать, когда ты молодой и здоровый или когда бешеная мотивация. Но в принципе этого, конечно, делать нельзя.

Дальше встал вопрос: кто будет играть в «Терроризме»? Олег Павлович сказал:

– Кирилл, если ты видишь хороших артистов – приводи, мы должны формировать новую труппу. Но и не забывай, что есть подвальный театр (так Олег Павлович, любя, называет свой Театр-студию на улице Чаплыгина. – В. Б.), есть коллектив Художественного театра. Посмотри ребят среди них.

Я говорю:

– Не, не, не.

У меня предубеждение: не надо нам ваших артистов, мы приведём своих. Ввиду того что МХАТу нужны были новые имена, под это дело мы провернули акцию по приглашению артистов Марины Голуб, Анатолия Белого и Сережи Медведева, которого никто не хотел во МХАТ брать, а он прекрасный артист. Сначала мне сунули какого-то другого человека, я его выгнал через несколько репетиций, и тогда Сережа занял свое полноценное место – играл мальчика. В тот же спектакль попали и некоторые молодые, только что взятые в труппу ребята: например, Кристина Бабушкина и Юлия Чебакова.

Мне никогда не было интересно эксплуатировать в человеке то, чему его всегда учили. Ещё в Школе-студии МХАТ Маню дрессировали органично существовать в ансамбле, не бояться ролей второго, пятого, сто двадцать пятого плана... И никто не понимал, что сам принцип ансамбля – не для неё. У неё не мхатовский тип личности, потому что она очень шумная, яркая, харизматичная. Уникальное дарование... Уникальный организм. Ей нельзя быть в общем строю.

...Мы начали репетировать «Терроризм». Дело близилось к выпуску. И вдруг нам сообщают, что на рабочий показ хочет прийти Табаков. А показ длился, между прочим, четыре часа – просто бесконечное полотно!

Олег Павлович пришёл, сел, начал смотреть. И чем больше проходило времени, тем больше я удивлялся тому, что он никуда не уходит, ведь всё происходящее на сцене никаким образом не клеилось с той системой координат, к которой привык Табаков. Это был абсолютно антимхатовский спектакль.

В какой-то момент я всё же разглядел у него гримасу на лице: дескать, не верю, что вижу этот кошмар. Но он терпеливо ждал окончания.

Заканчивается прогон. Думаю: сейчас он объяснит, что этого не может быть на сцене Художественного театра, случится нечто вроде скандала, и я благополучно вернусь в «Современник».

Табаков встаёт и окончательно убивает меня своей толерантностью:

– Ну, что сказать? Нормально. Работайте дальше. Только, ребята, вы же понимаете, что четыре часа это никто смотреть не будет. Должно быть часа два, два с половиной вместе с антрактом.

А дальше он сделал очень разумный профессиональный разбор. То есть он обсуждал абсолютно чуждую ему пьесу сугубо с позиции ремесла. И это было для меня не просто удивительно. Глаза на лоб лезли!

В произведении братьев Пресняковых объектом исследования стал террор во всех его видах – бытовой, производственный, сексуальный. К событиям на Дубровке, к Чечне, исламскому фундаментализму, взрывам домов и захвату самолётов пьеса прямого отношения не имела. Здесь изучали террор в душе человека. Внук терроризирует бабушку,

бабушка – внука, подчинённые начальника, начальник – сотрудниц, те вернутся после работы домой и примутся мучить своих детей, дети придут в школу и подложат кнопки учительнице на стул. Зло рождает зло, насилие порождает насилие. Жертва становится палачом, палач – жертвой. И вся наша маленькая жизнь вписана в этот порочный круг. Цепь на первый взгляд разрозненных эпизодов в конце концов ловко замыкалась, связывалась в один узел.

Марина Голуб играла харизматичную любовницу, которую возлюбленный для своих сексуальных утех привязал к кровати. Но терроризм проник и к ним в спальню: внезапно домой возвращается муж (он опоздал на самолёт, поскольку аэропорт заминирован). Месть оскорблённого следует незамедлительно: на кухне он включает газ.

На вопрос, как актриса примерялась к этой новой, весьма непривычной стилистике работы, Кирилл Серебренников отвечает:

– А никаких трудностей и не было. Надо признать, что к подобному испытанию она была готова, поскольку роли толстушек и хохотушек ей просто обрыдли. Да, конечно, народ любит комиков, народ любит обаятельных, смешных и весёлых. И то, что Маня абсолютно народная артистка, в этом нет никаких сомнений. Она «своя», любимая, всегда веселит, хорошо ведёт передачи и в застолье первый человек. К трагикам отношение совершенно другое. Смоктуновский полюбился публике в роли Деточкина, потому что там он сыграл пародию на своего Гамлета. Трагиков ценят профессионалы и любители искусства, но широкие народные массы на трагические роли не особенно падки. В «Терроризме» был своего рода риск. Маня понимала, что прежнюю Голуб надо оставить за кулисами. Здесь другая работа, и она шла на это с удовольствием, и экспериментировала над собой, как могла.

* * *

Работа с Кириллом Серебренниковым подарит ещё две роли. Марина сыграет Маму в спектакле «Изображая жертву» и Селию Пичем в «Трёхгрошовой опере».

В спектаклях Художественного театра её актёрское дарование развернулось в полную мощь – от острохарактерности до

трагедийности. Что бы она ни играла, даже если созданный ею образ целиком трудно было принять, от неё нельзя было отвести взгляд – привлекала органика.

По мнению артиста Сергея Сосновского, который играл с Голуб в двух спектаклях, она владела самым сложным и высоким, что есть в актёрском творчестве, – клоунадой. Игра Марины строилась не только на репризе, но и на знании жизни, на раздумьях о ней, на потрясающей наблюдательности.

Когда её природная эксцентрика, которой она владела как дыханием, соединялась с жизненным опытом, на сцене возникало нечто новое, неожиданное... Постепенно режиссёры МХТ принаровились к этому широкому диапазону актёрских возможностей. Так в репертуаре Марины Голуб появятся Дорина в спектакле Нины Чусовой «Гартюф», Мать-настоятельница в «Пьемонтском звере» Василия Сенина, Гертруда в «Гамлете» Юрия Бутусова и, конечно же, трагическая Васса в спектакле Льва Эренбурга «Васса Железнова». Последней стала работа с режиссёром Дмитрием Брусникиным «Он в Аргентине», где она сыграла роль Нины.

МХТ стал для актрисы новой точкой отсчёта и в творчестве, и в характере.

– Я научилась себя сдерживать, научилась не всё высказывать сразу, потому что лучше иногда промолчать.

Мне, правда, потом говорят: «А что же ты ничего не сказала?» Я отвечаю: «Да, я не сказала». Не сказать гораздо труднее, между прочим, чем выплеснуть весь негатив наружу. Как жаль, что не сразу я это поняла, хотя папа всегда мне говорил: «Будь мудрей». Потому что чрезмерная эмоциональность и открытость никому не нужны.

Конечно, мудрость и другие какие-то качества приходят с возрастом. Потом я считаю, что театр – дело ранимое. Люди окружают ранимые. И не надо всем всё говорить. Каждый человек проходит свой путь. Я это поняла, сделав множество ошибок и потеряв кучу времени.

И вот, когда я всё это осознала и сделала выводы, то и жизнь стала идти по-другому. Изменились и личная жизнь, и внутренняя жизнь. И жизнь творческая. Надо не бояться себя менять. Это совершенно не страшно...

Не страшно вообще всё менять в жизни. Так измениться, чтобы тебя вообще никто не узнал. Правда, я ещё этой цели не достигла...

Когда я пришла во МХАТ, то столкнулась с очень неприятной ситуацией по отношению ко мне одной актрисы. И вот наступил момент, когда я могла ей всё высказать. Но я сказала: «Одну минуточку!» Вышла из зала, куда-то ушла, поплакала, взяла себя в руки и прямо вслух сказала себе: «Молчи. Войди и скажи: давайте продолжать репетицию».

Я так сделала. И я выиграла в этой ситуации. Потому что всегда провоцируют. Всегда на всякий случай что-нибудь скажут (от доброты душевной вроде бы) и ждут: ну давай, ну ответь. А я говорю: «Да, спасибо большое» и ухожу. Тяжело? Безусловно. Но ведь в конечном итоге я права.

Понадобились годы, надо было набить множество синяков, чтобы к этому прийти. Но ничего, ничего... Я хочу сказать, что страшно благодарна Олегу Павловичу за тот климат, который он создаёт в своём театре. Это великое качество. Он Лев, а Львы вообще конфликтов не любят. Они их подавляют: «Не будет этого!».

И вот из-за того, что так много работы у всех, так много все заняты, какой-то очень здоровый климат. Поэтому в театре капустники, в театре встреча Нового года. Поэтому в театре веселье. Всё как-то гармонично стало. <...> Главное, что он всем даёт высказаться. Проявиться... И если ты можешь, Олег Павлович всегда это заметит. И даст двигаться дальше, не можешь – остановит. И скажет: «Извини, не можешь». Так что всё зависит от нас^[19].

К Московскому Художественному театру Марина относилась трепетно, с большим пиететом. И других к этому призывала.

...Вспоминает актёр **Александр Балуев**:

– Однажды мы встретились где-то, и она в таком запале говорит: «Сань, слушай, хватит носиться по съёмочным площадкам, приходи к нам в МХТ, будешь с хорошими режиссёрами работать».

Со студенческих лет я привык подтрунивать над ней, и тут, несмотря на то что разговор был серьёзным, тоже стал так иронично, если не цинично отвечать:

– Ну что там делать в вашем МХТ? Да у них денег не хватит даже на репетицию со мной. Нет, не пойду.

Шутил вроде. А в её глазах видел полное недоумение: нельзя артисту так относиться к своему творчеству, особенно на сцене МХТ –

на той самой сцене, где можно думать только об искусстве и больше ни о чём.

Я думал, что даю ясный намёк, что это шутка. А она, и в этом была её прелесть, никак не могла въехать:

– Подожди, Сань, ты же в Школе-студии был другим. У тебя же была мечта...

– Нет, Манечка, всё. Прошли годы. Теперь только меркантильные интересы.

Она искренне была в отчаянии, кипела от возмущения.

В жизни, как в кино

Картины со своим участием Марина Голуб специально не пересматривала. Но когда по телевизору вдруг показывали какой-то из её фильмов, искренне радовалась.

Роль из середины девяностых – конференсье в Консерватории из комедии режиссёра Владимира Меньшова «Ширли-мырли». Экстравагантная дама в концертном платье и с традиционной халой на голове объявляет выход выдающегося дирижёра Иннокентия Шниперсона. Эпизод всего на несколько секунд. Но на эту крошечную роль Владимир Меньшов перепробовал множество претенденток и понял, что лучше Голуб это сыграть никто не сможет.

– Шниперсон! Сорок седьмой концерт для фортепиано с оркестром. Опус три тысячи восемьсот шестьдесят пятый. Дирижирует автор, – вот все слова её роли.

Но даже в этом эпизоде Марина Голуб сумела рассказать о своей героине всё. Сразу понятно, что это экзальтированная дама, преисполненная восторгом от важности момента, с неудавшейся личной жизнью и, может быть, даже влюблённая в этого самого Шниперсона. Всем своим видом она демонстрирует причастность к высокому искусству, ощущение звёздного часа и ожидание прекрасного. И всё это читается в трех фразах.

К любой работе, даже самой маленькой, Марина относилась ответственно. Она предъявляла высокие требования и к себе, и ко всем остальным участникам процесса.

– Мы снимались с ней в Киеве параллельно в двух сериалах, – свидетельствует актриса **Алёна Яковлева**. – Однажды встречаемся, и она говорит: «Слушай, я посмотрела рабочий вариант. Они так странно монтируют. Мы же стараемся как актёры. Неважно, что снимается сериал, не важно, что это мыльная история, но мы же работаем и не халтурим. Мы играем крупный план, мы выстраиваем полутона, мы хотим, чтобы роль была психологически глубокой и достоверной. А они всё снимают на среднем или на общем плане, и наш труд идёт насмарку».

Её это ужасно огорчало. Я говорю: «Машенька, я уже через всё это прошла, поэтому не обращаю внимания. Да, увы, здесь об этом не

очень задумываются, к сожалению, поэтому не трать свои нервы, прими как есть. Наше дело честно работать, а уж что на выходе получится – это уже не наша забота». Но она никак не могла понять, почему надо делать плохо, когда можно сделать хорошо.

Считается, что для актёра настоящий творческий поиск возможен только в театре с подробным разбором материала, долгими репетициями, рождением и взрослением спектакля. Кинематограф «эксплуатирует» накопленный ранее актёрский багаж. Возможно, поэтому никто из режиссёров не смог рассказать, как рождалась та или иная роль Марины, но все они сошлись в одном – кого бы ни играла Марина Голуб, удовольствие от съёмочного процесса она получала всегда. И доставляла его окружающим.

– Как мы познакомились, теперь и не вспомню подробностей, – говорит кинорежиссёр **Николай Лебедев** (в 1999 году он снял картину «Поклонник» с Мариной Голуб в роли почтальона Веры). – Дело давнее, но, кажется, я был на каком-то мероприятии какого-то киножурнала, и там актёры пели и танцевали. Среди них была такая удивительная, трогательная и смешная, романтическая пара, которая танцевала шутовское танго. Дама элегантно забрасывала ногу, а кавалер ловко подхватывал свою партнёршу в самый ответственный момент. Я не мог глаз отвести! Это была Марина Голуб и это был Анатолий Белый. Я тогда не знал, что они женаты, и не видел их театральных работ, поскольку в театр хожу крайне редко – только когда настойчиво приглашают. Да и то не умею смотреть спектакли: отвлекаюсь, думаю о чём-то другом. Не включаюсь в это...

Короче говоря, я пригласил Марину и Толю на знакомство, поскольку приступал к съёмкам «Поклонника». Говорю знакомство, так как не люблю цеховое слово «пробы». У меня сразу возникают ассоциации о заводе, где бракуют неподходящие детали. Сколько лет прошло, но я до сих пор не очень доверяю ассистентам: всё ведь зависит только от личной встречи, когда ты общаешься с человеком, смотришь ему в глаза, видишь оценки... Это репетиция наших отношений: сможем ли мы общаться, найдем ли мы общий язык.

Так сложилось, что Толя в тот фильм не попал, хотя он мне очень понравился. Вообще, большая ошибка считать, что если актёра не взяли в картину, то, стало быть, он неталантлив. Это полная ерунда. Просто

по каким-то причинам не сошлось, но позже мы с ним работали в двух других проектах.

А Марину на роль почтальонши я взял. По темпераменту она могла бы сыграть начальницу почтового отделения – шумную женщину с сигареткой. Что называется, бери и снимай. Но мне не хотелось идти на поводу у обстоятельств: с такой актрисой нельзя работать на примитиве. Да и в чём интерес, если на экране возникает тот же самый образ, к которому все привыкли и в жизни. Нужно уходить от себя. Актёрам даётся это непросто, они поначалу нервничают, но потом им работается в кайф. Так было и здесь: для Голуб я придумал роль «на сопротивление» – такой домашней, тихой, скромной семейной дамы. Этого в бушующей Марине не было совершенно, и тем интереснее становилось: как же справится она с поставленной задачей.

Ей было сложно совладать со своим темпераментом, и поначалу в кадре она всё время пыталась что-то выдать. Но мы её осаждали:

– Марина, другая тональность. Чуть тише. Вера – серая мышь.

Она, кстати, это понимала и после каждого дубля спрашивала:

– Скажи мне, что не так? Где убрать?

Мы обсуждали. И двигались дальше. Она всегда внимательно слушала и не старалась перетянуть одеяло, что немаловажно.

Вообще о тех съёмках у меня остались самые тёплые воспоминания. Не было случая, чтобы пришлось повышать голос или держать артистов в узде. Мы вместе что-то придумывали, смеялись, фантазировали. Был молодой Костя Хабенский, была Наташа Щукина, Миша Крылов, Катя Дурова, Лена Сафонова... И держались все единой командой. Никогда не забуду, как в перерывах между сценами Марина сидела в окружении артистов и рассказывала анекдоты так, что все падали. Один анекдот я просто помню до мельчайших интонаций – как здорово она показывала роскошного самовлюблённого оленя и быка (жаль, что в книге его нельзя воспроизвести).

В Марине был колоссальный актёрский потенциал. Как жаль, что в девяностые годы кинематограф находился в кризисе, и наши коллеги сидели без работы. Но я вот думаю: актёрская судьба – это уравнение со всеми неизвестными. Огромное количество судеб было поломано. Очень многие ушли и из профессии, нашли себе совершенно другое занятие. Однажды я работал с актрисой Александрой Яковлевой, которая в восьмидесятые годы была суперзвездой. Но после

перестройки сидеть в ожидании лучших времён она не смогла и, когда всё резко закончилось, ушла совершенно в другую профессию. Стала вице-мэром Калининграда, потом работала в Пулковке и в РЖД. Наверняка Марина Голуб с её общительностью и оптимизмом нашла бы себя и в бизнесе, и в общественной деятельности, и могла бы возглавить какой-нибудь фестиваль, но, мне кажется, она намеренно этого избегала. Знала, что дальше новая работа непременно придёт...

* * *

– По части работы более всеядную артистку трудно найти, – считает **Кирилл Серебренников**. – Она ничего не боялась. Не боялась текста, не боялась одежды, которая её старит, не боялась переходить некие запретные границы. Она в этом отношении абсолютно безбашенная, таких вообще не выпускают, нет и не будет. Могла играть в чём угодно и что угодно – хоть какой-нибудь жест: лишь бы приглашали и лишь бы не терять связи с тем миром, которому Маня подчинила всё своё существование. Она так серьёзно и с такой болезненной самоотдачей бросалась в любую роль, что ей за её пассионарность и за отдачу можно было простить вообще всё.

Марина Голуб снялась в нескольких картинах Кирилла Серебренникова – «Дневник убийцы», «Постельные сцены», «Изображая жертву». А началось сотрудничество на съёмках телевизионного сериала «Ростов-папа».

– Нашему советскому поколению, воспитанному на каких-то классических образцах, очень трудно даётся всё современное, постмодернистское, – продолжает **Алёна Яковлева**. – Я, конечно, сужу по себе, но заметила за собой эту черту только при встрече с Мариной. Она таскала меня на самые ультрасовременные фильмы и однажды после премьеры Серебренникова мы вместе возвращались домой. После показа я говорила о чём-то другом, не связанном с картиной. Но Марина не выдержала.

– Как тебе фильм?

– Да вот, понимаешь, Маня, я небольшая поклонница такой режиссуры. Мне не очень комфортно смотреть на экран, я, как зритель, не нахожу себе места.

И тут вопреки моим ожиданиям Маня всерьёз огорчилась. Мне показалось, она слишком близко к сердцу приняла мои слова. Стала объяснять, оправдывать фильм:

– Режиссура должна быть разная. Ты в кино ходишь не для того, чтобы отдыхать... Если тебе было дискомфортно – значит, Кирилл своей цели достиг.

Я пыталась спорить:

– Мань, ну я всё же высказываю свою точку зрения. Да, возможно, я консерватор, но я ведь имею право на собственное мнение?

Она не успокаивалась, бросалась в разбор сцен и эпизодов, а спустя время вновь тащила меня на какой-нибудь современный фильм:

– Ты должна посмотреть, ты должна понять...

* * *

Режиссёр и оператор **Сергей Мокрицкий**, работавший с Кириллом Серебренниковым над целым рядом картин, познакомился с Мариной Голуб задолго до фильма «Ростов-папа», но когда узнал, что актриса утверждена на роль в этот сериал, стал с нетерпением ждать съёмок: понимал, что это будет работа совершенно особого рода. И ожидание его не подвело. Вот как это было:

– Сейчас, когда Марины с нами больше нет, я временами думаю: почему так складывается, что какие-то люди остаются в памяти, а какие-то уходят? И тут важно не время, потраченное на общение, а нечто иное. Даже того или иного родственника ты с трудом вспоминаешь, а человека далекого, но единой с тобой биологической крови ты помнишь всю жизнь. Я пытался понять, почему Марина, несмотря на довольно мимолётное наше знакомство, всё равно остаётся в моей жизни.

Когда мне предложили дать интервью для этой книги, я стал вспоминать, откуда всё пошло, как начиналось наше знакомство...

Было это в девяносто каком-то году... Марина работала в еврейском театре и по этому поводу шутила:

– А какой же театр у нас сейчас не еврейский!

Встретились мы с ней на съёмках программы Андрея Кнышева «Серьёзные мужчины» – название, которое ни о чем не говорит

зрителю, потому что проект так и не вышел в эфир. Андрей хотел сделать своеобразную вариацию своих легендарных «Весёлых ребят»: дескать, ребята выросли, превратились в пузатых мужиков, но не утратили способности шутить. Там была вся его старая гвардия – Андрей Столяров, Роман Багдасаров, Евгений Воскресенский, Сергей Шустецкий, Леонид Сергеев, но были и новые вкрапления. Андрей очень трепетно относился к выбору людей, которые его окружают. Он говорил, что юмор – вещь достаточно тонкая и поэтому чужой человек может всё повести не в ту сторону. Так что на площадку к нему попадали люди, проверенные тысячу раз. Были в этой команде, понятно, не только мужчины, но и женщины. Там я увидел Юлю Рутберг и там же появилась Марина. Я тогда впервые обратил внимание на её способность импровизировать и существовать в этом творческом вареве, где многое строилось на импровизациях. Марина не ждала, что ей принесут текст, а сразу же включалась в работу, что-то придумывала.

В перерыве она услышала мой житомирский акцент и стала расспрашивать о родственниках, о корнях – так оно и пошло-поехало. Времени на общение было мало, но уже чувствовалась некая приязнь.

Потом прошло время, и мы встретились на съёмках «Ростова-папы». Там были два оператора – я и Эдик Кечеджиян, у которого, кстати, я многому научился, – он содрал с меня столичную кожу, на своём примере отучил быть снобом. Он этакий Сарьян, который всё время требовал темперамента в кадре. Многие ведь приспосабливаются к вкусам режиссёра: если его всё устраивает, то оператор уже не стремится ничего исправить. Но Эдик Кечеджиян на режиссёра не ориентировался. Он не успокаивался до тех пор, пока не получит в кадре живой, звенящей картинкой.

– Нет, нет, не то! – говорил он. И просил сделать очередной дубль.

Наступил день, когда предстояло снимать проход по улице Маши Голуб с Колей Добрыниным – он играл такую мистическую личность, почти что демона. Казалось бы, что может быть проще секундного эпизода: идут и поют песню. В сериалах таких сцен навалом. Дали мотор, и вдруг Кечеджиян закричал так, что съёмку остановили:

– Что это за походка! Где яркость!

Маша говорит:

– Секундочку, сейчас всё исправим.

И начался просто каскад импровизаций. Все смотрели, открыв рот. Наконец, кто-то спросил:

– Эдик, неужели ты и теперь недоволен?

Тут он оторвал взгляд от камеры и сказал:

– Наоборот, я просто не могу остановиться: один эпизод лучше другого.

Они действительно сыграли замечательно. Кечеджиян потом всем говорил, что встретил артистов, которые понимают его с полуслова. Но планку задавала, конечно же, Маня. Она умела из маленькой, незначительной секунды сделать целый спектакль.

Из тех съемок мне запомнился ещё один эпизод. В Ростове на противоположной стороне от города есть такое место – Левбердон. То есть левый берег Дона, где много ресторанов и турбаз. Одну из вечерних сцен снимали там. Привезли костюм, но переодеться было негде. Марина развела руками:

– Даже полотенца нет.

У операторов есть такие чёрные квадратные штуки, которые называются неграми или флаерами.

Она говорит:

– Серёжа, прикрой меня.

Я развернул флаер, и она очень ловко переоделась. При этом постоянно шутила. А появившись из-за флаера в новом костюме, подытожила:

– Чудны дела твои, господи.

У меня от смеха флаер выпал из рук. А потом она вошла в кадр и... не жалея собственных сил (хотя съёмка была ночная), выдала мощнейший заряд энергии. Если говорить профессионально, то она не халтурила, не умела беречься и рассчитывать силы, а щедро растрчивала себя, вкладываясь в роль по максимуму.

Совсем с другой стороны я узнал Марину на съёмках «Дневника убийцы». Она играла интеллигентную еврейскую маму одного из главных героев (Илья Любимов), и надо было сделать семейные фотографии, стилизовав их под дореволюционный уклад. Когда я прочитал сценарий, то решил, что Кирилл делает ошибку, дав Марине роль такого северного, засушенного, слишком серьёзного человека. Но начались репетиции. Я пришёл, Марина была уже загримирована, одета. И узнать её было невозможно. Полная противоположность тому,

что мы видели в Ростове. Там она играла базарную торговку, а здесь становилась родоначальницей весьма аристократического семейства. Там она была подвижной, заводной, неугомонной, здесь – холодной и чопорной. Там всё внимание привлекали голос и жесты, здесь я запомнил её глаза. Совершенно другой уровень!

Кстати, этот взгляд перенесла она ещё в одну роль, которую не видел больше никто. Однажды она позвонила мне и спросила, нельзя ли снять студенческую короткометражку в моей квартире (она знала, что мы вот-вот начнём делать ремонт, и потому студенты большого вреда обстановке не нанесут).

Я удивился:

– Марин, а зачем тебе студенты?

Она говорит:

– Ну как, наш святой долг помогать молодёжи. Да, к тому же я дала им слово. У них нет денег, они не могут заплатить, но они очень талантливы.

Я оставил им ключи от квартиры в Брюсовом переулке и уехал. Как оказалось, Маша играла старушку, которая в конце умирает. В общем, когда я вернулся, они снимали уже финал – вынос тела на носилках. Маша оживилась:

– Хорошо, что ты пришёл. Ты как раз будешь прохожим, который помогает нести носилки в санитарную машину.

Я послушался и помогал. Но история на самом деле была очень страшной, потому что Голуб слишком правдоподобно играла мёртвую женщину. Несколько лет спустя, когда случилась эта чудовищная катастрофа и я шёл к гробу прощаться, вдруг всплыли в памяти картины той съемки. Я ведь всё это уже видел...

Но не буду заканчивать на грустной ноте. Нельзя не сказать ещё об одной виртуозной работе Марины в фильме Серебренникова «Изображая жертву». Она, как и в спектакле, играла маму главного героя.

Знаете, иногда сидит человек курит и вдруг выпускает дым в виде кольца. Это нельзя зафиксировать, потому что длится секунды. И вот точно такая же магия рождалась у Кирилла на съёмках.

Тут важно помнить ещё о том, что Марина умела добиваться своего, но при этом не была скандалисткой – это разные методы. Есть метод бокс, а есть метод айкидо, когда ты используешь силу

противника. И то и другое, по сути, довольно жёсткие виды борьбы. Марина никогда не являлась боксёром.

Фильм снимался очень быстро, но снять плохо мы не имели права. Надо было очень концентрированно и точно работать, как часы, как единый механизм. На весь процесс нам отводилось всего лишь 15 смен – это своего рода рекорд. Бюджет был ограничен, так что никаких глобальных перемен и перестановок в процессе съёмки мы позволить себе уже не могли. Некогда думать и долго курить.

У Марины есть потрясающая сцена, где она, стоя на лестничной клетке в подъезде, целуется со своим ухажёром (Фёдор Добронравов). Но вдруг появляются друзья её сына Вали (Юрий Чурсин), и ухажёру надо спрятаться, а Марине резко сделать вид, что она просто остановилась в парадном с тяжёлыми сумками – перевести дыхание.

Эта сцена на лестнице была снята всего лишь за два часа, несмотря на то, что для всей съёмочной группы тот объект был сложный. Мы ведь снимали в доме Жолтовского – там очень красивый подъезд, можно было рельсы для кинокамеры проложить, но с освещением просто беда. И пока в жуткой суматохе рабочие настраивали аппаратуру, я вдруг увидел, что Марина крайне сосредоточена на предстоящей съёмке. Никаких тебе анекдотов, шуток и разговоров за жизнь.

А когда Кирилл скомандовал «мотор», Марина виртуозно сыграла свою неразделённую любовь и невозможность долгожданного поцелуя. Какие у неё глаза в той сцене – пересмотрите! Описать это невозможно. И ещё один прекрасный эпизод был в финале – там, где Валина мама ест рыбу, и мы догадываемся, что эта рыба отравленная. Как она ест в этом зелёном платье, на фоне фотообоев – словно на фоне рая! Это уже совершенно другой человек, хотя между съёмками прошло совсем мало времени, но смотришь на экран и удивляешься актёрскому преображению! Эта скорость в работе и максимальная сосредоточенность меня потрясали.

Так вот, я хочу вернуться к началу: почему память о Марине будет жить со мной всегда? Потому что запоминаются люди, которые однажды тебя удивили. А Маня удивляла всякий раз – нужно было с ней только встретиться.

* * *

Рассказывает кинорежиссёр Павел Лунгин:

– В «Свадьбе» роль директора столовой совсем небольшая, но проходит через весь фильм. Сюжет крутится вокруг застолья. И надо сначала договориться с директором о цене, потом посчитать котлеты, потом проследить за началом праздника, который быстро перерастает в пьянку, потом в драку и завершается уже милицией. Сквозь всё это прошла героиня Марины. И надо сказать, что сама актриса потрясающе много привнесла в атмосферу картины, потому что она была человек такого мгновенного перевоплощения. Я не видел ни мук творчества, ни растерянности в её лице, ни следов бессонных ночей. Я обожаю таких актёров. Она просто шагнула и вдруг стала директором провинциальной столовой.

Есть такая старая дзен-буддистская мудрость: отражение луны в луже. Не спрашивают у воды, есть она или нет. Есть луна – есть отражение, нет луны – нет отражения. Это вообще имеет отношение к актёрской работе, потому что актёр – это своего рода лужа, которая может преобразиться в самое прекрасное, что есть на свете, отражать самое неожиданное. И этим своим качеством Марина Голуб не переставала меня удивлять. Она – человек импровизирующий, очень много предлагающий, очень много практикующий...

Каждая роль – это слова на бумаге. Как им стать объёмными? Написано: «Входит директор столовой». Как она входит? Кто она? Вот это нанесение плоти, реальности и есть главная задача актёра и режиссёра. Дать правду. Чтобы я верил, что это лицо, эта рука, это ухо, которые мне показали, – это правда. По воплощению правды судят о таланте артиста. И, конечно, нащупать правду – это всегда очень интересный процесс.

Я помню, как Марина бегала там среди сковородок и кастрюль – наблюдала за поварами, которые жарят котлеты. И, наконец, мы видим в кадре, как директор столовой выносит в подарок молодожёнам королевского осетра. В этом был некий оттенок трагедии, что делало роль объёмной, а саму Марину Голуб выводило в ранг не просто комедийной, а выдающейся актрисы. Чем смешнее она играла, тем отчётливее читался подтекст ее несчастливой судьбы. Вроде бы весело, но врвалось дыхание реальной жизни – довольно лютый, ущербный, нелепой... И личное счастье не сложилось, и мужика ей хочется. Это не

пустой пластик. Всё время звучала нотка горечи в её словах и поступках. Так могут только большие артисты.

Вы спрашиваете, ставил ли я такую задачу? Видите ли, в чём дело... Это нельзя дать как задачу. Это рождается артистами во время съёмок. Как сейчас помню, репетируем сцену, в которой директор столовой договаривается о застолье с отцом главного героя. Отца играл маленький, полный, блестящий комедийный актёр Владимир Сальников. Я думал, что в этом будет комедийная черта, а начали снимать – глубина! Как они присматриваются друг к другу, как ходят, как встают... Это невозможно описать в сценарии.

Кстати, изначально «Свадьбу» я намеревался снимать совсем по-другому. Я вообще думал, что это история про бедных, тяжело живущих в нищете, борющихся с жизнью людей. То есть делал упор на социально-критический аспект. Но когда я приехал в маленький городок в Тульской области, он называется Липки, то понял, что жизнь, конечно, бедная и тяжёлая, но тем не менее она наполнена своим весельем, своим смыслом, какой-то дружбой, любовью, взаимопомощью, всем на свете. Социальный аспект этого фильма всё больше дрейфовал в сторону межчеловеческих отношений, и Марина Голуб в этой связи дала мне прекрасную ноту: пусть кругом всё плохо, но всё равно мы живые, мы всё равно любим, мы всё равно делаем своё дело и всё равно помогаем. И когда одолевают тяготы жизни, нас выручают как раз человеческие качества, а вовсе не звериная озлобленность. И Марина сумела это сыграть. При том что, конечно, директор столовой – она и жуликовата, и хитра. Мы всё это понимаем. Тем не менее у неё есть душа и доброта.

– Мне очень приятно, что Паша Лунгин предложил мне сотрудничество, – говорила актриса. – Я снималась в его картине «Свадьба». И это были не просто съёмки. Это был яркий, радостный кусок жизни. Мы жили в Туле, общались, нам было безумно интересно. Паша умеет создать удивительную атмосферу. Он человек умный, глубокий. У него в группе не бывает ссор, интриг. А во время съёмок «Бедных родственников» мы жили в Ялте и тоже одной большой дружной семьёй. И хоть съёмки были довольно сложными, получали огромное удовольствие.

Недавно у меня спросили, не кажется ли мне, что это очень специфическое кино про еврейское семейство, которое поймут не все.

Я так не считаю. Каждый поймёт что-то своё. Ведь что у евреев главное – родственные связи. Это гонимая нация, которая на протяжении веков свято берегла свои традиции. Русские, к сожалению, в большинстве своём их утрачивают. Никто уже не собирается за большим столом, не обзванивает ежедневно друг друга. А сколько заброшенных могил! Вот об этом мне и хотелось сказать с экрана.

Был ли у моей Беллы прототип? Да, у нас в Одессе жила такая тётя Роза, мамина родственница. У неё были бесконечные скандалы с любовниками. И каждый раз она выбегала во двор и кричала:

– Люди, помогите!

Но как только кто-нибудь пытался за неё заступиться, она заявляла:

– А чего это ты вмешиваешься!

Моя же Белла – это собирательный образ. Я видела множество таких вот женщин, беззаветно преданных своей семье. Их бьют, а они всё прощают, всё равно любят, понимают. Они всю жизнь варят борщи, пият мужей-алкоголиков, но при этом очень преданы семье^[20].

– Когда несколько лет спустя я приступил к съёмкам «Бедных родственников», – продолжает Павел Лунгин, – то понял, что в актёрской палитре мне не хватает именно такой краски. Я пригласил Марину на роль Беллы.

На афишах жанр фильма обозначался как комедия, но меньше всего мне хотелось снимать комедию ради комедии. Как сейчас это называется загадочным словом «ржа». Там даже до ржачки не хватает суффикса и окончания. Трёх букв достаточно. Так вот, «Бедные родственники» – это история, в которой есть человеческая боль, есть печаль. Ещё ведь Чарли Чаплин говорил, что смех не может быть без ноты человеческой грусти, неустроенности. Таковы правила жизни: мы смеёмся, но всё равно знаем, что этот счастливый момент сменится тревогой. Как три весёлых поросёнка в домике всегда чувствуют дыхание волка за спиной. В хороших комедиях всегда есть грустная нотка, ощущение беспощадного ветра жизни.

Марина ещё легче, чем на «Свадьбе», вошла в работу. Мы к тому времени уже просто обожали друг друга, и чтобы как-то подкрепить её актёрское обаяние, я решил, что хорошо в паре с ней будет смотреться Сергей Гармаш, который сыграл еврея-алкоголика. У них там просто

феерические роли. Еврейское начало, одесская жизнь, живой, естественный юмор, язык...

Талантливые диалоги Геннадия Островского она пропускала через себя, расцветивая их новыми фразами, разбавляя сценарий местечковым колоритом, словно сама только что приехала оттуда. И я оставлял это в картине. Несмотря на комизм, было в этой игре что-то от древнегреческой трагедии, какой-то рок, обречённость. Постоянные скандалы, мордобития, но потом опять примирения. Животные страсти, животные крики и всё равно... мечта о лучшей жизни.

Помню, как на премьере непьющий Павел Каплевич выглядел как пьющий. Он был потрясён. Не знаю, способен ли театр вызывать такие чувства, – я видел Марину только лишь в «Трёхгрошовой опере», но и там она была хороша.

...У Марины Голуб был редкий дар вызывать в человеке любовь. Она сама была полна любви и словно провоцировала тебя на ответное тёплое чувство. Мы не виделись по полгода, но, встретившись на чьём-то юбилее, чувствовали, что как будто вчера только расстались.

Я помню, мы как-то сидели с продюсером Лёшей Боковым в ресторане. И вдруг за соседним столиком оказалась Марина. Когда её компания ушла, она под села к нам, и вдруг что-то актёрское в ней заработало, словно сказала она себе: «Теперь я вам покажу».

Наше застолье в момент превратилось в настоящий фейерверк, праздник импровизации, рассказов, чего-то безгранично смешного. Она просто как опытный режиссёр делала с нами всё, что хотела. И когда поняла, что дальше смеяться нет больше сил, что мы уже лежим и еле шевелимся, спокойно встала, отряхнулась и... улетела. Ей надо было слить свою актёрскую силу, гениальность. Снова покорила, снова уложила, снова завоевала!

* * *

В 2001 году Марине Голуб позвонили... из Голливуда и предложили сняться вместе с Харрисоном Фордом. Звезда американского кинематографа должен был играть капитана подводной лодки. Сценарий был основан на реальных событиях, он повествовал о

гибели советской подводной лодки в 1961 году. Марине предлагали сыграть жену капитана.

– Вы знаете, что я им ответила? Не поверите. Я сказала: сниматься не могу по двум причинам. Во-первых, у меня в Москве идут съёмки сериала «Пятый угол» (мне очень нравилась эта работа: Игорь Золотовицкий играл сценариста, а я – его возлюбленную).

На том конце провода замешкались и перебили:

– Вы, наверное, не понимаете, вы будете сниматься с Харрисоном Фордом...

Я говорю:

– Нет, нет, нет, я очень хорошо всё понимаю. С Харрисоном Фордом... Я его очень уважаю... Но я русская актриса, и мой зритель здесь, а не там, – это первое. А, во-вторых, «Курск» был всего год назад. Вы знаете, чего эта трагедия стоила нашему народу? Как вся страна пережила гибель моряков? И сразу по горячим следам печь этот пирог... И сразу об этом играть и об этом говорить? Должно пройти несколько лет, должны отплакать вдовы, может быть, тогда мы об этом что-то снимем, а вот так сразу – нет.

Они меня не поняли совершенно, но напоследок сказали:

– Вы, наверное, сумасшедшая.

Я говорю:

– Of course, мы тут все сумасшедшие в нашей стране^[21].

Марина иногда вспоминала эту историю и усмехалась, что ей не удалось поработать в Голливуде. Но, вообще, она могла распределить по времени любые предложения и всё успеть. Когда несколько работ накладывались одна на другую, Марина говорила: «Так, у меня очередной гордиев узел. Сейчас будем разруливать».

* * *

– Работа для Мани была на первом месте, – говорит **Павел Каплевич**. – Однажды был смешной случай. Маню попросили вырваться на Камчатку на съёмки. Сама эта формулировка «вырваться на Камчатку» её веселила, но как тут «вырвешься», когда у тебя бесконечные спектакли... Рисковать, лететь впритык она не хотела.

Отказывалась, но съёмочная группа наседала. Немаловажным аргументом стало то, что в фильме снимался Саша Балуюев, и вот скорее во имя дружбы Маня поддалась уговорам.

– В Петропавловск-Камчатский я летел на два дня, – продолжает **Александр Балуюев**. – Вечером мог полежать в горячих источниках, а утром начать сниматься. У Марины всё было иначе: она прилетала утром, оставалось шесть часов на съёмки, и тот же самолёт возвращал её назад.

И вот она прилетает в открытом платье. А на улице жуткая холодина. Все удивились:

– Ты чего?

– Да понимаете, посмотрела прогноз – вроде тепло. Прыгнула в самолёт и ничего с собой не взяла.

Режиссёр **Антон Барщевский** говорит:

– Налейте водки – пусть Марина согреться.

Водки оказалось полно, поскольку снимали корпоратив в одной компании и как раз была сцена возле накрытых столов.

Маня махнула. Мы отошли в сторонку порепетировать. И вдруг она говорит:

– Я пьяная.

– Ну, господи, сколько ты там выпила?

– А почему я текст забываю?

Я говорю:

– Давай походим.

Прошлись. Она испугалась:

– Что делать? Мне ещё хуже стало...

Но тут объявили начало съёмки. Маня вошла в кадр и... сыграла свою сцену настолько блестяще, что я передать вам не могу. Думаю, что, если бы не самолёт, режиссёр перекроил бы сюжет и роль Марины сделал бы главной.

* * *

Главных ролей в кино всё же не случилось. Но зато остались роли второго плана и эпизоды, которые ей удалось великолепно. Вот, например, участие в картине Павла Чухрая «Водитель для Веры».

Павел Чухрай, кинорежиссёр:

– Не помню совершенно, как мы нашли друг друга (ощущение, что были знакомы всегда), могу только сказать, что Марина, конечно, удивительная. Когда ты с ней начинал работать, то понимал, что она актриса очень широкого диапазона. Очень яркий и сильный человек, потому что она жизнь воспринимала всегда позитивно. Никогда не слышал, чтобы она на что-то жаловалась, не было ни грамма нытья.

Весёлая, остроумная... Ты сразу попадал под её обаяние и мощнейшую энергетику. Говорят, точно таким же на съёмочной площадке был Роллан Быков. Он просто забивал своей мощью режиссёров и партнёров – они не успевали отстреливаться, отбиваться от его предложений. Я вспоминал эти рассказы всякий раз, когда смотрел на Марину. Она, естественно, придумывала за кадром жизнь своей героини, предлагала разнообразные варианты, от которых зависело дальнейшее направление картины. Мы спорили, обсуждали, но фантазия работала непрерывно. Это, кстати, редкое качество для артиста: большинство предпочитают, чтобы им принесли готовый сценарий, а режиссёр разъяснил, что нужно делать.

Кроме всего прочего, рядом с Мариной всегда было безумно весело. На съёмках она сразу, как магнитом, притянула к себе Андрея Панина и Богдана Ступку. Какая компания была! Они бесконечно травили анекдоты, что-то вспоминали, рассказывали. А сейчас страшно подумать: никого не осталось в живых. Помню, как однажды в конце съёмочного дня рассказывает:

– Ребята, сегодня вы меня обхитрили. Я стою в кадре, вы с оператором отходите и так посматриваете на меня через какие-то предметы, через окошко, которое на первом плане. Я всё жду, напрягаюсь, понимаю, что записи ещё нет, но стараюсь играть. Была уверена, что у нас репетиция! Две минуты, три, четыре – время идёт, вы тихо о чём-то шепчетесь, и я постепенно убеждаюсь, что играю просто гениально и что этот процесс нельзя останавливать. Перехожу на экспромт, пошла глубина, выстраиваю судьбу персонажа и вдруг слышу: «Вот этот горшок на переднем плане передвинуть или оставим на месте?» У меня внутри всё оборвалось! Нельзя же так с артистами – без предупреждения, как ледяной душ.

Рассказывая это, сама же первая смеялась. Но я понял: в этих словах есть некий знак: мол, ребята, дайте поиграть. Придумайте что-

нибудь, хочется работать. И я по ходу действия немного растянул её задачу: очень мне нравится, например, сцена с половником на кухне или та, где она подслушивает у двери. Ну, много вещей, когда её реакции и оценки помогали сюжету. Она очень хорошо это делала.

Конечно, мне захотелось ещё раз встретиться с Мариной в работе. Однако сейчас наш кинематографический мир настолько непредсказуем... У меня лежит с десятков непоставленных сценариев. Ты пишешь, а потом они не реализуются. Тут угадать трудно. Поэтому поработать больше не довелось, но всегда, когда встречались, мы об этом говорили, искренне хотели работать вместе, потому что удовольствие от той первой работы и результат всегда нас к этому толкали.

«Тартюф»

Марина Голуб стала артисткой Московского Художественного театра в 2001 году. Художественный руководитель театра Олег Павлович Табаков делал ставку на новые режиссёрские имена. Так, в театр пришли Кирилл Серебренников, Юрий Бутусов, Сергей Женовач, Адольф Шапиро, Константин Богомолов, Миндаугас Карбаускис, Лев Эренбург, Евгений Писарев, Нина Чусова и другие.

Нина Чусова, имевшая репутацию режиссёра, который умеет соорудить нечто яркое и комедийно-острое, приступила к распределению ролей в пьесе Мольера «Тартюф». Заглавную роль предстояло сыграть Олегу Табакову. В первом составе были заняты Авангард Леонтьев, Ирина Мирошниченко, Марина Зудина, Александр Семчев, Дарья Мороз, Максим Матвеев и другие артисты. На роль ловкой и темпераментной служанки Дорины была утверждена Марина Голуб.

Несмотря на то что спектакль был по-настоящему звёздным, критикой, мягко говоря, он обласкан не был.

– Критика размазала наш спектакль, – говорит Нина Чусова. – Марина писала мне в SMS: «Меня ранили». Ей не понравилось, что нашего «Тартюфа» стали сравнивать с легендарной постановкой Эфроса, а ее роль – с тем, как играла Ольга Яковлева. Я успокаивала: дескать, сравнивать постановки нельзя: там одна стилистика, здесь – другая. Но Марина в этом вопросе всё равно была как дитя: «Мы ведь так старались!»

Самое интересное, что, когда год спустя некоторые из рецензентов еще раз посмотрели спектакль, они сказали, что в «Тартюфе» появилась глубина, очень выросли актёрские работы. Меня поздравляли, хотя, скажу по секрету, я ничего там не меняла.

И Марина тоже смеялась: «Такое ощущение, что они забыли свои же рецензии».

Впрочем, бог с ней, с критикой. Знаете, какой кайф мы получали на репетициях! Нам было всё равно, что об этом напишут, поскольку в отличие от великого Анатолия Васильевича Эфроса мы не Мольера стремились раскрыть, а ставили собственную фантазию на темы «Тартюфа». Мы как бы играли в комедию, делали капустник. Поэтому,

когда на одном из спектаклей у Олега Павловича в кармане громко зазвонил мобильник и он, подняв трубку, сказал: «Перезвоните позже, я сейчас на сцене», – зал восторженно зааплодировал. Это было классно, органично и соответствовало табаковской манере игры. За кулисами я ему сказала: «Олег Павлович, надо же, как вовремя телефон зазвонил». Он, шутя, ответил:

– Да ты понимаешь, я ведь тут ещё и директор, и художественный руководитель – с телефоном неразлучен.

Были и другие интересные попадания. Например, Оргона изначально играл Алексей Гуськов. Я хотела, чтобы на сцене был этакий сухой пройдоха, которого вокруг пальца не обведёшь. Но в процессе репетиций наши отношения с ним, к сожалению, разладились. Зато пришёл Александр Семчев и сказал:

– Нин, я знаю, что у вас там всё плохо. Возьми меня, пожалуйста.

Я поняла, что Оргон может быть и таким. Большой откормленный ребёнок, который до жути наивен. А вечно энергичная Марина Голуб подходила, конечно же, на роль служанки Дорины. Она задавала темп всему спектаклю. Я даже просила её оставаться на репетиции тех сцен, в которых она не занята, – от Марины всегда исходила «вибрация», без которой комедия невысказана. И это давало силы, даже если Марина молчала.

После одного из спектаклей ко мне подошёл Олег Павлович и попросил найти какой-то деликатный ход и намекнуть Голуб, чтобы она чуть-чуть умерила свой темперамент. И, в самом деле, её энергичность зашкаливала. Но я кивнула и... всё оставила как есть.

Думаю, что их комедийный талант был равносильным. Табаков в комедиях привык солировать сам, а Марина, мне кажется, создавала ему некоторую конкуренцию: её выход публики тоже ждала.

Как я уже говорила, на репетициях мы получали истинное удовольствие от процесса. Однажды, например, открылась дверь, и в зал вошел... Квентин Тарантино. Как позже выяснилось, во время своего визита в Москву он забрёл в Камергерский и, узнав, что здесь театр, попросился внутрь. Табаков с распостёртыми объятиями и своей фирменной улыбкой пошёл навстречу: «Хэллоу!»

Маня, не выходя из образа Дорины, кокетливо воскликнула:

– Здравствуй, товарищ Тарантино. Заходите к нам на репетицию, не стесняйтесь. Передайте потом своим, в Голливуде, как играть надо.

И Квентин сидел, смотрел с интересом, как играют эти загадочные русские артисты.

В «Тартюфе» довольно высоко над сценой были подвешены огромные качели. И вот однажды во время спектакля они сорвались с цепей. Все ахнули. Тяжеленная металлическая конструкция продолжала раскачиваться и в любую секунду могла рухнуть на сцену или в зрительный зал. В полной тишине Марина Голуб вышла на авансцену и, не отступая от мольеровской стихотворной формы, произнесла:

– Что-то всё у нас летает,

И никто нас не спасает!

Под аплодисменты зрителей появились рабочие, качели были исправлены, и действие продолжилось.

– У неё всегда было хорошее настроение, – говорит актёр **Максим Матвеев**. – Старый театральный закон: комедию надо играть только на подъёме. И была у неё такая особенность – находиться немножко над ситуацией. В одном из эпизодов персонажи спектакля сидели на авансцене и раздумывали, как повлиять на Оргона, чтобы не состоялся брак его дочери, Марианы, с Тартюфом.

Мариана (ее играла Дарья Мороз) говорила:

– Может, я в обморок упаду?

Ей отвечали:

– Нет, это плохо. Это бездарно. Отец не поверит.

И дальше Мариана (Даша) поворачивалась к своей служанке (Марине) и жаловалась:

– Не пойму, что же мне делать! У меня нет больше сил!

Однажды Маня пронзительно на неё посмотрела и сказала:

– Нет сил? Уходи из МХАТа.

Она думала, что произнесла это тихо. Но «тихо» Маня не умела – шутку услышали в партере, и начался хохот. Даша тоже раскололась.

...У меня в том спектакле была роль молодого француза по имени Валер, который влюблён в Мариану. Предстоящий брак с Тартюфом фактически разлучал моего героя с возлюбленной. И на этом фоне я ссорился с Марианой: как же так, она выходит замуж за другого, разве это невеста! Дорина пыталась нас помирить. И у Мольера написано, что она берет Валера и Мариану за руки и говорит: «В своём ли вы уме? Вдруг этакий задор!» Но Марина от себя непременно добавляла: «Ну, ты же мужик! Сядь и успокойся». Причём от спектакля к

спектаклю её экспромты менялись – мы никак не могли к этому привыкнуть, но получали невероятное удовольствие. Только так и надо комедию играть.

Вокруг «Тартюфа» было много страстей. И связаны они были не только с критикой. Когда стало известно, что художником по костюмам будет Павел Каплевич, Марина пришла в ужас:

– Он сделает из меня уродину. Он нарочно придумает мне какой-нибудь страшный костюм. Он меня уничтожит в этом спектакле...

– Дело в том, что в тот период мы были с Маринкой во врагах, – поясняет **Павел Каплевич**. – Это было связано с Толей Белым. В конце девяностых, когда Толя закончил институт, она попросила меня помочь найти ему работу. Я устроил его в Театр имени Станиславского, потом – к Олегу Меньшикову в «Товарищество-814». А потом... так произошло, что... я как бы так слинял от всей этой истории. Плюс у нас с Мариной произошла нелепая ссора по другому поводу. Я на что-то обиделся, она... Мы не так друг друга поняли. Но что случилось, то случилось, такая была жизнь. А в результате «Тартюф» нас помирил. И до конца жизни мы уже не расставались.

«Гамлет»

В 2005 году петербургский режиссёр Юрий Бутусов приступил к репетициям «Гамлета». Громкую премьеру обещало участие в спектакле знаменитого актёрского трио: Гамлет – Михаил Трухин, Клавдий – Константин Хабенский, Полоний – Михаил Пореченков.

Москва ожидала сенсации. Телевизионщиков не пускали на репетиции. Интернет молчал. Интерес подогревала ещё одна неожиданная деталь: на роль Гертруды режиссёр утвердил Марину Голуб.

«Это театр редкостной правды, удивительных переживаний, – говорила Марина в преддверии премьеры. – Меня это наполняет таким светом. Я очень устаю, очень волнуюсь. Для меня это новый этап в жизни»^[22].

«Мы с Юрием Бутусовым поняли, что Гертруде до раскаяния нужно огромный путь пройти, – говорила Марина Голуб. – Она жертва своей безоглядной, подчас наивной любви к Клавдию. И потому отношение её к страданиям сына довольно высокомерное. Он говорит мне: «Мать, что ты наделала?» Я ему отвечаю: «Да, и что. Я люблю этого человека, что ты хочешь от меня?» И тогда он начинает упрекать: «Да вы убили его...»

Свое преступление Гертруда понимает не сразу. Она вроде и слышит Гамлета, но не верит в то, что Клавдий был способен убить её первого мужа. Она, скорее, поверит в помешательство сына, чем в злодеяния Клавдия. И в этом ее трагедия»^[23].

При скупости внешних средств (лицо каменное, взгляд высокомерный, тяжёлый, жесты властные) Марина Голуб играла состояние шока.

«Актриса играет непривычно сдержанно и скупо, – отмечала в рецензии **Наталия Каминская**. – Впечатляет сам контраст в этой паре Гертруда – Клавдий, где последний явно и намного моложе. Выходит, королева не только слишком поспешно выскочила замуж, но еще и за мужчину, годящегося ей в сыновья. Ничего не поняла, ничем, кроме бабьего инстинкта схватить последний шанс, не руководствовалась. И когда сын раскрывает ей глаза на произошедшее в семье, пугается, как

загнанная овца. Голуб замечательно играет трагедию беспомощного испуга – с этого момента ее королева буквально дряхлеет у нас на глазах»^[24].

...В спектакле была сцена, где она оставалась с Гамлетом наедине. В центре стоял огромный стол, напоминавший не то судейскую трибуну, не то театральные подмости. Гамлет в звенящей тишине разворачивал перед матерью всю картину содеянных злодейств и свою систему доказательств: «Я зеркало поставлю перед вами, где вы себя увидите насквозь».

И вдруг на мгновение в лице надменной красавицы королевы читался испуг («Ты что задумал!»), который переходил в насмешку («Он меня заколет»), а далее – в угрозу («Не подходи! Караул!»).

Гертруда на наших глазах становилась ранимой, подбирала среди множества привычных приемов-ухищрений тот, который остановит Гамлета, – от шутки и доброй материнской усмешки до предательских угроз и нападок. И оттого, что Гамлета было уже не сломить, голос Гертруды терял былую уверенность, срывался в отчаянный крик. Для неё признать поражение – это не стыд, не позор, не отчаяние, а нечто жуткое – вещь почти что смертельная.

– С Марининой эксцентрикой и темпераментом вползать в шкуру Гертруды было совсем непросто, – говорит помощник режиссёра **Наталия Кольцова**. – Сказать, что репетиции шли тяжело – это ничего не сказать. Юрий Николаевич любит и этюды, и зарисовки, и эксперименты. Пробует сцену со всех сторон... Он вообще-то мучитель. Может, например, в день спектакля изменить финал, чтобы всё по-живому было. Пробует множество вариантов. И то, что Марина фонтанировала, ему, конечно, нравилось, но в какой-то момент она почувствовала полную опустошённость. Ей нужно было видеть отдачу, а Юрий Николаевич режиссёр совсем другого склада – от него отдачи не жди. После репетиций Марина, стараясь не показывать своего огорчения, уезжала домой. А на следующий день вновь входила в театр – яркая, цветущая, доброжелательная. И первым делом бежала к Бутусову:

– Юр, давай начнём с моей сцены. Мне кажется, я поняла, как её можно сыграть.

Они начинали. И так постепенно, шаг за шагом, у них родилась настоящая трагическая роль.

На репетициях экспериментировали часто. Как-то Юрий Бутусов сказал:

– Вот что бы такое парадоксальное могло случиться между Гамлетом и матерью?

Марина Голуб ответила:

– Гертруда входит, и Гамлет начинает ей хамить. В ответ она даёт ему пощёчину.

Дальше ситуация развивалась молниеносно. Режиссёр, не раздумывая, предложил попробовать. И актриса, не рассчитав свои силы, развернулась и достаточно резко хлопнула Трухина по щеке. Тот взвыл от боли. Актриса испугалась:

– Ой, прости, пожалуйста. Какая-то дурная импровизация получилась.

– Нет, ничего, ничего. У вас всегда так во МХАТе бьют, не предупреждая?

А потом перед самым показом Олегу Табакову в одной из сцен Хабенский – Клавдий ударил по щеке Гертруду. Тоже без предупреждения и тоже больно.

– Я поняла, что это месть, – рассказывала потом **Марина Голуб**. – Отомстил за друга. Обиду я проглотила. Не заплакала. Но думаю: «Ничего себе. Что у них, у питерских, так и положено по лицу бить своих сотоварищей?»

Но говорят, бьёт – тело цветёт.

Я с ними всегда расцветаю как женщина. Мне дочь говорит:

– Мам, ты после «Гамлета» такая красавица.

Потому что эти артисты обладают невероятной энергией. Дай бог им здоровья^[25].

Но тогда до премьеры было ещё далеко. Репетировали много и трудно. Искали характеры и объяснения поступкам героев. Иногда возникали неожиданные повороты.

– Мы репетировали «Гамлета» целых девять месяцев, – говорит **Михаил Трухин**. – Мы как будто рожали ребёнка. И на восьмом месяце этой тяжёлой беременности мы репетировали сцену убийства Гамлетом Полония. И после этой сцены Костя (Клавдий) мне говорит:

– Как-то странно Маня на меня смотрит.

Я понаблюдал. Действительно. Она человек эмоциональный и после репетиций ходит немножко так «на слезе», а при виде Хабенского просто отскакивает от него. Костя к ней подходит:

– Мань, а в чём дело?

– Нет, нет, ни в чём. Всё в порядке.

– Мне просто показалось, что ты стала иначе ко мне относиться...

– Ну а как я должна относиться к человеку, который только что убил моего мужа.

Мы оторопели. А она вообще-то понимает, что происходит? Костя так осторожно спрашивает:

– Мань, а кто у нас муж?

Марина сделала паузу, посмотрела на нас и отвечает:

– Ну как? Полоний...

Это после восьми месяцев работы она перепутала своего мужа – отца Гамлета – с Полонием! Вот так мы все были увлечены работой.

Сама Марина Голуб любила вспоминать другой случай:

– Однажды «Гамлета» давали в пятницу, 13-го. Мы вышли на поклон. А там у нас к концу спектакля все предметы по сцене раскиданы. И один актёр, поскользнувшись на вилке, упал. Потом вышла я, поклонилась, шагнула назад, наступила на свой шлейф и тоже грохнулась. У меня началась истерика, я рыдала от смеха. Ко мне все подошли, а я встать не могу, и тогда Паша Ворожцов говорит:

– Ну, раз королева упала, давайте и мы упадём! – и падает, а за ним Хабенский, а за ним Пореченков, и вся сцена в итоге лежит. Вот так Паша меня поддержал. Публика была в восторге. Аплодисменты были оглушительные^[26].

На один из спектаклей пришла Алла Сергеевна Демидова (игравшая Гертруду в легендарном спектакле «Таганки»). Зайдя за кулисы, она сказала, что есть очень точные попадания, и поздравила Марину с победой. Марина Голуб очень гордилась этим визитом, поскольку Демидову боготворила.

«Трёхгрошовая опера»

В 2008 году, когда я приступил к постановке «Трёхгрошовой оперы», – рассказывает **Кирилл Серебренников**, – я позвонил Мане и сказал, что она должна сыграть Селию Пичем, поскольку это написанная на неё роль.

Встретились на первом разборе. А у нас в театре в ту пору работала одна громогласная дама, и я Мане сказал:

– Вот кого ты должна сыграть.

Она подумала, что я шучу.

Но дальше я заказал у гримёров слоновьи ноги, висячие сиськи, парик с седой прядью и принёс ей на репетицию. Я думаю, что она это надела только потому, что это я. Был бы другой, она бы послала, потому что ей всегда хотелось быть красавицей, а тут она получалась такой урод с жирными ногами. Я видел, как у неё заскрежетали зубы, проступили слёзы.

Я говорю:

– Маня, ты же артистка. Тебе тут гламур нужен, что ли? Ну-ка, давай. Это образ, это персонаж, это не ты...

Я видел, что она ходила, ныла, всем на меня жаловалась, проклинала, но потом поняла, что бесполезно и нет пути назад.

Она один раз подъехала:

– Кира, зачем это? Все подумают, что это мои ноги.

Я говорю:

– Ну, Мань, подумают, да. Все скажут: «А вон посмотри, как она с такими ногами прыгает».

Подошла в другой раз:

– Какой-то грим страшный. Седая прядь как у бездомной.

У меня был новый аргумент:

– Подумай о других: гримёр за свою работу «Оскара» получит.

Но Маня не унималась:

– Я бы хотела получить его сама.

В общем, она и так и сяк пробовала переубедить меня, но я был непреклонен. Поняв, что меня ничем не взять, она начала работать и работала, кстати, потрясающе. То, как она падала, как выкидывала

сиськи за плечо, как харизматично вела свою роль, описать невозможно. Всё это было по плечу только большой артистке.

Зрители «Трёхгрошовую оперу» приняли на «ура!». Критика была менее благосклонной. После премьеры Марина Голуб сказала в одной из передач:

– Я ужасно огорчена сегодняшней критикой. Я так огорчена, что у меня даже нет слов. Это не просто бездарно написанные статьи, а статьи, написанные людьми, которые не знают, что такое Брехт, не читали до конца «Трёхгрошовую оперу». Те выводы, которые они делают, не имеют никакого отношения к спектаклю. Ни одного серьёзного разбора! Я не говорю, что надо хвалить. Я не про это говорю. Но разберите серьёзно. Опять, как всегда, нам пересказывают сюжет и мимоходом делают замечания. Но без настоящего разбора в таких замечаниях пропадает всякая необходимость.

Марина Голуб, достигнув определенных высот в профессии, говорит о дефиците критики, которая могла бы помочь ей в работе над ролью. В отсутствие критики она задавала вопросы коллегам: «Ну, скажи мне, что я делаю не так?».

– Она всегда была немножко так в переборе и всегда её было больше, чем надо, – говорит **Кирилл Серебренников**. – И об этой своей черте она прекрасно знала, поэтому говорила:

– Мне надо отсечь лишнее. Кирилл, приди, посмотри, где меня много.

И я приходил на спектакли других режиссёров, говорил:

– Мань, вот тут подбери, тут не растрчивайся...

Я прекрасно понимал её состояние. А она, кстати, понимала моё, поскольку чутьё на людей у неё было невероятное. И чем больше ты с ней общался, тем больше она «требовала» отдачи – хотела знать всё про каждый твой день, про твои замыслы и работу. Неоднократно она спасала меня от депрессии – стучала, звонила, когда ей казалось, что у меня какой-то не тот голос или она думала, что я хочу покончить жизнь самоубийством. Она приходила, ломилась в квартиру и спрашивала с порога:

– Ты не повесился? Ты не пьёшь?

– Ну почему я должен вешаться. Я просто хочу дома один посидеть...

Она очень деловито всегда выдергивала тебя из какой-то апатии. Мы понимаем, что это не просто эксцентрика – это огромное сердце, огромное чувствилище.

Мы очень хорошо с ней и с Толей ездили в их любимое Поленово, купались в речках, что-то придумывали, обсуждали. И хотя к тому времени мы уже много вместе работали, она не переставала подчёркивать:

– Я готова к любым твоим предложениям. Вот что ты скажешь, то я и буду играть. Главное, помни, что я есть.

При её темпераменте и любви я не забывал об этом никогда. И, кстати, никогда в жизни она не брала меня за грудки и не говорила:

– Всё, я буду играть эту роль!

Никогда и ничего она не требовала. В области театра она была невероятно тонкий, деликатный и верный профессии человек.

– У нас были свои правила игры, внутренние узоры, – говорит Народный артист России **Сергей Сосновский** (Джонатан Пичем). – Например, когда я должен был петь, она незаметно для зала отсчитывала такт, чтобы я вступил вовремя. Я не просил её об этом, но она чувствовала сама, что мне необходима помощь. И по сей день, сколько бы раз мы ни играли спектакль, мне кажется, что помреж объявит мой выход, я выйду на сцену и увижу Марину.

Из воспоминаний...

При всей переменчивости и подвижности актёрского характера у Марины Голуб была одна неизменная черта. Речь, конечно, об альтруизме – искреннем желании помочь в любой ситуации. И это относилось ко всем в равной степени: от малознакомых людей до близких друзей и коллег.

Вот лишь несколько историй...

Кирилл Трубецкой, актёр:

– После окончания средней школы я начинал работу в МХТ в приемной Олега Табакова. Работаю там и сейчас, но за это время я стал артистом. И случилось это благодаря Марине Голуб...

Олег Павлович однажды про меня сказал:

– Кириллу не надо учиться, он не ученик, он практик.

Он был, безусловно, прав, но я всё же очень хотел поступить в театральный вуз, поступал и... терпел поражение. Однажды в буфете поделился своими горестями с Мариной.

– А ты уже выбрал что-то? – поинтересовалась она.

– Да, вот репетирую.

– Давай, ты мне считаешь, я тебе помогу.

И я почитал. Слушатель она была благодарный – не мешала, не лезла с замечаниями. Когда я замолчал, Марина сказала:

– Слушай, подучи такие-то произведения. Завтра у меня «Изображая жертву». Я со съёмок приеду в четыре, грим у меня в пять. Я приеду, пообедаю и зайду к тебе – у нас будет полчаса, мы позанимаемся.

Ну что, я артистов, что ли, не знаю! Говорят одно, делают другое. Вечно торопятся, забывают, извиняются, переносят...

Я, признаться, не очень поверил в то, что занятие состоится. Однако на следующий день в половине пятого в приёмной открылась дверь и прозвучал бодрый голос Мани:

– Кира, ты готов? Пошли!

Сидевшая рядом Ольга Семёновна (О. С. Хенкина – помощник художественного руководителя МХТ) сказала:

– Мань, ты такая молодец! Но зачем? Олег Павлович уже слушал – подсказал, в каком направлении двигаться. И у него, действительно, есть рывок...

Маня немного растерялась:

– В смысле «зачем»? Кто-то ведь должен... Мне ведь тоже помогали в своё время. Теперь моя обязанность... Я не помогу – кто поможет?

Мне было лет девятнадцать, но мне этот момент очень хорошо запомнился. Впроброс так сказала, и мы пошли репетировать. После занятия она поинтересовалась:

– Ты куда-то ходил? Показывался? В «Щуку», например, сходил?

Я говорю:

– Мне не очень хотелось бы туда поступать...

– Неважно, идёшь ты туда или нет, но надо прогнать материал.

– А я ведь там никого не знаю.

– А кто набирает?

– Любимцев.

– Это тот, который про собак и кошек программу ведёт?

– Да.

– О господи, сейчас кто только ни набирает! А что, больше некому? Но ничего, пройдёшь на общих основаниях, покажешь репертуар, и будем от этого плясать.

Ну, сказала и сказала. Утром я просыпаюсь. Смотрю в мобильный – у меня неотвеченный вызов. Я перезваниваю, на том конце провода Манин голос:

– Алло, алло, алло...

– Господи, Маня, время полдевятого... Артисты в это время ещё спят. Что случилось?

– Кира, всё в порядке. Я позвонила Любимцеву.

– Ты же сказала, что ты его не знаешь...

– Ну, не знаю. Позвонила, говорю: «Это Голуб. К вам придет от меня мальчик».

И я действительно пошёл. Спускается человек:

– А кто тут от Голуб?

– Я.

– Идёмте.

Мы поднимаемся. Сидит Любимцев в окружении нескольких педагогов. И я слышу разговор:

– А вам Голуб сама звонила по поводу него?

– Да.

– А вы знакомы?

– Нет. Ну, позвонила, говорит: «От меня будет мальчик».

Вот её легкость. Идёт «Конёк-Горбунок». Она не участвует. Но пробегает по коридору:

– А-а-а, сидят мои коньки!

Всех обняла, поцеловала и пошла дальше – в буфет.

Мне очень обидно, что её педагогический талант остался не до конца реализованным, хотя лично для меня она стала педагогом номер один.

Ольга Хенкина:

– В продолжение скажу, что Марина тратила уйму времени, чтобы выстроить Кириллу Трубецкому программу. Шла от его индивидуальности, помогла ему проявить то, в чём он особенно силён, ходила на спектакли, где он участвовал в массовке, была удивительной, можно сказать, нянькой в этом плане. Она поставила цель, что он поступит. Он и поступил.

Педагогом Марина была гениальным... В самом деле гениальным. И очень печально, что её педагогические таланты не нашли настоящего, масштабного приложения. Этого не случилось в её жизни. А она так мечтала преподавать!

А педагоги, как мне кажется, ревновали, боялись этой неукротимой энергии. Им почему-то казалось, что она придёт, разрушит всё до основания, переключит студенческую любовь на себя и затем начнёт строить что-то своё.

Она обижалась, что Кирилл Серебренников, набрав свой курс, не зовёт её преподавать. Чуть позже она, правда, поставила с его студентами «Сон в летнюю ночь». Она мечтала. Она всё время мне говорила:

– Ну, поговори с этим, ну, поговори с тем. Я могу преподавать, мне хочется делиться.

Желание делиться – это, кстати, отличительная черта хорошего педагога. Актёр, каким бы великим он ни был, эгоист по природе своей.

Он не способен делиться собой. Вот поэтому редкие актёры идут в педагогику. А в ней это желание было. Да и, вообще, по части альтруизма она была человеком уникальным.

Когда в начале двухтысячных Илзе Лиепа открыла в Москве свою Танцевальную школу-студию, Марина Голуб была приглашена в качестве педагога актёрского мастерства. Ставила небольшие спектакли, правила речь, обучала ребят сцендвижению и пластике.

* * *

Светлана Аманова, актриса Малого театра:

– Манечка буквально спасала людей. Она была как солнечный лучик, который пробирался к тебе и согревал.

Мы сразу подружились на одном детском празднике у нашей общей знакомой. Моей девочке было четыре годика, а Насте – пять. И единственное, что я помню, как Марина, впервые увидев меня, фактически на меня налетела:

– Боже мой! Я так люблю театр, в котором вы работаете! Я смотрела ваши фильмы... И ещё мы с мамой ходили на ваши спектакли, у неё ведь столько связано с Малым театром. Она окончила Щепкинское училище, в труппе полно её однокурсников...

Мы, конечно, тут же принялись перечислять имена, делиться впечатлениями. Вечер пролетел на одном дыхании. Я позвала Манечку на спектакли, а она сказала, что обязательно придёт, но чуть позже, потому что сейчас у неё очень сложный период в театре (тогда она ещё работала в «Шаломе»).

Ну и, как обычно это бывает, с тех пор мы долго не виделись... А потом я пережила чудовищную ситуацию в жизни, следствием которой стала жуткая депрессия. Просто жутчайшая. И вдруг появилась Маня. Я даже не понимаю, как это произошло. Она возникла сама собой, словно вернулась из командировки.

– Ты почему дома сидишь как затворник? Нет, давай вылезай.

Она стала меня куда-то водить и по театрам, и по магазинам, и по гостям... Я говорю:

– Маня, ну зачем ты меня тащишь? Мне так этого не хочется – собираться, одеваться...

– Так, прекрати сейчас же, – отвечала она. – Надо себя заставлять. Вот у тебя болит голова, ты себя плохо чувствуешь и думаешь: «Нет, в дома побуду, полежу, почитаю». Это значит, что надо тут же встать, собраться, одеться и куда-то идти, выходить в свет, в люди. Главное, когда тебе плохо, не оставаться наедине с собой.

Сколько лет прошло, а я это правило до сих пор соблюдаю.

* * *

– У Мани было нечеловеческое чутьё на чужую беду, – продолжает **Ольга Хенкина**. – Однажды меня прямо из театра увезли на «скорой» с воспалением лёгких. Ходила на работу, как и все мы, кашляла, кашляла, и вдруг свалилась с температурой под сорок...

Когда я очнулась в больнице, надо мной стояла Марина Голуб, смотрела на меня и говорила:

– Ты что здесь делаешь, я тебя еле нашла!

Она потрудилась! Она меня искала! Она приехала ко мне с кучей продуктов и тут же побежала договариваться, чтобы меня перевели в какую-то другую палату, чтобы у меня были какие-то другие врачи (ей казалось, будто меня лечат неправильно). Потом она приехала во второй раз – хотела лично убедиться, что со мной всё хорошо, что я иду на поправку.

Она из театра была единственной, кто оказался у моей кровати. Хотели меня навестить и другие люди, но я просила этого не делать: я болела, была слабая, некрасивая... Но разве Марину можно остановить! Она прорывалась сама.

Да и в театре точно так же. Если она заглядывала к нам в приёмную и спрашивала, как дела, то всегда ожидала подробностей. И если ты говорил, например, о больной собаке, Марина тут же хватала мобильник, судорожно искала в нём какие-то нужные телефоны и уже через секунду договаривалась о ветеринарах. Ей можно было делать знаки, шептать или даже кричать о том, что не надо никуда звонить, что всё уже сделано. Но Марина «не слышала». Она не оставляла эту историю в покое до тех пор, пока собака не выздоровеет.

И еще один эпизод. Однажды в октябре я отдыхала в Греции. У меня была всего неделя, на которую приходился мой день рождения. Мне не было одиноко – я просто настолько устала, что хотелось побыть в тишине, на природе. Вдруг звонит Марина:

– Я приеду к тебе на два с половиной дня.

Я думаю: «Надо же, на два с половиной дня! В Грецию! Туда ехать, не доехать, потому что прямых рейсов не было». И она действительно прилетела.

Помню, как появилась она на побережье в ярком сарафане необыкновенной красоты, чем потрясла всех окружающих.

– Я же не могла не приехать к тебе на день рождения, – первое, что сказала она.

Можно только догадываться, что в тот момент в Москве ей было очень одиноко и что она придумала себе такую историю, чтобы не оставаться одной.

Два дня она жила в моём отеле, а поскольку на третий день свободных номеров уже не оказалось, она переехала в другой отель на несколько часов! Это Марина. Ей хватало энергии.

– Ну и что, подумаешь, другой отель! Нормально. Я сяду на такси, приеду к тебе, и мы всё равно погуляем.

Так оно и случилось.

Кроме того, в той поездке она успела посетить множество православных храмов, которые были на побережье. А в день моего рождения мы поехали в город Ханья, где нашли изумительное кафе. У меня и сейчас эта картина перед глазами: солнце, море, песок, красивые греки, и с каждым из них Марина кокетничает. Все падают к её ногам, танцуют вокруг неё сиртаки. И хотя праздник был вроде бы мой, вся жизнь сконцентрировалась только вокруг Марины – настолько она была красивой. Я любовалась...

Она устроила мне незабываемый день рождения. Лучше него в моей жизни никогда и не было. Я была в зоне любви, купалась в такой плотной атмосфере её обожания, что забыть это невозможно. Есть такие пики жизни, когда тебя так любят, что ощущаешь себя почти божеством.

* * *

Алёна Яковлева:

– А у меня была смешная ситуация. Однажды у нас дома пропали деньги, и я говорю:

– Мань, ты представляешь, у меня вот такая история приключилась.

Она тут же хватается за телефон:

– Сейчас я позвоню знакомому экстрасенсу.

Позвонила. Пересказывает:

– Значит, так, Алён, у тебя в квартире была какая-то женщина в светлой рубашке, а с ней был ещё молодой человек.

Я говорю:

– У меня вообще никого не бывает. Какая женщина?!

Она говорит:

– Но деньги-то пропали...

Как тут поспоришь? Потом от неё приходили люди, которые определяют пропажу с помощью специальных палочек. Долго ходили, крутили-вертели, ничего не нашли, но сказали, что деньги в квартире. То же самое мне подтвердил ещё один экстрасенс. И в конечном итоге я эти деньги нашла, правда, через три года. Но тогда я слушала экстрасенсов и думала, как это странно всё. Даже у Мани спросила:

– А ты точно знаешь, что эти люди нам помогут?

Маня была убеждена:

– Да, да, да, они всё правильно говорят.

Не думаю, что она свято верила в магию. Но у неё были ключи на все случаи жизни: главное – не отчаиваться. Не удалось найти – прибегнем к нестандартному способу.

* * *

Татьяна Никольская:

– Для Марины было свято всё, что касалось детей. А уж если кто-нибудь из нас беременел, её радость не знала границ. Из всей нашей компании мамой я стала позже других. Надо ли говорить, что Маринка девять месяцев проявляла редкостную заботу? А когда я уже родила и не могла встать на ноги после кесарева сечения, то попросила, чтобы

меня никто не навещал. Хотела только лежать и не шевелиться. Но вдруг раздался звонок от Марины:

– Мы с Толей едем с дачи, сейчас привезём тебе картошечки, малосольных огурчиков...

– Марина, я двинуться с места не могу, мне тяжело...

– Ничего не говори, набирайся сил, мы едем.

Я рожала в 67-м роддоме, который находился рядом с домом Маринки, фактически в том же дворе. И вот она приехала, я кое-как подползла к окну. Слышу привычный вопрос:

– Ну что?

– Мань, что-то мне ужасно плохо.

Она говорит:

– Сейчас я тебе расскажу, какая жизнь на улице.

И стала рассказывать в лицах, кто на ком женился, что было в театре, кто кому что сказал. На весь роддом! При этом вокруг стояли счастливые мужья, пришедшие к своим счастливым жёнам, но в присутствии Марины они свои разговоры побросали и слушали только её. А она рассказывала про Мазаева, как от него Наташка ушла, потом рассказывала о том, чьи дети поступили, а чьи – нет. Ну и, конечно, много было смешных историй. Все роженицы припадали к своим окнам, ведь оторваться от такого моноспектакля было невозможно.

Подарки для детей, разумеется, являлись одной из её слабостей. Однажды приходит и говорит:

– Тань, я ребёнку купила разных комбинезончиков.

И достаёт целый ворох детских вещей. Среди них был и белый комбинезон в чёрную полосочку. Маня смотрит на него две секунды и вдруг говорит:

– Ой, он немножко похож на костюм узника... Но выглядит эффектно.

Так она шагала с нами по жизни. И сколько моя дочка помнит себя, столько и Марину.

Когда моя дочь росла, я делала детские праздники. Новый год мы отмечали дома или на даче. Маринка звонила – сообщала:

– Я буду обязательно. Оставьте для меня роль.

Поначалу я удивлялась:

– Мань, правда, что ли, будешь?

Она удивлялась не меньше:

– Да, буду, конечно!

И этой традиции никогда не изменяла. Могла позвонить и радостно сообщить:

– Знаешь, у меня есть классный чёрный костюм!

– Мань, не надо чёрный. Ты ведь должна быть доброй волшебницей.

Она отвечала в своей неподражаемой манере, не допускающей возражений:

– Я буду доброй волшебницей в чёрном костюме. Роль мне оставьте, слова учить совершенно некогда, я приду, и ты на месте меня сориентируешь.

Так было всегда. В последний раз, перед наступающим 2012 годом, позвонила:

– Когда собираемся?

Я назвала дату. Маринка загрустила:

– Ты представляешь, у меня репетиция во МХАТе.

Я говорю:

– Ну что поделать. Придётся нам, к сожалению, веселиться самим, потому что потом народ разъедется, и мы не сможем собраться.

Она говорит:

– Я что-нибудь сделаю, держи для меня роль.

Ну хорошо. И вдруг, действительно, в последний момент врывается сияющая от счастья Маня и, как обычно, «с историей»:

– Успела! – заявляет она с порога. – Репетировала во МХАТе и вдруг посреди действия говорю: «Ребята, погодите, у меня же детская ёлка сейчас, мне уйти надо». А они удивились, стоят, смотрят на меня: «Мань, ты что, на ёлках подрабатываешь?»

Она почему-то безумно любила эти детские ёлки. И, вообще, с большим удовольствием участвовала в таких домашних заварухах.

* * *

Евгений Миронов, художественный руководитель Театра Наций:

– Она всё время готовилась к чему-то новому, прекрасному. Никто не понимает, каким образом она эти чары свои женские выпускала. Но

достаточно было взглянуть в её сторону, и ты уже подпадал под безграничное обаяние, сексапильность.

И, конечно, ты вспоминал о ней в трудную минуту.

Однажды у нас был благотворительный вечер, который мы хотели провести в стилистике «Двенадцати стульев», но график у всех сложный, насыщенный, поэтому человек десять мне отказали. Звоню Голуб:

– Манечка, у нас благотворительный вечер. Понимаю, что ты занята...

– Когда?

– Завтра.

– У меня спектакль.

– Всё.

Она меня останавливает:

– Нет, не всё!

И дальше она говорит:

– Я приезжаю в 21:15. Что нужно делать?

Я сразу думаю: что она может делать? Говорю, что вечер в стилистике «Двенадцати стульев».

Она реагирует моментально:

– Отлично, я сыграю Грицацуеву. Мне нужно перо, нужна шляпка, сумочка, бусы.

Всё! И она была в тот вечер. И мы вместе с ней танцевали танго. И она веселила людей, которые не пожалели времени, пришли и отдали свои деньги ветеранам театра и кино.

Подобных историй можно вспоминать ещё множество. А главное, если ты однажды попал в зону её внимания, то она считала, что должна во что бы то ни стало помогать тебе.

Мы были на гастролях в Америке. Я тогда только купил себе в Москве квартиру. Она была абсолютно пустая. И Маня, естественно, взяла на себя заботы по обустройству. Честно говоря, Америка находится далековато от России. Но разве это имело значение! Если у нас не было спектакля, то Маня тащила меня в огромный молл, где есть всё, от гвоздей до слонов, и начинала в тележку складывать необходимые в быту вещи. Она получала какое-то немислимое удовольствие и практически собрала мою квартиру. Когда основные покупки были совершены, она вдруг сказала:

– Жень, ты знаешь, мы не учли самого главного. У тебя должна быть большая царская кровать.

А кровати у меня, действительно, ещё не было.

– Маня, я в Москве куплю.

Но она в тот момент уже брала какие-то пододеяльники, матрасы, стелила на пол:

– Вот посмотри, так удобно?

Кругом ходили американцы, но Маня ложилась на пол, примериваясь к масштабам будущей кровати. Я говорил:

– Нет, нет, по-моему, это многовато.

Она говорит:

– Подожди, ты ничего не понимаешь.

Она брала другой матрас, третий:

– Ложись теперь ты.

В общем, устраивала целый спектакль, пока, наконец, выбор не был сделан.

* * *

Маринина дочка Настя по сей день хранит в телефоне мамы сообщения, одно из которых было отправлено из Испании: «Настя, перевес 600 евро. Купила всем подарки. Счастлива безмерно». Как оказалось, к своему чемодану она приобрела два других и набила их покупками.

– Я так хорошо отдыхала, в такой красоте, в такой роскоши! Я такая счастливая, как же мне не поделиться этим счастьем с людьми, с которыми я работаю.

* * *

Кирилл Серебрянников:

– Марина и путешествия – это особая тема для разговора. Мы с «Пластином» много ездили по миру. И в Париже была невероятная история, когда Марина пыталась объясниться на русском, повышая

голос и обильно жестикулируя. Однажды она позвонила мне из какого-то магазина:

– Ты что делаешь?

Шепчу в трубку:

– Я в базилике святой Клотильды слушаю мессиану.

Ей стало так стыдно, что она отоваривается в каком-то моле, а я в этот момент слушаю мессиану.

– Я сейчас приеду.

– Мань, не надо, мессиана уже заканчивается.

– Нет, я еду.

И они вместе с Хохловой несколько часов искали эту Клотильду, не зная ни языка, ни дороги. Люди от них шарахались. В конце концов, когда они добрались до Клотильды, была уже ночь и всё было закрыто. Они позвонили:

– Але, ты где? Мы в Клотильде.

Я говорю:

– Дома уже сплю, какая Клотильда?

Дальше они долго искали путь домой, потеряли ключ. В номер лезли через окно. Потом наперебой рассказывали про все 33 несчастья, которые произошли с ними по дороге. Но это пересказать невозможно. Надо было слышать Марину.

* * *

Евгений Писарев, художественный руководитель Театра имени А. С. Пушкина:

– У меня в чемодане половина вещей всегда была от Мани.

Она говорила:

– Есть место? Довези, у меня ничего не помещается...

О том же самом она просила и остальных своих друзей. Мы везли... Потом бывало смешно, когда мы приносили ей все эти подарки, Маня удивлялась:

– Ой, а я и забыла, что покупала это.

Однажды в маленьком аборигенском городке в глубине Бразилии у Амазонки мы пришли с ней на блошинный рынок, где продавались свистульки. И она, как Раневская, решила перепробовать все. Я злился:

– Зачем тебе это нужно? Эти свистульки стоят здесь уже лет десять, никто к ним не подходит.

Маня продолжает. В конце концов, я зверею:

– Ты представляешь, какое количество аборигенов до тебя в них посвистело?

И тут ей стало не по себе. Мы пошли домой.

– Ой, кажется, у меня деревенеют губы. Кажется, я заразилась чем-то. Кажется, у меня поднялась температура.

Я злорадствовал:

– Вот суешь в рот всё, что ни попадя.

Но моих замечаний хватало ненадолго. Она видела, например, собаку, бежала к ней, начинала гладить, пока я не скажу, что она заболела, потому что пёс лишайный.

* * *

Татьяна Венгерова:

– Про заграничные приключения можно вспоминать бесконечно. В 1995 году мы большой компанией поехали в Грецию в шуб-тур. Это стоило всего лишь сто долларов, но неременное условие поездки заключалось в том, что каждый обязан был получить там шубы и привезти сюда – передать каким-то торговцам. Короче, авантюра.

Но случилась накладка. Шубы в аэропорт не привезли, и мы, прекрасно, практически задаром отдохнув, летели назад порожняком. Наш самолёт долго не выпускали. Я повернулась к Мане и в шутку сказала:

– Наверное, нас уже не выпустят, раз мы шубы не везём.

Она эту фразу поняла почему-то всерьёз и стала кричать:

– Ничего не знаю, я хочу в Россию! Я вернусь домой! Не трогайте меня. Не дали шубу и не дали. Я тут ни при чём. Я лечу в Москву, и всё. Пусть попробуют высадить...

...Другое мое воспоминание связано с тем, как лихо Марина водила машину. В Испании могла припарковаться возле пляжа, а потом удивлялась, что её машину, взятую напрокат, эвакуировали:

– Ну кому она здесь мешала!

Мы бесконечно куда-то ездили, причём за рулем должна была сидеть именно Маня.

– Я не могу поменяться с тобой местами, меня иначе укачивает, – объясняла она.

– Марин, так, может, не надо на большой скорости гонять, и тебя не будет укачивать?

– Нет, дело не в этом.

Она садилась, давила на газ, и машина улетала в другой конец побережья. Однажды мы проскочили нужный поворот и, чтобы развернуться, надо было проехать 30 километров туда, а потом столько же назад. Вдруг Марина снижает скорость и прижимается к обочине.

– Мы останавливаемся? – спрашиваю.

– Нет, я сейчас буду здесь разворачиваться.

– Ты что, мы ведь нарушаем правила!

– Посмотри, никаких машин нет.

– Мы за границей. Зачем наживать неприятности? Кому мы здесь что докажем? Ты как хочешь, но я выпрыгиваю на ходу и иду пешком.

Марина злилась, говорила подругам:

– Таня не позволила мне развернуться.

Но чтобы «переключить» её настроение, нужно было посетить хороший магазин. Как жаль, что больше никогда в жизни не доведётся мне наблюдать, как Марина заходит в тихую европейскую лавочку, торгующую, скажем, перчатками или сумками, и как все присутствующие бросают свои дела, поскольку их внимание в одночасье притягивает к себе Марина.

Однажды какая-то испанка у меня тихонько спросила:

– Эта женщина, наверное, известная в России актриса?

– Да. А как вы догадались?

– Ну что вы, это сразу чувствуется.

...В последний раз мы отдыхали все вместе в Испании в 2012 году. Я и Света Воробьевская жили в одной квартире, а Марина – в другой. Наши окна смотрели друг на друга. Мы выходили на балкон, кричали через двор, как в деревне:

– Марин, ты идёшь на пляж?

– Нет, я ещё сплю.

А потом она выходила на пляж, и все смотрели на неё, как замороженные, поскольку Марина была в ярком сарафане с широкой

стильной сумкой, а на голове у нее была роскошная шляпа с бантом, поля которой элегантно покачивались на ветру.

Когда она расстилала свой коврик и открывала сумку, это действие напоминало великосветский ритуал. В сумке были аккуратнейшим образом сложены книжка, два полотенца, кофточка, на кофточке была другая кофточка и запасной халатик. Она красиво всё раскладывала и ложилась загорать.

В той последней поездке так сложилось, что мы из Испании улетали на несколько дней раньше. Марина говорит:

– Я к вам сегодня вечером приду. Посидим, выпьем на прощание.

Наступил вечер. Мы её ждём, ждём, Марины нет. Утром у нас самолёт, и хорошо бы лечь спать, поскольку остаются до вылета считанные часы. Вдруг через двор голос Марины:

– Девчонки, что вы там делаете?

– Мы спать ложимся.

Марина огорчилась. Потом звонила:

– Ну что вы так уехали, мы даже не посидели.

Договорились встретиться на премьере в октябре. Но мы и на премьеру не успели – я застряла в пробке, у Светы были неотложные дела. И кто бы знал тогда, что больше никогда в жизни мы Марину не увидим.

* * *

Татьяна Никольская:

– Однажды на Рождество мы поехали в Израиль. Сидим на берегу возле какого-то кафе, Манечка жалуется:

– Ну что с ногами творится, я просто умираю от боли.

В этот момент в кафе заиграла музыка.

– Посидите, я пойду гляну, что там, – сказала она. С трудом встала и... исчезла. Десять минут проходит, пятнадцать, полчаса – Маринки нет. Я говорю:

– Слушайте, куда Маня пропала? Пошли посмотрим.

Заходим в кафе, а Маня со своими большими коленками уже вовсю пляшет на сцене да ещё и в компании темнокожего африканца.

Мы потом у нее спросили:

– Мань, ты же говоришь, что ноги болят.

– Да вы понимаете, я зашла буквально на секундочку. А тут такая музыка. И ноги сами понесли меня на сцену.

Кстати, в той же поездке был ещё один забавный эпизод. Зимой израильские пляжи обнесены забором, чтобы никто не купался в море. Маня была Маней:

– Пошли ноги помочим.

– А как? Смотри, какой забор.

– Вон, дырка есть.

Но в дырку Маня не пролезла.

– Не проблема, я смогу перелезть.

И вот каждый день она на глазах у изумлённой публики перелезала через забор. Это было шоу, которое стало доброй традицией. Ей подставляли стульчики, её подсаживали, ей аплодировали, кричали что-то ободряющее. Прохожие были в восторге. Мы умирали со смеху:

– Марин, мы будем билеты продавать на твой аттракцион.

* * *

Алёна Яковлева:

– В поездках я её останавливала: ну зачем такие деньги ты на подарки тратишь?

Она отвечала:

– Моя бабушка, знаешь, как говорила? «Живёшь вот так (здесь она сжимала ладоши) – и всё у тебя так, а живёшь вот та-а-ак (широко разводила руки) – и всё у тебя так».

Она и жила вот та-а-ак. На самом деле мне невероятно импонировала её жизненная позиция, её жизнелюбие, её открытость. Однажды мы встретились на фестивале в «Артеке». Причём было это очень смешно: моя дочь Маша снялась в детском фильме, и меня пригласили как мать, как сопровождающую. Марина тоже была на фестивале и, узнав об этой истории, долго смеялась.

Мы были знакомы и раньше, ещё со времен капустников в Доме актёра (близкими подругами не являлись, но общались всегда с удовольствием), а в ту поездку просто очень сошлись. Много времени проводили вместе и однажды в Ялте набрали на какой-то сумасшедший

ресторан. На Марине был белый берет, белая кофта, белая юбка. И все это прекрасно смотрелось на фоне бирюзового моря. Я не переставала восхищаться:

– Мань, сколько у тебя белых вещей!

На неё все оборачивались, а она, зная об этом, делала вид, что не замечает. А ещё я удивилась, как в ресторане она достаточно легко расставалась с деньгами. Она заказывала невероятно вкусное дорожущее пузыристое вино и всех угощала. Вечер был великолепный.

А потом... Потом была наша следующая встреча, когда я увидела Марину с совершенно перевернутым лицом. На неё, всегда живую, лёгкую, юморную, это было совсем не похоже. Я спросила:

– Манечка, что-то случилось? Может быть, с папой?

– Ты знаешь, я не буду сейчас ничего рассказывать, я не хочу сейчас себя беречь.

И вдруг она стала так горько плакать, что я не стала спрашивать. Я поняла, что случилось нечто серьёзное, и вскоре узнала про её разлуку с мужем.

Потом прошло какое-то время, мы встретились уже в Киеве на съёмках сериала «Ангел-хранитель». Я как раз тоже развелась со своим мужем, но в отличие от Марины свой развод совершенно не переживала. Всю ночь мы просидели с ней в номере, не спали вообще, общались до утра. Она мне сказала, что читает сейчас самые разные философские, религиозные книги и что находит в них спасение.

Расставания и потери

Развод с Анатолием Белым стал для Марины Голуб тяжелейшим испытанием, если не сказать – трагедией. На долгие месяцы Марина замкнулась в себе, старалась ни с кем не обсуждать происшедшее. За утешением она обратилась к религии. Сначала много времени проводила в православных храмах, объездила десятки монастырей, затем увлеклась буддизмом, особенно философией Ошо, – читала, медитировала, размышляла, перестраивала себя.

Но в какой-то момент Марина почувствовала, что такое затворничество уводит её от реальности, идёт вразрез с профессией. А этого она допустить не могла. Спустя продолжительное время, пройдя путь серьёзного духовного взросления, Марина вернула себя к жизни.

Она стала другой, обрела иное мироощущение, получила новый импульс для творчества. Говорила, что, возможно, если бы она не испытала такой потери, она не сыграла бы так глубоко главную роль своей жизни – Вассу Железнову.

Повторим, что обо всех своих переживаниях, которые обрушились на неё после 10 лет счастливой жизни с Толей, она не рассказывала почти никому. Одной из немногих, с кем она всё-таки поделилась, была Кира Прошутинская.

Кира Прошутинская, телеведущая, продюсер:

– В студии АТВ после очередной съёмки Марина Голуб захотела со мной поговорить. Я оказалась одной из первых, кому она рассказала о том, что произошло: Толя Белый, который был её самой большой и осознанной любовью, ушёл от неё.

– Только вы не говорите пока никому об этом, – попросила она меня тогда.

Марина отошла от подруг, старалась ни с кем не общаться, не делилась, не искала сочувствия, потому что была человеком сильным и гордым. Пока не отболело, её опорой были только папа и Настя. <...>

Спустя почти 6 лет, Марина решилась публично рассказать о своей любви и о том, как эта любовь уходила. Для этого она и пришла ко мне в программу «Жена». Думаю, ей захотелось освободиться от груза

эмоций, которые мучили её все прошедшие годы, не отпускали до конца...

Между нами долго сохранялась дистанция: Марина была моложе и какое-то время зависела от меня как от работодателя. На передаче мы были уже в равном положении – две взрослые состоявшиеся женщины, многого добившиеся в жизни. О чём бы мы тогда ни говорили, все равно получалось, что говорим о любви. И в понимании смысла этого чувства она оказалась очень близка мне. Мы женщины, которые живут любовью и всё делают ради любви, какими бы деловыми и сильными мы ни казались.

* * *

Несмотря на трагичный финал отношений, Марина считала, что брак с Белым был счастливым. Пока они были вместе, у неё не возникало ощущения разницы в возрасте: Толя был настолько мудрым, что долгие годы не давал жене повода поразмышлять на тему разделяющих их четырнадцати лет. И Марина продолжала верить, что их отношения навсегда. С ностальгической нежностью она вспоминала, как, дожидаясь её с гастролей, Толя писал в семейном ежедневнике: «Осталось два дня до приезда моей любимой... Остался день... Сегодня буду встречать мою любимую...»

А потом вдруг что-то сломалось, и Марина перестала чувствовать то самое единение родных душ, которое столько лет держало их вместе.

Когда в программе «Жена» Марина рассказывала мне о Толе, она была уже почти свободна от этой своей горькой любви. О том, что влюблена снова, Марина не говорила ни слова. Но я спросила её тогда:

– Как ты думаешь, у тебя будет ещё что-то впереди?

Голуб улыбнулась. И по-актёрски, и по-женски. Её улыбка была очень многозначительной, и стало понятно, что она снова счастлива, снова любит...

– Мы не были с Мариной близкими подругами, – пишет Кира Георгиевна. – Но передача, на которую я её пригласила, нас очень сблизила. После «Жены» мы перешли на «ты», долго болтали, когда запись передачи закончилась, и договорились встретиться.

Через четыре дня вдруг раздался её звонок. Марина, рыдая, кричала:

– Ты помнишь, я не назвала тебе в передаче его имени?! Это он – Миша Кравченко... Кому?! Кому понадобилось его уничтожить?!

В выпусках новостей прошла информация: «В ночь с девятнадцатого на двадцатое мая убит президент холдинга «Фабрика мебели “8 марта” Михаил Кравченко».

Подшло к концу лето, и едва ли не каждый день я стала слышать в трубке голос Марины. Это её мобильный непостижимым образом автоматически, раз за разом набирал мой номер. Марина извинялась, шутила и неизменно заканчивала разговор предложением:

– Давай встретимся!

И вот снова звонок:

– Если сегодня с тобой не увидимся, уже не встретимся никогда!

Назначили встречу в ресторане, она подъехала на своём джипе, вернее, подлетела, как безумная, припарковалась лихо так, по-мужски. Мой водитель это оценил. Из машины вышла радостная, загорелая, похудевшая. Мы обнялись.

– Ты должна прийти на премьеру спектакля, там играет потрясающая актриса! – первым делом сказала Марина, когда мы устроились за столиком. – Я только с репетиции.

– Почему ты говоришь про какую-то актрису, а не про себя?

– Потому что я тебе говорю именно про актрису! Дима Брусникин ставит пьесу Петрушевской. Главную роль играет Роза Хайруллина, её мало кто знает, но она удивительная!

Рассказывая про спектакль, Марина ничего не говорила о себе, всё время про эту Розу. Так горячо и настойчиво, что мне захотелось её увидеть. Я сказала:

– Марин, я приду!

И двадцать восьмого сентября пошла на первый прогон. <...>

Конечно же, спектакль «Он в Аргентине» был не единственной темой, которую мы обсуждали в том ресторанчике. Долго сидели с ней тогда. Я вспомнила, как во время эфира передачи «Жена» позвонила Алла Пугачёва, которой Марина очень понравилась.

– Они с Максом удивительно трогательные, – ответила Голуб. – Буквально недели две назад я попала в небольшую аварию, так Галкин позвонил, спросил, всё ли в порядке.

В тот вечер она рассказывала о себе и о своей последней любви – Михаиле Кравченко. Сама Марина мало кому рассказывала о нём, но после её гибели об их отношениях начали писать все. И я тоже позволю себе говорить об этом, поскольку не нарушу ничьей тайны.

Не знаю, при каких обстоятельствах они познакомились. Первой Кравченко увидела, как я поняла, Настя:

– Мам, какое удивительное лицо!

Мне кажется, Настя была единственным близким другом Марины. Мама – актриса, эмоции которой часто превалировали над разумом и целесообразностью. И дочь – спокойная и сдержанная, словно посланная для того, чтобы уравновешивать мятущуюся мамину натуру. И с годами они становились всё ближе и ближе друг другу.

Марина говорила:

– Настя гораздо мудрее меня. И когда я по достоинству оценила всю её мудрость и поняла, что в чём-то дочь взрослее меня, я освободила её от своей опеки, ненужного менторства, и настало абсолютное счастье общения!

Когда Марина впервые сама увидела Михаила, то поняла, что Настя имела в виду. Голуб показывала мне его фотографии в мобильном телефоне, в айпаде. Снимки были сделаны где-то в Италии, где они отдыхали вместе.

– Посмотри, какой он! – восхищалась она.

Лицо Михаила действительно было каким-то нездешним, удивительным, невероятно красивым. Мужская харизма, брутальность при явном нежелании «произвести впечатление». Красавец мужчина, которому это было абсолютно неважно. Редкое качество. У Кравченко оказалась трагическая судьба: в одночасье он лишился семьи – жена и маленькая дочь погибли в автокатастрофе, когда он был за рулём.

Михаил давал Марине невероятное количество сил. Пережив уход Белого, рядом с Кравченко она, по-моему, впервые ощутила себя слабой женщиной, счастливой женщиной, которая защищена настоящим мужчиной. Я поняла, что это первый мужчина в её жизни, ради которого не нужно было ничем жертвовать, наоборот, он отдавал ей всё!

– Мне даже не надо было ему ничего говорить, – вспоминала Марина. – Миша угадывал мои мысли, желания. Я сразу слышала: «Хорошо!». До сих пор не понимаю: как такое возможно? Скажи, разве такие бывают? Это настоящее чудо, которое мне было послано в жизни!

Марина даже попробовала себя в роли режиссёра, поставив с сотрудниками холдинга Кравченко комедию Грибоедова «Горе от ума». Миша играл роль Чацкого. Это был первый и единственный Маринин режиссёрский опыт.

Мне жаль, что чаще всего эксплуатировали одну составляющую ее таланта – частушечную «Семёновну», комедийный дар. Она много снималась и иногда, честно говоря, не там, где хотелось бы её видеть. В кино она так и не сыграла самую главную свою роль. Но, однажды ощутив востребованность, она была так счастлива, что не умела отказаться, бралась за всё, хотя говорила при этом:

– Я чувствую, что уже готова к большему. Я хочу этого!

Она ждала режиссёра, который увидит в ней другую Голуб. В театре такая встреча состоялась. На сцене МХТ она сыграла роль своей мечты – Вассу Железнову. Марина говорила мне, что работа в этом спектакле совпала с уходом Толи Белого. И если бы не их разрыв, не случилось бы такой Вассы – трагической и глубокой. Потеря любви и обретение знаковой роли – вот так странно это совпало.

...Я думаю, что отношения с Мишей не успели окончательно вытеснить боль Марины от расставания с Белым. Как бы Марине ни хотелось убедить себя и других, что она освободилась, по её глазам было понятно: это не так. Или не совсем так... То плотское, очень женское чувство, отданное Толе, как мне кажется, так и осталось в ней, не ушло.

Не знаю наверняка, что связывало Марину с Мишей: нежная дружба или любовь. Впрочем, это и не имеет значения. Страсть приходит и уходит, а нежность держит людей вместе гораздо дольше – на каком-то другом, небесном уровне. Она бывает много сильнее физической близости. Но и этому чувству был отведён очень короткий срок.

После всего, что произошло с Мариной в последние годы, она могла бы ожесточиться, стать циником, скептиком, нытиком. Она не стала. Марина находила в себе силы для того, чтобы быть счастливой «по собственному желанию». И счастливая, старалась радовать нас, делала так, чтобы нам жилось лучше. Теперь я это понимаю.

– Ты знаешь, я очень изменилась после ухода Миши, – сказала мне Марина. – Думала: всё, жизнь закончилась, а потом он мне приснился.

Пришел с роскошным букетом цветов и говорит: «Ты не волнуйся, я всё время с тобой!» Проснулась в тот день с ощущением счастья!

Марине стало казаться, что после ухода Кравченко она вдруг начала видеть будущее людей, события, которые с ними произойдут. Может быть...

В том ресторанчике я рассказывала Марине о себе, о своей непростой истории. Тогда она нашла какие-то удивительно нужные слова, и мне вдруг показалось, что и правда: у меня всё будет хорошо!

Мы расстались, договорившись, что в ближайшее время увидимся дома у Пугачёвой. Спустя несколько дней Марина позвонила по делу. Спросила, нет ли у меня хорошего адвоката. После смерти Миши она взяла на себя заботу о его родителях, с которыми была дружна. Они жили отнюдь не шикарно, все заработанные деньги Кравченко вкладывал в развитие бизнеса. Теперь Марина помогала им уладить дела с наследством, на которое, естественно, нашлось немало претендентов.

Это был четверг, 4 октября. На следующий день Марина улетала во Францию, должна была вернуться в понедельник. Мы договорились созвониться и решить, когда едем в гости к Алле. После этого звонка – кто же мог знать, что он станет последним, – я написала Пугачёвой:

«Марины не будет в Москве, давай перенесём встречу на следующую неделю».

Алла ответила:

«Давай дождёмся её и встретимся втроём».

Но в ночь со вторника на среду Марины не стало...

<...>

Каждому из нас нужна своя Марина, которая обнимет и скажет:

– Да у тебя всё нормально! А завтра будет ещё лучше! Ты не думай, прорвемся!

Она не любила всё человечество в целом – она любила каждого, с кем была дружна. Вспоминая Илзе Лиепу, говорила: «Илзуня!» Ко мне обращалась: «Кирочка!» И всегда возникало ощущение, что именно ты для неё главный и незаменимый человек. Так казалось не только мне, но и Илзе, и всем близким друзьям... [27]

Трагическая Васса

В сентябре 2010 года на сборе труппы Олег Табаков объявил, что питерский режиссёр, дважды лауреат «Золотой маски» Лев Эренбург приступает к репетициям «Вассы Железновой». Вскоре вывесили распределение ролей. На роль Вассы Борисовны Железновой, владелицы пароходной компании, назначалась народная артистка России Евгения Добровольская.

– Помню, как Марина переживала, что Вассу будет играть другая актриса, – говорит **Павел Каплевич**. – Она никогда в жизни не выпрашивала для себя ролей, но на этот раз пошла к Табакову: мол, нельзя ли назначить меня во второй состав. Но Олег Павлович сказал, что этот вопрос должен решать сам Эренбург. В конце концов, не сложилось – она мучилась. Дело в том, что Васса была не только её заветной мечтой, но и ролью, которую она должна была сыграть в память о своей маме. Когда-то, на выпускных экзаменах в Школе-студии МХАТ Маринка сыграла Меланью в «Егоре Булычове», и Людмила Сергеевна сказала ей: «Горький – это твой драматург. И я буду счастлива, если однажды ты выйдешь на сцену в роли Вассы».

Марина страдала, но постепенно смирилась: что поделать!

А потом прошло, наверное, полгода, она приехала ко мне на дачу, и я вижу, что от радости её просто распирает.

– Как хочется тебе обо всём рассказать, но я боюсь сглазить, – сказала она.

Но все же я узнал, что Эренбург и Добровольская разошлись во взглядах, и в результате Марину позвали спасти спектакль. Причём произошло это не сразу. Лев стал спрашивать у всех, кто мог бы срочно вестись в «Вассу», и Кирилл Серебренников ему сказал:

– Так есть же Марина Голуб.

На что Эренбург ответил:

– Надо же, ты не первый, кто про неё говорит.

Вскоре она была утверждена, и началась сложнейшая работа, так как до выпуска оставалось очень мало времени. Маринка нервничала. А я знал, что она прекрасно справится. И, в конце концов, премьера превзошла все мыслимые ожидания. Это грандиозная работа, настоящая победа, за которой последовал бы ещё целый ряд

аналогичных сильнейших ролей. Кто видел «Вассу», тот поймёт, о чём я говорю...

Вскоре после выхода спектакля у Марины Голуб спросили: «Скажите, пожалуйста, что вы умеете и чего не умеете на сцене?»

Актриса задумалась.

– Какой сложный вопрос, – сказала она. – После того как я сыграла Вассу Железнову, я поняла, что кое-что умею. Мне было очень сложно пролезть в игольное ушко, сократить себя до тонкой щёлочки, стать тихой, тонкой, точной, да к тому же сильной. И когда я это почувствовала, то приоткрыла для себя другие возможности.

А вообще ничто ведь не предвещало этой работы. Изначально на Вассу была распределена другая актриса. И когда папа дома меня спросил: «Что ты будешь играть во МХАТе?» – я ответила: «В этом сезоне, наверное, ничего». Тогда он поинтересовался: «А что сейчас репетируют?» Говорю: «Вассу Железнову». Он посмотрел на меня с удивлением: «Это ведь твоя роль». Я говорю: «Да, но не мне её дали».

Конечно, я плакала, переживала. Но потом по какому-то невероятному стечению обстоятельств эта роль ко мне всё-таки пришла, и я стала её репетировать... Осложняло ситуацию то обстоятельство, что до меня спектакль репетировали уже восемь месяцев. До выпуска оставался совсем короткий срок, я приступила и почувствовала, что моя Васса совсем никуда не движется. Я ничего не наработала, о многих вещах не задумывалась...

Единственное, что я понимала, так это то, что Васса – не Марина Голуб. Но как ее играть?

И снова я плакала, мучилась, умирала. Мне вдруг показалось, что я стала заложницей суровых обстоятельств, а главное, сама же не даю ходу своей героине.

Тогда бессонными ночами я стала думать о силе этой женщины. Через что сила? Что такое сильный человек, которому очень плохо? Что такое сильный человек, который раздавлен? Это очень интересные вещи, их предстояло найти. Не через крик, не через истерику, а через что-то другое. Вот в таких муках рождалась моя Васса...

...Я всегда предлагаю варианты.

Однажды мы придумали сцену, когда матрос Пятёркин чистит Вассе сапоги. Я облакачиваюсь на его плечи, и вдруг он меня обнимает.

Это решение возникло, знаете, не от ума, а от сердца. Судите сами. Любовь и чувства в ее жизни давно закончились. Она вырастила детей, муж её бил, потом спился, потом стал растлевать малолетних, и ей пришлось убедить его, что надо уйти из жизни. Её судьба по-женски складывалась трагически... И вот она приходит, усталая, домой и появляется Пятёркин, этакий с пошлинкой человек. И он вдруг на Вассу начинает смотреть немножко так по-мужски: «Ну, что, она ещё ничего».

Могло быть такое? Васса пришла уставшая, столкнулась с ним и говорит, что взяточники кругом, души продажные, что делать – неясно.

– А вот давайте сапоги почищу, – говорит он.

Чистит Вассе сапоги, она облокотилась, и он вдруг раз и обнял.

Васса могла бы стукнуть и сказать:

– Да пошёл ты вон отсюда, холоп!

А она почувствовала тепло. Я думаю, что у зрителей в жизни такие моменты тоже бывали. Когда так устаёшь, на душе погано и думаешь:

– Господи, вот просто кто-то бы сейчас обнял тебя. Просто какое-то тепло мужское, какая-то рука... И тебе стало бы гораздо легче.

Пятёркин обнимает Вассу, и она даже что-то чувствует, а потом понимает, что ничего себе уже позволить не может. Достает деньги, кладёт на стол и со словами:

– Шубу повесь, – уходит.

Это режиссура. Хотя в пьесе такой сцены не вычитаешь ^[28].

Марина Голуб играла Вассу как на крупном плане в кино: выстраивала подробнейшую партитуру душевных переживаний и физического угасания своей героини.

В первой сцене она моет похмельному мужу голову, уговаривая его принять яд так, словно речь идёт о лекарстве, которое способно облегчить страдания, улучшить жизнь. В ответ он звереет и резким движением макает Вассу головой в ванну. Она мужественно поднимается: из носу хлещет кровь, ясный до того голос становился хриплым. И эта хрипота с того момента будет постепенно нарастать от сцены к сцене.

– То, как Марина играла Вассу, описать невозможно, – говорит **Ксения Лаврова-Глинка** – исполнительница роли Рашели. – В момент, где мне нужно было плакать, она по-актёрски мне очень помогала. Как

она играла смерть, как она играла предсмертный приступ, как умирала в кресле, и лицо ее становилось тяжёлым, каменным, мертвели губы, отвисала челюсть...

Всякий раз, когда моя Рашель подходила к Вассе проститься и наклонялась над ней, у Марины по щеке непременно катилась слеза. Сколько бы спектаклей мы ни играли, я не переставала удивляться этому мастерству: казалось бы, Васса уже умерла, актриса внутренне может расслабиться и ждать перемены картины, но Марина жила своей Вассой даже после финала. Была потрясающе сыгранная роль!

* * *

О премьерe написали все ведущие издания. Рецензии были неоднозначными, но все критики непременно сообщали своим читателям о том, что характерная, комедийная актриса Марина Голуб предстала в непривычном трагическом амплуа. Москва потянулась смотреть. Довольно быстро постановка стала одним из самых аншлаговых спектаклей столицы.

«Госпожу Голуб принято считать актрисой характерной, комедийной, весёлой, – писал в рецензии **Роман Должанский**. – Роль, однако, получилась очень серьёзной, содержательной, насыщенной. Дело не в том, что Лев Эренбург решительно сломал некий стереотип: играть Вассу не громогласной матроной и не властной старухой – уже давно не означает совершить революцию на театре. Дело в том, что Железнова получилась у госпожи Голуб действительно объёмной – здесь она хлопотливая, словоохотливая тётка, тут смертельно уставшая от непосильного груза женщина, а там железная домоправительница. Ей приходится быть разной (и актриса очень хорошо оправдывает эти переходы, не превращая героиню ни в переменчивую истеричку, ни в коварного оборотня), но не получается быть счастливой. Бесформенно и грузно лежит в финале она, мёртвая, в своём кресле, а рука в смертельной судороге сжимает волосы дочери. Что будет с имуществом, волнует в этот момент только революционерку Рашель, а дочь покойной запоздало плачет: «Я хочу побыть с тобой, мамочка...»^[29].

«При таком сценическом раскладе роль Вассы – и без того центральная в пьесе – приобретает особое значение, – писала в своей рецензии Марина Давыдова. – Имеющая длиннющий шлейф сценической традиции (Серафима Бирман, Фаина Раневская, Вера Пашенная, Инна Чурикова), роль досталась, на сей раз, актрисе блистательного комедийного дара Марине Голуб. И надо отдать должное ее уму и сценической интуиции: этот свой дар она использует в спектакле в очень умеренных дозах. Голуб играет серьезно, масштабно, тем паче, что гэгов и сценических костылей, в изобилии розданных другим персонажам, у неё практически нет.

Две сцены – суицид мужа (в пьесе она травит супруга, у Эренбурга лишь провоцирует на самоубийство) и собственная смерть в финале – явно удаются и актрисе, и режиссёру. Они призваны доказать центральную мысль спектакля: только в этой грузной и, в сущности, несчастной женщине ещё живо какое-то представление о долге. Остальные руководствуются лишь инстинктами.

Железнова-Голуб пытается, чтобы ее домочадцы хоть какой-то порядок соблюдали в своих буйных играх. И смерть её не случайна, как в пьесе, а закономерна. Тут хаос жизни побеждает нравственный закон за явным преимуществом»^[30].

– Мне кажется, когда Марина ступила на путь трагической актрисы, она погрузилась в какое-то другое измерение, – говорит **Деклан Доннеллан**. – В Вассе она вытаскивала из себя необыкновенную силу воли и, вообще, очень жёсткий стержень, чем, признаюсь, пугала меня, потому что я не мог узнать так любившуюся мне добрую, жизнерадостную Марину. Она превращалась в невероятно сильную, строгую, сухую женщину. И это было самое замечательное и столь редко встречающееся в актёрском мире качество.

Лев Эренбург, режиссер-постановщик спектакля:

– Вы говорите, что я осуществил мечту Марины... А ведь дело вовсе не во мне. Я думаю, что Марина Голуб хотела сыграть роль Вассы в принципе – не важно, я буду ставить спектакль или кто-то другой. Это надо отметить для того, чтобы быть честным.

Но я так понимаю, что она интересовалась и моим театром – знала его по увиденным спектаклям и по отзывам друзей. Вот, в частности,

вы упомянули Каплевича. Каплевич очень хорошо относился к моему театру. То есть к его стилистике, к эстетике, к способу репетирования.

И потом, действительно, когда я пришёл во МХАТ, она предложила мне участие в этой работе. Но поскольку на тот момент было уже оговорено, что эту роль играет Добровольская, то я не мог себе позволить разрешить существование этой роли в дубле. То есть создавалась ситуация, при которой идея Марины была невозможной. И я отказал.

Но в процесс работы у нас очень сложно складывались отношения с Женей (при том, что ни одного плохого слова сказать про неё не могу – она человек, безусловно, талантливый, со своими характерными чёрточками, но и у меня тоже есть характер). В общем, с Добровольской у нас как-то не сложилось, а работа была уже запущена – оставалось два месяца до заявленной премьеры. И я, в конце концов, обратился к Марине за помощью. С моей точки зрения, она проявила презрительное мужество, когда взялась в этой ситуации за эту работу. И не только мужество, но и в чём-то наступила на собственные амбиции, поскольку ей удавалось смирять собственный характер во имя достижения высокой цели.

Наверное, ей тоже приходилось наталкиваться на острые углы моего характера. Но каждый раз, к нашей с ней общей чести, мы выходили из ситуации примирёнными.

Иногда я слышал её возражения, видел, что далеко не всё придуманное мной она принимает. Однако на следующей репетиции проявлялись следы переваренной информации. То есть она, даже не принимая какие-то вещи, всегда слушала и пыталась понять, откуда у режиссёрской мысли ноги растут. Ей часто приходилось убеждаться в каких-то вещах, утверждаться в моей логике. И она осваивала её блистательно.

Если говорить о нюансах (вы спрашиваете, чему Марина меня научила), то я могу так ответить: мой опыт работы традиционно лежал в студийной плоскости. Этюдный театр. А во МХАТе студийность пришлось разворачивать на большой зал. И здесь стилистику игры на большой сцене Марина проявила блестяще. Вообще, профессиональным ремеслом она владела в высочайшей степени.

Она могла репетировать с текстом в руке. Для меня это было непривычно. Я не мог себе представить, что артист добывается живого

результата, поглядывая в бумажку. Я думал, что это невозможно. Однако Марина мне показала, что это возможно. Она ходила с пьесой по площадке, проверяла какие-то вещи, а потом выходила без текста, становилась живой.

Я и раньше сталкивался с таким методом, но не верил в него. Мне казалось, что это порочный метод, старый, замшелый, неживой. А тут я первый раз утвердился в мысли, что на самом деле он действенный. Я даже понимаю, откуда возник этот способ работы. Его диктует обстоятельство времени, когда надо быстро уложить текст и уложить физическую партитуру роли, да ещё чтобы всё это оставалось живым.

Когда Марины не стало, спектакль убрали из репертуара, потому что весь рисунок выстраивался под неё, и заменить одного человека другим было бы невозможно. В Марине звучала трагическая нотка, и она всегда помножалась на её эксцентричность, придавала этой истории щемящее звучание.

И все-таки её Вассу трагической, в чистом виде, я бы не назвал, потому что в современном театре трагедии не существует. Но трагикомическое, мощное, воедино слитое в ней, безусловно, было.

Что могло быть дальше в числе её работ? Я бы дал Гертруду, которую она уже играла у Бутусова, но я представляю себе «Гамлета» совсем другим. Я бы дал хозяйку Нискавуори. Я бы дал мамашу Кураж. Я бы дал Кабаниху из «Грозы». Я бы дал Огудалову-старшую в «Бесприданнице». Я считаю, поработав с Мариной, что она была готова к тому, чтобы выразительно и ярко сыграть много ролей и русского, и мирового репертуара.

* * *

Марина Голуб за роль Вассы Железновой была номинирована на премию зрительских симпатий «Звезда Театрала», где лауреаты определяются путём народного интернет-голосования. Марина Голуб набрала наибольшее количество голосов, оставив позади других достойнейших претенденток.

На торжественную церемонию в Дом актёра она попасть не смогла (играла Вассу), но в интервью благодарил зрителей:

– Это моя первая театральная награда! Тысячи человек проголосовали... Я понимаю, что эти голоса невозможно купить, а потому дорожу каждым этим голосом в отдельности. Спасибо вам большое! Вы дали мне новые силы.

Работу Марины Голуб выдвинули и на главную театральную премию – «Золотую маску». Но не случилось. В жюри шли серьёзные споры. В итоге премия досталась другой актрисе. Марина не скрывала огорчения.

– Эта роль достойна этой премии, – сказала она журналистам во время церемонии. – Такая роль, как Васса Железнова, даётся лишь однажды. Мне говорят: «Ты ещё получишь». Но это только кажется.

Последнее танго с Мариной

Людмила Петрушевская, писатель, автор пьесы «Он в Аргентине»:

– Мы с Мариной встречались довольно редко: на театральных капустниках, на каких-то днях рождения, юбилеях. Она меня, как и всех, опекала. Очень радовалась общению. Она вообще всех держала в порядке, чтобы всем было хорошо.

Она мне говорила:

– Напишите пьесу, напишите мне роль.

Я кивала, но ничего особенного у меня не рождалось. Однажды мы встретились на Гоа, где я провожу рождественские каникулы. Там был такой бал, куда все приезжали в вечерних нарядах, в тонком хлопке... Вдруг в эпицентре этого атомного взрыва я вижу Марину с дочкой и с какой-то компанией. Мы смотрим друг на друга, от неожиданности начинаем дико хохотать. И на радостях я говорю:

– Написала вам пьесу.

В самом деле, я тогда завершала «Он в Аргентине» – произведение на двух примадонн театра.

Марина обрадовалась, но у неё был самый сложный период: телевидение, кино, «Васса...». У неё полностью всё было забито. Поэтому, как-то само собой, сотрудничество не сложилось.

Затем пьеса попала в руки Дмитрию Брусникину – роли были отданы Ие Саввиной и Наталии Теняковой. Однако вскоре Ия Сергеевна ушла из жизни, и работа остановилась.

Говорит **Дмитрий Брусникин**, режиссёр, актёр, педагог:

– Когда Ии Сергеевны не стало, я сказал себе, что не буду возвращаться к этой пьесе. Потому что всё время звучал голос Саввиной, её незабываемые интонации, которые очень трудно повторить. И свою идею я похоронил. Но Людмила Стефановна Петрушевская умеет добиваться того, чего хочет. Она сказала: «Нет, нет, ни в коем случае нельзя останавливаться. Спектакль надо выпустить хотя бы в память об Ие Сергеевне». И просто силой вернула меня в эту работу. Напомнила о Марине Голуб: «Чем не вариант!»

А Маринку я знаю сто лет, ещё со студенческой скамьи. Когда она заканчивала, я был первокурсником, и потом всю жизнь мы так или

иначе пересекались, но вместе никогда не работали. Я подумал: и правда, вариант хороший. Но получается, что весь рисунок спектакля надо заново выстраивать, да ещё и найти актрису на другую роль – так, чтобы они в паре с Мариной органично смотрелись. Это нельзя было решить в одночасье, требовалось время.

Короче говоря, в буфете театра я встретился с Мариной, рассказал ей всю предысторию, оставил пьесу, а наутро она мне позвонила, сказала, что хочет играть.

Пьеса о двух одиноких женщинах, оказавшихся по воле судьбы на базе отдыха «Актёр». Одна – сестра-хозяйка, другая – 150-летняя оперная прима, которая забыла умереть. Абсурдистская трагикомедия, действительно, притягивала, как магнитом. Не такой ли материал искала Марина Голуб после успеха своей Вассы?

– Я поняла, что это совершенно уникальный материал, – говорила Марина в одном из интервью. – Сочный, вкусный, трагичный, смешной... Там есть всё – от гротеска, клоунады, утопии до совершенно реалистичного театра. Это такой моноспектакль для двух актрис. Я не буду говорить, о чём эта пьеса, потому что в ней есть тайна. Ты читаешь и понимаешь: что-то должно произойти. И когда я дошла до того места, где идёт полное изменение в пьесе, у меня отвисла челюсть: «Этого не может быть! Боже мой, как это интересно». И возникли совершенно драматические чувства и мысли о любви, о жизни, о судьбе. Как скелет в шкафу. Мама моя родная!^[31]

Однако к репетициям приступили не сразу. Теперь требовалось найти вторую актрису на роль той самой оперной дивы. И вдруг на гастролях в Прибалтике Марина Голуб встретила в вестибюле гостиницы Розу Хайруллину и поняла, что именно она могла бы стать её партнёршей по спектаклю.

– Роза, как я хочу с вами работать!

– Да, я тоже, – ответила Роза своим тоненьким сиплым голоском.

Правда, у Хайруллиной в этот момент были выпуски в Театре на Чаплыгина и приступить к репетициям она не могла. В итоге репетицию «Он в Аргентине» отложили ещё на несколько месяцев... Дошло до того, что Олег Табаков достаточно строго спросил:

– Ну, что, вы будете выпускать или нет?

Марина Голуб взмолилась:

– Олег Павлович, пожалуйста, позвольте нам дождаться Розу. С ней будет успех.

Позже актриса так объяснит свой выбор:

– В этом произведении крайне необходимо соединение таких противоположностей, как я и Роза. Мы с ней натуры совершенно разные и сходимся лишь в одной точке – в клоунаде. Она – белый клоун, а я – рыжий...

Лично для меня Роза не актриса. Она нечто большее. Абсолютно уникальный «арт-объект трагического свойства». Во время репетиций на неё можно было сердиться. Но она отвечала всегда спокойным, тонюсеньким своим голоском: «Хорошо, ничего не надо. Давайте сделаем перерыв».

...То, как мы репетировали, как искали звук, как подбирали тон наших диалогов, дорогого стоит. Старик Станиславский, мне кажется, останется нами доволен. Мы действовали по «системе» – так кропотливо сегодня уже мало кто работает^[32].

...Выпуск спектакля не был безоблачным.

Рассказывает президент Школы-студии МХАТ **Анатолий Смелянский**:

– Мы с Олегом Табаковым смотрели прогон и знали, сколько души Марина вложила в этот спектакль: во-первых, Петрушевская, во-вторых, она там играет простую русскую тетку... Такая замечательная, абсурдистская, «по-петрушевски» написанная история.

Перед прогоном один из артистов встретил меня в столовой и с нескрываемым восторгом сказал:

– Ну, вы увидите Машку сейчас! Вы такой её вообще не видели!

Я направился в зал. Но показ оказался не очень удачным. Марина, конечно, старалась, но зная, что в зале сидит Табаков, стала плюсовать, немного выбилась из заданных рамок.

Театр – вещь жестокая...

По окончании мы поделились своим мнением. Табаков был более критичен, я – менее критичен. Что-то мы ей сказали, но Марина, находясь в страшном волнении, услышала в наших словах только критику и, едва сдерживая горечь, спросила:

– Так что, мы играть не будем?

Мы принялись утешать:

– Да нет, конечно, будете, просто нужно кое-что доработать.

И она очень многое сделала за последующие сутки. И, встретив меня уже после показа со зрителями, сказала:

– Что вы наделали, я ночь не спала. Я рыдала. Разве так можно с актрисой?

Я ответил:

– А ты хочешь, чтобы тебя ласкали? Это ведь работа. Без критики не бывает успеха, так что благодари.

И оба засмеялись... Она не умела долго сердиться.

Продолжает **Ольга Хенкина**:

– После первого рабочего показа, куда приходил Табаков, Марина позвонила мне вечером. Рыдала, спрашивала:

– Неужели всё так плохо? Мы ведь так много работали, нам ведь казалось, что это так прекрасно. Мы сделали замечательную работу, мы такую Петрушевскую показали...

Я её успокаивала:

– Маш, ты что? У вас всё прекрасно, просто какие-то моменты надо «докручивать». И ты сможешь сделать это, когда придут первые зрители, – ты сама почувствуешь зал.

Она говорит:

– Правда?

В первый раз в жизни мне не поверила! Я говорю:

– Чистая правда. Такой замечательный спектакль, и ты потрясающая!

Тут важно ещё и то, что Олег Павлович и Анатолий Миронович редко хвалят на прогонах – они подмечают недочёты, минусы, они развивают их до уровня проблемы. Особенно если представить, что сначала Табаков говорит «по актёрской части», а потом разбирает Смелянский – выдающийся театровед и «подмечатель» всего сущего. И, конечно, в таком раскладе могло показаться, будто они спектакль разнесли. Хотя на самом деле это не так. Впечатление было очень хорошее, положительное. Просто они ухватились за то, что можно поправить по Машинной линии, и разъяснили это.

На следующий день после первого показа со зрителями она спросила с надеждой:

– Ну что, стало лучше?

Я говорю:

– Маш, да у вас всё прекрасно. Пришла публика, и сразу всё заработало.

Марина сыграла три предпремьерных спектакля. А потом пришла к нам в администраторскую часть.

– Оль, ты знаешь, – сказала она, – у меня появилась такая возможность... Меня зовут на Лазурный берег... Там будет классная вечеринка. Ужасно хочется поехать... Но спектакль стоит в репертуаре. Нельзя ли перенести?

Я понимала, что руководство не обрадуется такому решению, но все же приняла огонь на себя. Брусникин меня отговаривал:

– Ну, не поедет она. Спектакль новый, только вышел. Почему она должна ехать?

Но она меня так просила, такими глазами, и я ответила Дмитрию, что этот вопрос уже решён.

До сих пор простить себе не могу, что мы отменили только лишь один спектакль, и она торопилась вернуться в Москву... Кто бы знал, что отменять нужно два...

По возвращении с утра она ко мне не зашла – куда-то торопилась. Мы должны были созвониться на следующий день, 10 октября, но не созвонимся уже никогда...

Официальная премьера была назначена на 23 октября 2012 года. За пару недель до этого прошли предпремьерные показы спектакля. А в ночь на 10 октября – в страшной автомобильной катастрофе – Марина Голуб погибла.

К несчастью, её последнюю актёрскую работу мало кто успел посмотреть. Рецензий было немного. Но всё равно кажется, что этот спектакль, как и «Васса Железнова», стал в жизни Марины Голуб ещё одной победой.

Монологи

Книгу воспоминаний о Марине Голуб можно продолжать бесконечно. Мы остановимся ещё на нескольких монологах.

Данила Козловский, актёр:

– Я понимаю, что Марины больше нет с нами, но я всё равно продолжаю думать о ней так, как будто бы она до сих пор здесь. Для меня она рядом. Я знаю, что и для многих других это так. Это первое интервью, в котором я говорю про Маню, потому что говорить о ней в прошедшем времени как-то непонятно и странно...

Мы с ней познакомились давно – на одном из театральных вечеров в Москве. Потом фрагментарно встречались, но первое настоящее общение возникло во время гастролей в Америке. Они ездили туда с «Борисом Годуновым», а мы – с «Жизнью и судьбой». И так совпало, что жили мы в одном отеле.

Однажды у нас был один выходной, я решил съездить в Вашингтон. Маня меня останавливала:

– Зачем тебе сдался этот Вашингтон? В Нью-Йорке столько всего интересного. Один день. Займись делом. Куда ты несёшься?

Я говорю:

– Нет, нет, Манечка, надо в Вашингтон. Там столица США.

– Ну, езжай.

В итоге я не доехал до Вашингтона, потому что запутался в дорогах и развязках на выезде из города. Психанул, сломал педаль газа, еле-еле добрался до пункта проката автомобилей. В итоге потерял целый день. Вечером Маня спрашивает:

– Ну, как Вашингтон?

Ответить мне ей было нечего. Оставалось только жалеть, что не послушал.

А потом мы с ней вместе снялись в картине «Пять невест» Карена Оганесяна, где очень подружились.

Однажды мы вместе в машине куда-то ехали. Маня была за рулём и решила объехать пробку. А сзади плёлся человек на «Лексусе», который последовал нашему примеру. И, в общем, маневр был неудачный, мы столкнулись. Пока мы выходили из машины,

выяснилось, что страховка закончилась позавчера, Маня не успела её продлить.

В этот момент к нам приближается водитель «Лексуса». Маня очаровательно улыбается:

– Здравствуйте.

Водитель «Лексуса» оказался приятной женщиной.

– Ой, вы же Марина Голуб.

Маня отвечает:

– Да, и у меня нет страховки.

– И у меня тоже нет страховки.

В общем, постояли, поболтали посреди дороги, Марина пригласила ее на спектакли – разъехались.

В другой раз она приехала ко мне на премьеру в Петербург и попала ещё на генеральную репетицию, на которой я получил травму. Пока я беседовал с режиссёром, Маня меня ждала. Наконец, я выхожу и говорю:

– Ты знаешь, по-моему, у меня что-то с рукой. Мне нужно в травмпункт.

– Я еду с тобой.

Поехали вдвоём. Меня осматривают, делают снимок и сообщают, что рука сломана.

Я, естественно, отказываюсь от гипса. Какой ещё гипс, если завтра премьера. И вдруг Маня говорит:

– Ты наденешь гипс и будешь играть в гипсе.

– Нет, на сцену я в гипсе не выйду. У меня спектакль.

– У тебя спектакль – говно, я его видела, и он не стоит твоего перелома. Ты наденешь и будешь ходить в гипсе.

В общем, заставила меня надеть гипс, и действительно, когда я играл спектакль, почти никто ничего не заметил.

...Мы дружили. Если я приезжал в Москву на съёмки, Маня могла позвонить и спросить:

– Ты что, в Москве?

– Да, в Москве. А как ты узнала?

– Просто почувствовала. Я заеду к тебе, кофе выпьем.

Вот такая была Маня.

И действительно, вскоре она приезжала – красивая, радостная.

Описывать, что такое Марина – бессмысленно. Она вне рамок и определений. Это человек, которому ты реально, по-настоящему был интересен. Который звонил и говорил не о себе 30 минут, а заставлял тебя говорить полчаса. О том, что с тобой происходило, что тебя тревожит. Который интересовался твоей жизнью по-настоящему, который за тебя переживал, помогал, подбадривал, смешил. Который не позволял тебе зарываться в плохое настроение и уходить туда надолго.

Редкий, честный человек. В каждом своём проявлении, поступке, слове. Если тебе безнадежно грустно, надо звонить Мане. Если тебе хорошо, надо звонить Мане, потому что она имела редкий дар по-настоящему радоваться за тебя. Часто даже больше, чем ты сам.

Это невероятно талантливый человек с какой-то космической энергией. Если Маня появлялась в компании, это сразу становилось событием.

Однажды её спросили, что такое любовь. Она ответила: «Когда в отсутствие человека задыхаешься, а в его присутствии понимаешь, что это и есть твой мир. Наверное, это и есть любовь».

В тот момен, мне как-то особенно хотелось ответа на этот вечный, жутко банальный, почти пошлый вопрос. И везде я натыкался на цитаты великих людей, которые, кроме как на каком-то интеллектуальном уровне, меня больше не задевали. И потом я прочитал вот эту фразу. Такую простую, настоящую, понятную, «пережитую» ею. И как будто что-то понял. Что-то почувствовал.

Она такая одна. Я благодарен жизни за то, что знал её, за то, что у меня была возможность взять и позвонить ей. И она всегда снимала трубку. У неё всегда было время для тебя. И столько любви...

Ирина Мирошниченко, актриса:

– Марина Голуб... Сейчас мы сидим в гримёрной, куда она заходила достаточно часто, потому что гримировалась в соседнем блоке (у нас по две гримёрных на блок). Вместе мы работали в спектакле «Тартюф», или участвовали в юбилейных капустниках, или просто у нас в один и тот же день бывали спектакли на разных сценах. Дверь открыта, и Марина, пробегая мимо, непременно заглядывала ко мне:

– Как у вас тут, Ирочка?

Мне, с одной стороны, очень приятно о ней говорить, потому что я её уважаю и люблю. А с другой – мне говорить о ней горько, поскольку

в голове не укладывается, что Марины больше нет с нами. Авария, которая унесла её жизнь, стала чудовищной неожиданностью для всего театра – просто, как обухом по голове. До сих пор не верится, что этот невероятно жизнелюбивый, солнечный человек больше не будет согревать нас своей любовью и добротой.

Её жизнелюбие выжалось во всём. В соседней гримёрной однажды я услышала детские голоса. Заглянула туда, Марина говорит:

– Это мои ученики.

Я даже не понимала, как она успевает при своей сумасшедшей занятости в театре уделять внимание детям. А между тем факт остаётся фактом: и детей учила, и много репетировала, и спектакли играла. Вообще, в Художественный театр она вошла с открытым сердцем, с открытой душой, и театр сразу же ответил ей любовью, успехом, восторженным криком публики, ролями, которые шли друг за другом, и, конечно, уважением коллег, относящихся к ней с огромной нежностью. Её доброты хватало на всех. Я порой думаю: откуда источник этого жизнелюбия? И понимаю, что от корней, от семьи...

Поразительно, моя матушка, всю жизнь работавшая в Москонцерте, часто рассказывала, что есть некая Людмила Голуб, тоже актриса Москонцерта, с которой ей всегда интересно общаться. И вот эту фамилию я запомнила с детства. И когда Марину только приняли к нам в театр, мы случайно встретились с ней в приёмной у Олега Павловича Табакова. Я зашла на секунду то ли за пьесой, то ли за справкой и вдруг вижу – Марина. Разговорились.

– Вы будете в нашем театре? – спросила я.

– Да.

– Невероятно. Вы знаете, что моя мама и ваша были знакомы и вроде как поддерживали приятельские отношения?

– Конечно, знаю, мне мама рассказывала.

– И мне мама рассказывала.

И вот на этой радостной ноте у нас начались взаимоотношения в театре.

Однажды за кулисами на «Гартюфе» перед финалом первого акта произошёл такой случай. Полумрак, мы стоим кучкой в ожидании своего выхода на сцену. Марина, как всегда, смешно о чём-то рассказывающая, становится центром нашей компании. Мы слушаем с интересом, а она, отойдя чуть поодаль, хочет сесть на стул, но не

замечает, что буквально секунду назад один молодой артист этот стул отодвинул. И она плюхается на пол. Я аж ахнула от ужаса, потому что понимаю, какая это боль. Но меня сразила её реакция. Она захохотала, как ребёнок. Артист кинулся извиняться:

– Боже, что я наделал!

Стал её поднимать. Но она ни словом его не упрекнула. Смеялась. Я поразились вот этой детскости, этой внутренней доброте, этой абсолютной незлобivosti...

Любой факт она превращала в радость.

Однажды во время спектакля я сказала ей, что у меня намечается сольный концерт.

– А какого числа? – спросила Марина. Я назвала дату, понимая, что вряд ли она успеет: все-таки у неё и съёмки, и спектакли, да мало ли что ещё.

А я ей сказала, что буду петь с оркестром Жилина «Фонограф». Это очень ответственно и страшно, потому что я все-таки актриса, а не певица. И когда сидят 44 музыканта, которые привыкли работать с суперзвездами, то я чувствую себя ученицей.

Короче говоря, отрабатываю этот сольный концерт, пою вживую, отпела первое отделение. На последней песне «Москва», как и полагается, пошёл занавес, и я от радости завопила обращаясь к Жилину, что у нас всё получилось, но забыла о включённом микрофоне. Он метнулся мне навстречу, чтобы прикрыть микрофон, а я в ту же секунду наткнулась глазами на Марину Голуб, которая стояла в кулисах с огромным букетом цветов. От неожиданности у меня подкосились ноги. Я забыла о приглашении, я не сделала для неё билетов, не забронировала место на парковке – ничего. Но она пришла! И этот миг навсегда останется для меня незабываемым.

Потом прошло немного времени, и наступил мой юбилей. В Художественном театре в тот вечер мы играли «Чайку», а по окончании было запланировано чествование. Я знала, что Марины с нами не будет, поскольку у неё какие-то важные съёмки. И вот завершается мой вечер, как вдруг на сцену из-за кулис летит Марина – словно большая, сияющая, светлая комета, энергетический шар. Как шаровая молния! Она влетает с букетом и поздравляет, чем, признаюсь, тронула меня до слёз. Слово «тронула» здесь даже не подходит. Она прикоснулась к сердцу.

Так сложилось, что у меня мало подруг. Марина в подруги тоже никогда не набивалась, мы с ней были то на «вы», то переходили на «ты». Очень неопределённые отношения. А теперь, по прошествии лет, я понимаю, что наше внутреннее братство иначе как дружбой не назовешь.

И последнее. Буквально за два-три дня до той злосчастной катастрофы я снималась в программе «Большая семья». Пришел, конечно же, Роман Виктюк и многие люди, с которыми я работала, с которыми у меня прошла жизнь. В их числе оказалась и Марина Голуб – она была в своём длинном платье, красивая, сияющая... Подарила цветы, чтобы я и её ощутила членом своей семьи. Это как последняя капля была. Она действительно стала членом моей семьи: на протяжении всех этих лет, пока работали вместе, мы и поддерживали друг друга, и хулиганили на сцене. Бывало, я забуду текст, а она мне подскажет. Или я в шутку в одной из сцен слишком сильно ударю её подушкой, а она подхихикнет.

Конечно, я следила за её работами, видела потрясающую Вассу, мы встречались на всех капустниках, потому что без Марины представить Старый Новый год в нашем театре просто невозможно. Я советовалась с ней, как выступить лучше, и она тоже показывала мне наброски своего номера. Понимаете, капустник – это ведь такая ответственная штука, что какие бы звания и титулы ты ни носил, всё равно ощущаешь себя школьником.

Я помню недавний «Золотой орёл», где нужно было всего лишь объявить лауреатов, а Марина вышла и отработала такой потрясающий спич, что в зале раздались громовые овации. Я не могла скрыть своего восторга:

– Марина, кто написал вам эту речь?

– Сама.

Она уникальный человек, творческий, талантливый, интереснейший, незабываемый. Я думаю, что об этом говорит каждый. И всё же хочу подчеркнуть, что слово «семья» было для неё определяющим в отношениях со многими людьми. И поэтому каждый, кто входил в её круг, вместе с ней являлся членом большой творческой семьи. Я счастлива, что не миновала эта участь и меня. Пусть – недолго, пусть – коротко. Но так ярко. Так незабываемо. И так сердечно, потому что она всё делала с любовью и относилась к людям с

любовью. Удивительно красивая, уникальная, талантливая, сердечная, большая и светлая женщина – Марина Голуб.

Юлия Рутберг, актриса:

– Прошло уже несколько лет, но память о Марине не угасает. Каждому, кто с ней был хотя бы немного знаком, она привила такую мощную вакцину радости и человеколюбия, что представить, как ты жил, не зная Марины, невозможно.

Всю свою энергию, доброту, искренность она выплёскивала, как человек с тромбоном, который с силой выдувает воздух.

Иногда мы ей говорили:

– Меньше пены, Маня, меньше пены.

Но Манька была неудержимая. Попробуй, останови. Она могла позвонить среди ночи:

– Слушай, слушай, я написала стихи. Это мы будем петь.

– Марина, подожди, дай поспать.

Но всё равно, слово за слово, и разговор затягивался надолго. То же самое было и на репетициях наших капустников.

– Сейчас я скажу! – говорила Марина.

Иногда мы были нетерпимы и затыкали этот пышущий жизнью фонтан.

Знаете, всё познается в сравнении, потому что, когда Марины не стало, каждый из нас ощутил, насколько остро не хватает нам этого живительного источника, этого гейзера, этого вулкана...

Когда входила Марина, то вместе с ней входила вся улица – контролёры, лыжники, зрители, собаководы, милиционеры. Вместе с ней въезжали троллейбусы, гудели такси, звенели трамваи... «Предъявите билет». Звучали истории обо всём на свете! И в этом было своего рода геройство, потому что ни в чём Марина не щадила себя. Она и людей спасала, и принимала участие в их судьбе, а если уж веселилась, то наотмашь. Могла плясать, пока не опухнут ноги, а пела, пока не будут сорваны связки.

Тотальная бескрайность.

Сейчас я думаю: может быть, такое вот лавинообразное существование было свойственно Марине, поскольку организм предчувствовал свою скорую гибель? Может быть, тратился так, чтобы успеть отдать свои силы тем, кто в них остро нуждался? Маринка много накапливала, это было видно по тому, как она росла ролями. Но

сколько она отдавала, сколько она успевала! Боже мой, чем она только ни занималась! Она готовила студентов, она преподавала, ученики её обожали, она играла в театрах, она вела программы на телевидении, она ставила спектакли, она ездила на концерты, она была членом жюри...

А как Маринка одевалась! Это была настоящая модница, которая не пропускала ничего. Однажды мы столкнулись на гастролях в Колумбии, и она сказала:

– Значит, так, мы здесь уже четыре дня, а вы только приехали, рассказываю. Идешь по этой улице до угла, затем направо и уткнёшься в магазин с тремя ступеньками. Там такое! Только не перепутай. В магазин, где четыре ступеньки, не заходи – делать там нечего, а тот, что с тремя, – просто кладезь. Они и скидку тебе сделают. Я познакомилась с хозяйкой. Если что, сошлись на меня.

Она была звеньевая во всём. Но её сильный характер обладал удивительным качеством: обижать Маринку было нельзя, она вдруг становилась маленькой. И уже через мгновение ты удивлялся: откуда в этом сильном, мудром человеке такая чистейшая, нежнейшая, прозрачная душа. В такие минуты она превращалась в большого ребёнка.

...Я совершенно потрясена, насколько в Насте много Маринки – невероятно много. Иногда Настя улыбается или о чём-то рассказывает, и у меня дух захватывает: я сразу вижу и слышу Марину. Но всё равно, насколько при этом Настя другая.

Марина буквально растворялась в своей дочери. И, вообще, детей она обожала. Это тоже её черта, она не знала средней степени: если любила, то прямо до обожания. А если не любила, то... умела себя сдерживать.

Вообще, последние годы она обрела какую-то высочайшую степень гармонии, она мирила огромное количество людей, она гасила конфликты, она накрывала собой очаги пламени. Она превратилась в миротворицу, потому что понимала, что ссоры и вражда – это бесперспективный путь. Она шла от внешнего к внутреннему, очень переменилась в последние годы (я это заметила), хотя многими продолжала восприниматься как большая комедиантка, почти клоунесса. Но надо сказать, что Маринка в очередной раз подтвердила, что настоящие клоуны – это всегда трагические персонажи. И

подтвердила не фактом своего исчезновения, а фактом того, что она сыграла в последнее время. От смешного до трагического – один шаг. Вот Маринка этот шаг смогла сделать. Она настолько стала глубокой, она научилась молчать. Все ждали от неё шума, гама, а она вдруг предстала в новом качестве.

У Сергея Юрского есть прекрасная книжка «Кто держит паузу». Вот это про Маринку. Она научилась держать паузу, и пауза стала ее сильнейшим выразительным средством. У Маринки появилось в глазах, в лице что-то такое, что было у Фаины Георгиевны Раневской в «Мечте». Вот, Роза Скороход народилась и нарастала, нарастала, нарастала от одного спектакля к другому.

Помните, как говорила Роза сыну:

– Лазарь, посмотри на мои руки. Я работала...

Вот оно, Маринкино существование. Она работала, она не щадила себя. Она жизнь поглощала так, как будто только что вышла из пустыни и захотела пить. И пила, как пьёт человек, когда вода льётся по шее. Она дошла до этой воды во МХАТе, причем началось всё с «Пластилина» у Кирилла Серебренникова. Я видела этот спектакль, и меня её роль потрясла. Это был большой творческий кувырок в её жизни, потому что, естественно, нам всем пришивают бирки, ярлыки, но Марина в той роли заявила о себе как о большой драматической актрисе, которой не только комедия по плечу.

Все по привычке ждали от нее Гершвина и Оффенбаха, а звучание её игры больше соответствовало Бетховену и Баху. Она взялась за другую музыку, она почувствовала «флейту-позвоночник».

Паша Каплевич сказал такие слова удивительные: мол, у Маринки в последние годы так стремительно всё развивалось, словно она поставила корзину и в неё всё падало. Прекрасно сказал и Табаков, что режиссёры стояли в очередь, чтобы делать с ней спектакли, хотя она вроде бы не Одри Хепбёрн и не Анастасия Вертинская.

Марина – совершенно другая индивидуальность. Её беспрерывно приглашали в кино, у неё не было дефицита в работе, у неё была прекрасная компания и в общем-то красивая жизнь. Маринка влюблялась, Маринка была чаровница.

А как умела она завладеть вниманием! Если в компании появлялся новый человек, то в Марине он видел девушку с осиной талией,

длинноногую, кареглазую модель, ещё и мулатку – фактически Наоми Кэмпбелл. Потом, может быть, он трезвел, но всем рассказывал:

– Вчера была Наоми Кэмпбелл.

Ему говорили:

– Это была Марина Голуб.

– Ну что вы мне рассказываете, я три часа общался с Наоми Кэмпбелл.

Это она шаманила, что доставляло ей неподдельное удовольствие.

Я могу сказать только одно. Не зря у нас есть имена и фамилии: Маринка Голуб... СубМарина. Голубь. Голубушка. Голубочек.

Она улетела. Улетела, как горлица, на пике своей востребованности, на пике славы. Что творилось во МХАТе в день похорон! Сколько было людей! Некоторые из других городов приехали, чтобы проводить свою любимую артистку в последний путь.

Она очень много успела сделать за последние годы. Невероятно много. Достроила дом. А на наши упреки: дескать, Марина, к чему такая спешка, ну куда твоя стройка не денется, всегда отвечала:

– Я же не для себя строю. Я для вас строю. Вы все ко мне обязательно придёте.

Марины не стало, и образовалась какая-то зияющая пустота, которую никогда и ничем не закроешь.

Сергей Шустецкий, музыкант, телеведущий:

– Дорогая Манечка!

Уже больше трёх лет, как мы потеряли возможность общаться. До сих пор разум отказывается понимать, что же произошло... Твой номер так и остался у меня в телефоне. А вдруг однажды...

Я не помню нашу первую встречу. Ощущение такое, что ты была в моей жизни всегда. Просто, видимо, на одной из посиделок у Люси Черновской, в Доме актёра, мы сразу почувствовали, что у нас одна группа крови, и мы как будто знаем друг друга всю жизнь. Ну а потом для тех же посиделок мы с тобой сделали кучу капустников. Чаще это были маленькие номера, но иногда мы брали на себя сценарии целых вечеров. Собирались или у тебя (ты тогда жила в Коломенском проезде), или у меня в Чертанове. Бредили, импровизировали, хохотали... Проверяли свои шутки на маленькой Настеньке. Она смеялась больше над нами и, кажется, крутила пальцем у виска. Почему мы тогда не фиксировали наш бред на плёнку? Камеры были ещё

редкостью, а нам и в голову не приходило, что это будет иметь хоть какую-то ценность. Да и абсолютное большинство самих капустников, надо сказать – совсем не стыдных, не сохранилось. Надо бы порыться в моих бумажных архивах – может, хоть какие-то рукописи остались...

Знаю точно только то, что берегу несколько твоих нотных листков в карандаше: однажды я аккомпанировал тебе на твоём творческом вечере в Голубой гостиной Дома актёра. Ты пела, мелодекламировала, а я – за роялем. На том вечере была ещё твоя мама Людмила Сергеевна, которую я, как зритель, обожал ещё с детства... Несколько раз порывался вернуть ноты тебе (а вдруг ещё пригодятся), но что-то не складывалось. А теперь это реликвия.

В начале 90-х мы оба сдали на права и купили свои первые автомобили. Я – убитую «Таврию», а ты – синий подержанный «жигулёнок». Однажды после очередного совместного «брёда» ты для практики вождения предложила меня покатать. Кажется, именно в эти полчаса у меня появились первые седые волосы. Никогда не думал, что за рулём ты можешь быть ещё более импульсивной и эмоциональной, чем на сцене. А твои комментарии по поводу других участников дорожного движения надо бы опубликовать отдельным изданием. Но этого не допустит цензура. Когда слышу выражение «женщина за рулём» – всегда представляю именно тебя... И хотя я тогда дал себе зарок никогда больше с тобой не ездить, много позже ты опять меня куда-то подвозила. Но теперь за рулём был уже опытный, вызывающий доверие водитель. Хоть и в юбке.

В 80-х я вёл «Утреннюю почту» на ЦТ, в конце 90-х на Шаболовке – «Почту РТР». Однажды ты позвонила и сказала: «Новое руководство канала вместо “Почты РТР” хочет реанимировать “Утреннюю”. Мне предлагают вести». Спрашиваю: «А как же Шустецкий? Серега, что делать?» Я ответил: «Соглашайся. Я для них отработанный материал. Если откажешься, найдут другого. А тебе эфиры нужны». Мне было не просто, но я очень благодарен тебе за тот звонок. Знаю, ты по-другому не могла.

Забавно, что за пять лет до этого была очередная смена руководства на РТР и закрыли мои «Караоке по-русски». Тогда Костя Эрнст предложил мне вести на ОРТ передачу про частушки. Я отказался, так как не представлял себя в этом жанре. Предложили тебе,

и ты, Григорьевна, оказалась замечательной Семёновной. А меня несколько раз приглашала в качестве члена жюри.

Мы всегда старались следить друг за другом. Я ходил на твои спектакли в «Шаломе», ты – на мои антрепризы. После спектаклей никогда не ввали. Хвалили то, что было достойно похвалы, и честно разбирали ошибки. Со временем это стало происходить всё реже и реже – суета будней разводит даже очень близких людей. В 2008 ты не смогла участвовать в моём юбилейном вечере. Но я был абсолютно счастлив, когда усталая после съёмок и спектакля в МХТ, ты всё же пришла в Дом актёра и была до конца, хотя закончился юбилей глубокой ночью...

Никогда не прощу себе, что так и не посмотрел «Вассу». Притом что сводил на этот спектакль пол-Москвы и Питера. Друзья просили, я звонил тебе, ты делала контрамарки и спрашивала, когда же я сподоблюсь прийти сам? А мне казалось, что впереди еще уйма времени... Ничего нельзя откладывать.

В последние годы мы виделись редко, но судьба всё равно находила варианты пересечений. Я написал музыку к двум фильмам, где ты играла, – «Давай поиграем» Саши Итыгилова и «Конферансье» Антона Барщевского. Прокатчики после смерти Антона выпустили картину в свет под дурацким названием «Зайцев, жги! История шоумена». В кинотеатре «Октябрь», на премьере, ставшей вечером памяти Антона, я впервые увидел твои слёзы. Ты плакала об Антоне и повторяла: «Почему так рано...»

10 октября 2012 года было запланировано открытие очередного сезона в Доме актёра. Вечером мы должны были с тобой увидеться, обменяться впечатлениями прошедшего лета, парой свежих анекдотов и снова выйти на родную для нас обоих сцену. Ранним утром позвонила Леда Бардаш и сказала, что открытие отменяется. «Что случилось?!» – «Погибла Марина Голуб». Земля ушла из-под ног. Вскоре раздался звонок с телеканала «Россия»: «Мы делаем программу о Голуб в прямом эфире на студии Горького. Высылаем за вами машину». Ненавижу телевизионное вороньё. Но в тот момент, плохо соображая, я поехал на эфир. Нужно же было что-то делать! Москва в тот день остановилась. Мы плелись. Я курил одну за одной. После четырех часов черепашьей езды я, готовый взорваться, выскочил из окончательно застрявшей машины и километр под дождем бежал до

«Комсомольской», чтобы хоть как-то добраться на метро. В вагонной давке невозможно было дышать. В обморочном состоянии я влетел в студию за минуту до окончания программы. Уже было поздно что-либо говорить и делать. Но на самом деле я бы и не смог сказать ничего вразумительного в тот день. Душили ком в горле и ощущение полной беспомощности.

Мне тебя очень не хватает, Машенька. Даже если в последнее время мы и не часто виделись, то всегда была уверенность, что в любое время дня и ночи я могу тебе позвонить. Даже на бегу ты умудрялась сказать что-то хорошее. Дать совет. Пошутить. Это согревало.

Через некоторое время после твоего ухода я послал Настеньке эсэмэску: «Твоя мама – Солнце. Она теперь далеко, но её свет столь яркий и горяч, что все мы, знавшие её, до конца своих дней будем видеть её свет и чувствовать её тепло».

Прости, что не успел многого тебе сказать...
Всегда твой, Шустик (Сергей Шустецкий).

Павел Каплевич:

– Однажды Марина подарила мне ангела. Сказала: «Пусть он хранит твой дом». Я, правда, его долго не вешал. То делали перестановку, то никак не могли выбрать для него место. В конце концов, решили, что он будет украшать вход в дом. Теперь Маринин ангел из-за стекла выглядывает, смотрит на тебя, когда ты к домуходишь.

И вот, как тут не верить в знаки судьбы. Мы с сыном вешали этого ангела как раз в ту злосчастную ночь, когда Марина ловила попутку, чтобы ехать домой... Она для многих была ангелом-хранителем. Многих берегла. А себя не уберегла.

Постскрипtum

Мамочка! Вот такими получились воспоминания о тебе.

Конечно, они неполные. Ещё многие прекрасные люди могли бы рассказать о своей Марине Голуб.

К сожалению, здесь нет прямой речи нашего мудрого дедушки – Григория Ефимовича Голуба. Он пережил тебя почти на два года. Нам с дедом как-то негласно удавалось сохранять ощущение твоего присутствия. Это всё потому, что и он, и я были глубоко напитаны твоим энтузиазмом, твоим жизнелюбием, которые ты так щедро нам дарила. С уходом дедушки я ещё острее ощутила, как мне не хватает тебя, как давно тебя нет со мной. Ты удивительно умела дать понять, что никогда не сломаешься и нам не позволишь это сделать.

Я живу в нашем загородном доме, где меня окружают твои вещи, вещи нашей семьи. В доме очень уютно. На стене висит афиша «Вассы», и ты на ней такая сильная. Ты могла всё. Ты так много всего создала, так много успела сделать.

Пока я перечитывала истории, которые рассказали твои друзья, или читала твои высказывания в разных интервью, я всё время думала, какая ты у меня великолепная. Как же мне посчастливилось родиться у такой мамы! Я бы сказала, по-настоящему повезло. Мне очень приятно, когда говорят, что ты гордилась мной и что я на тебя похожа.

Я продолжаю пересказывать своим друзьям бесчисленные байки нашей семьи и твои неповторимые шутки. И каждый раз все угорают от смеха. В такие моменты я остро чувствую твоё присутствие и понимаю, что хочу находиться на месте слушателей, хочу видеть тебя, хочу смеяться, как они. Нам с тобой всегда вдвоём было так хорошо.

Для тебя было важно, «про что человек живёт». Это твоё выражение. Ты никогда не позволяла себе оставаться без дела, без цели и совсем не могла без любви. Ты никогда не бросала друзей в беде. Ты никогда не жалела времени для людей, независимо от того, сколько ты была с ними знакома, а иногда и вовсе незнакома.

Я очень хочу снова увидеть тебя на сцене. Я твой настоящий поклонник. Я хочу получать ответы на свои письма. У меня столько нерешённых вопросов, и я не знаю, как найти на них ответы. А тебя всё нет. Хотя иногда мне от тебя приходят весточки, ну, какие-то знаки. И

это мне помогает. Я не знаю, как мне выразить словами огромную благодарность за всё то, что ты сделала для меня.

Я так по тебе скучаю.

Творчество

В 1979 г. окончила Школу-студию МХАТ (курс В. К. Монюкова).

С 1979 по 1981 г. – артистка Москонцерта.

С 1981 по 1987 г. – актриса Театра миниатюр п/р А. И. Райкина, позднее театра «Сатирикон».

С 1987 по 2003 г. – актриса театра «Шалом».

В 2003 г. принята в труппу МХТ им. А. П. Чехова.

МХТ им. А. П. Чехова

«Самое главное». Н. Евреинов – Хозяйка меблированных комнат (реж. Р. Козак, 1999).

«Терроризм». Братья Пресняковы (реж. К. Серебренников, 2002).

«Нули». П. Когоут (реж. Я. Буриан, 2002) – Женщина.

«Пьемонтский зверь». А. Курейчик (реж. В. Сенин, 2003) – Мать-настоятельница и Урбена.

«Изображая жертву». Братья Пресняковы (реж. К. Серебренников, 2004) – Мать.

«Тартюф». Ж.-Б. Мольер (реж. Н. Чусова, 2004) – Дорина.

«Гамлет». В. Шекспир (реж. Ю. Бутусов, 2005) – Гертруда.

«Трёхгрошовая опера». Б. Брехт (реж. К. Серебренников, 2009) – Селия Пичем.

«Васса Железнова». М. Горький (реж. Л. Эренбург, 2010) – Васса.

«Он в Аргентине». Л. Петрушевская (реж. Д. Брусникин, 2012) – Нина.

Также играла в спектаклях:

«Невероятный сеанс». Н. Кауард. Русская антреприза Михаила Козакова.

«Пластинин». В. Сигарев. Центр драматургии и режиссуры п/р А. Казанцева и М. Рощина, реж. К. Серебренников.

«Борис Годунов». А. Пушкин. Международная конфедерация театральных союзов, реж. Д. Доннеллан.

«Фигаро. События одного дня». П. Бомарше. Театральная компания Евгения Миронова, реж. К. Серебренников.

Фильмография

- 1980 – «Юность Петра» – Верка, реж. С. Герасимов
1980 – «О бедном гусаре замолвите слово», реж. Э. Рязанов
1980 – «В начале славных дел» – Верка, реж. С. Герасимов
1981 – «Рождённые бурей», реж. Г. Николаенко
1982 – «Гражданин Лёшка» – соседка Ларисы по общежитию, реж. В. Крючков
1987 – «Дом с привидениями» – Кира Викторовна, классный руководитель 2-го «Б», реж. Е. Гальперин
1987 – «Мир дому твоему», реж. А. Райкин, К. Райкин, М. Орлов
1989 – «Мир вам, Шалом!» (документальный)
1989 – «Биндюжник и Король» – барышня в борделе, реж. В. Алеников
1990 – «Неизвестные страницы из жизни разведчика» – Тереза, реж. В. Чеботарёв
1990 – «Мария Магдалина», реж. Г. Воронин
1994 – «Зона Любэ» – заключённая Озорница, реж. Д. Золотухин
1995 – «Ширли-мырли» – директор филармонии, реж. В. Меньшов
1996 – «Короли российского сыска» (ТВ) (серия «Воскресное убийство»), реж. В. Алеников
1999 – «Семейные тайны», реж. А. Горовацкий, А. Марутян
1999 – «Поклонник» – Валентина, почтальон, реж. Н. Лебедев
2000 – «Свадьба» – директор магазина, реж. П. Лунгин
2000 – «Истинные происшествия, или Безумный день монтера», реж. М. Ибрагимбеков
2001 – «Ростов-папа» (ТВ) (серия «Шли по городу две свинки») – Валя, реж. К. Серебренников
2001 – «Пятый угол» (ТВ) – Татьяна, реж. С. Газаров
2001 – «Клетка» (ТВ) – Галина, реж. С. Белошников
2001 – «Вицмундиръ», реж. В. Москаленко
2001 – «Русский водевиль» (ТВ) (серия «Бедовая бабушка») – Ключкина, бабушка, реж. А. Орлов
2001 – «На углу у Патриарших» (ТВ) – Люсьена Альбертовна, реж. В. Дербенёв
2001 – «Русские амазонки» (ТВ), реж. И. Фридберг

2002 – «Дронго» (ТВ) – Нина Ивановна, реж. З. Ройзман
2002 – «Дневник убийцы» (ТВ) – госпожа Лазурская, реж. К. Серебренников

2002 – «В движении» – работница архива, реж. Ф. Янковский
2003 – «Маросейка, 12» (ТВ) (серия «Мокрое дело») – Клава, реж. А. Майоров

2003 – «В июне 41-го» – тётя Хава, реж. М. Пташук
2003 – «Спас под берёзами» (новелла «Чудотворная») (ТВ) – жена сантехника, реж. Л. Эйдлин

2003 – «Постельные сцены» (ТВ), реж. К. Серебренников
2003 – «Пан или пропал» (ТВ) – польская зрительница в театре, реж. А. Зернов

2003 – «Замыслил я побег» (ТВ) – мать Кати, реж. М. Ибрагимбеков

2004 – «Водитель для Веры» – Зинаида, реж. П. Чухрай
2004 – «Узкий мост» (ТВ) – Лера, реж. О. Базилов
2004 – «Против течения» (ТВ) – Настя, реж. В. Донсков, А. Матешко

2004 – «Даша Васильева. Любительница частного сыска-3» (ТВ) (серия «Спят усталые игрушки») – Люся, реж. А. Мармонтов
2004 – «Даша Васильева. Любительница частного сыска-3» (ТВ) (серия «Бассейн с крокодилами»), реж. А. Мармонтов

2004 – «Усадьба» (ТВ) – мать Елены, реж. Л. Квинихидзе
2005 – «Крупногабаритные» – Люся, жена Полозюка, реж. А. Званцова, Д. Константинов

2005 – «Бриллианты для Джульетты» (ТВ) – работник ДЭЗа, реж. В. Чиков

2005 – «Бедные родственники» – Белла, реж. П. Лунгин
2005 – «Золотые парни» – Недда Петровна, реж. Б. Небиеридзе
2006 – «Московская история» (телесериал) (не был завершён) – баба Маня, реж. Мурад Ибрагимбеков

2006 – «Ситуация 202» (ТВ) (фильм «Особый период») – генеральный директор, реж. И. Лузин, К. Шихар
2006 – «Такси для ангела» – Аглая Канунникова, писательница, автор детективов, реж. А. Матешко

2006 – «Папараца» – жена Малинина, реж. Т. Фёдоров
2006 – «Охота на гения» – врач Шевцова, реж. Ю. Кузьменко

2006 – «Капитанские дети» (ТВ) – мать Артёма, реж. В. Никифоров

2006 – «Изображая жертву» – мать Вали, реж. К. Серебренников

2006 – «Андерсон. Жизнь без любви» – хозяйка борделя, реж. Э. Рязанов

2006 – «Чемоданы Тульса Люпера» – Софи, реж. П. Гринуэй

2007 – «Ангел-хранитель» – Эвелина Львовна, хозяйка гостиницы, тётя Веры, реж. Б. Недич, О. Тараненко, И. Забара

2007 – «Служба доверия» (ТВ) (серия «Покупка») – Клавдия Дмитриевна Тюрина, реж. Е. Николаева

2007 – «Откройте, Дед Мороз!» (ТВ) – Огурцова, реж. О. Субботина

2007 – «Кука» – Клава, реж. Я. Чеважевский

2007 – «Иван Подушкин. Джентльмен сыска-2» (ТВ) (серия «13 несчастий Геракла») – Лариса, реж. А. Мармонтов

2007 – «Давай поиграем» – бабушка Альбина Викторовна, реж. А. Итыгилов-мл.

2007 – «Ты сверху, я снизу» – Людмила Александровна, реж. Н. Денисов

2008 – «Иго любви» (ТВ) – костюмерша, реж. А. Горбатый

2008 – «Свадьба» (ТВ) – Ярослава Георгиевна, свекровь Ярослава, реж. А. Званцова

2008 – «Моя любимая ведьма» (ТВ) (серии «Станный ужин» и «Седина в бороду, бес в ребро») – мать Ивана Столетова, реж. П. Бельшков, А. Кирющенко

2008 – «Не пытайтесь понять женщину» (ТВ) – мама Света, реж. М. Соловцова

2008–2009 – «Обручальное кольцо» (ТВ) – Клара, реж. Д. Гольдман и др.

2009 – «Лёд в кофейной гуще» (ТВ) – Майя Павловна, реж. Г. Шигаева

2009 – «Суд» (ТВ) (серия «Жестокость») – Ирина Сергеевна Мохова, реж. А. Силкин

2010 – «Счастливый конец» – Белла Изольдовна, психиатр, реж. Я. Чеважевский

2010 – «Человек с бульвара Капуцинов» – Лара, реж. А. Сурикова

2010 – «Если небо молчит» (ТВ) – Лиснянская, реж. Д. Герасимов

- 2010 – «Зайцев, жги! История шоумена» – Надежда Леонидовна, жена Яковлева, реж. А. Барщевский
- 2010 – «Луч на повороте» – Зина, реж. С. Комаров
- 2010 – «Цветок дьявола» – эпизод, реж. Е. Гроховская
- 2011 – «Откройте, это я» (ТВ) – мать Гарика, реж. К. Оганесян
- 2011 – «Пять невест» – комендант, майор Галина Никишина, реж. К. Оганесян
- 2012 – «Мамы» (новелла «Парашют») – Наташа, реж. Е. Абызов
- 2012 – «Атомный Иван» – соседка, реж. В. Бархатов
- 2012 – «На нейтральной полосе» (ТВ) – эпизод, реж. Я. Молчанов
- 2012 – «Петрович» (ТВ) – Флягина, реж. Г. Байсак, Г. Гаврилов
- 2012 – «Крылья», реж. А. Лобанов
- 2012 – «Шлюха», реж. Д. Суворов
- 2013 – «Друзья друзей» – Люба, реж. А. Аксёненко, А. Оганесян
- 2014 – «Мама дарагая!» – Люся, реж. Я. Чеважевский

Работа на телевидении

Ведущая телепрограмм: «Эх, Семёновна!», «Утренняя почта», «Путешествия натуралиста», «Девчата».

Награды и звания

Заслуженный артист Российской Федерации (28 декабря 1995 г.) – за заслуги в области искусства.

Орден Дружбы (24 апреля 2008 г.) – за большие заслуги в развитии отечественной культуры и искусства, многолетнюю плодотворную деятельность.

Фотографии

Дошкольница Марина

На пути в Феодосию

Легендарная бабушка Анастасия Ивановна и мама Людмила Голуб

На ёлке в детском саду: Снегурочка – Марина, Дед Мороз – Людмила Голуб

Любимое с детства занятие – танец

Первоклассница

На прогулке с бабушкой Настей

На прогулке 6 с мамой Людмилой Голуб

Мать и дочь

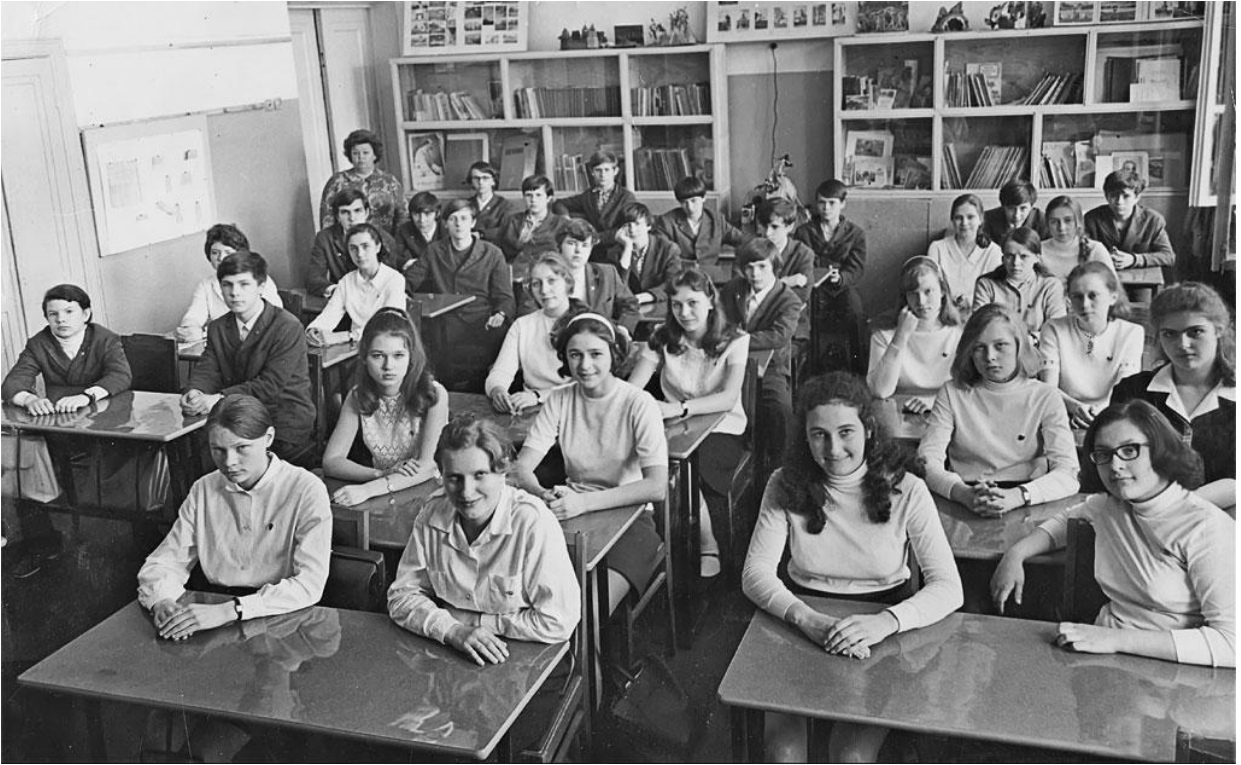
С папой Григорием Голубом

Старшекласница

Школьные годы

Марина за третьей партой по центру. 10 класс

Выпускница

В гостях у родителей Марины любимый педагог по сценической речи Ольга Юльевна Фрид

Первый брак Марины с Евгением Тройниным – отцом Насти

Марина с дочерью Настей

Людмила Сергеевна, Григорий Ефимович и маленькая Настя Голуб

Второй муж Марины – Вадим Долгачёв

Марина, Настя и Вадим

Настя взрослеет

Марина и Настя на прогулке в подмосковном Абрамцеве

После творческого вечера – с мамой, папой и дочкой

Центральный Дом Актёра. Творческий вечер Марины в честь её 35-летия. Дочка Настя поздравляет маму

Мама школьницы Насти Голуб

Марина и Настя дома в Москве. Съёмка для журнала

На отдыхе в Хорватии

Марина, Настя и Людмила на даче в Поленово

Подружки на свадьбе. Невеста в платье сшитом Мариной Голуб

Компания на отдыхе в Греции: Марина, Юлия Фрид с дочкой Марьяшей, Регина Темир-Булат, Татьяна Венгерова

Застолье с друзьями: Светлана Воробьевская, Марина Голуб, Пётр Гуревич

Первая иномарка после двух Жигулей

Марина и Настя в загородном доме

Марина Голуб с третьим мужем – Анатолием Белым

Марина и Толя

Встреча Нового года на Красной площади

Перед спектаклем

Любимое состояние – прогулка по реке

За городом во время интервью

На кинофестивале

Марина и Настя в гостях у Людмилы Сергеевны

День рождения Марины. С мамой – Людмилой Сергеевной

Григорий Ефимович с Мариной в загородном доме.

Франция. По пути на свадьбу к друзьям

На Лазурном берегу

Последняя любовь Марины – Михаил Кравченко

Пробы к фильму «О бедном гусаре замолвите слово». Режиссёр Эльдар Рязанов

«Хелло, Долли!». Финальная сцена

Сцена из мюзикла: Марина Голуб, Анастасия Иванова, Ольга Шлыкова

Дипломный спектакль «Хелло, Долли!» В главной роли Марина Голуб с партнёром Анатолием Омельченко

Этюды первокурсников: Геннадий Скарга, Марина Голуб, Виктор Рудниченко

Центральный дом актёра. Секция театральной молодёжи Люси Черновской. Михаил Семаков, Марина Голуб, Татьяна Догилева, Владимир Григорьев

Театр «Сатирикон». Спектакль «Лица». 1984 год

Театр «Сатирикон». Константин Райкин и Марина Голуб

Работа на эстраде. Марина Голуб с мамой Людмилой Голуб

Участие в чтецком концерте

Марина Голуб, Александр Левенбук и артисты театра «Шалом»

Сцена из спектакля «Поезд за счастьем». Режиссёр Александр Левенбук

Дуэт Марины Голуб и старейшего артиста театра «Шалом»
Эммануила Нэлина, который играл ещё в театре у Соломона Михоэлса

Спектакль «Борис Годунов» на гастролях в Великобритании

«Борис Годунов». Сцена из спектакля. Григорий Отрепьев – Евгений Миронов, Хозяйка корчмы – Марина Голуб

Команда спектакля «Пластилин» по пьесе Василия Сигарева. Режиссёр Кирилл Серебрянников. В нижнем ряду: А. Кузичев, А. Конникова, С. Мухин, Е. Холодков, Д. Ульянов. В верхнем ряду: В. Панков, хореограф А. Албертс, М. Голуб, К. Серебрянников, В. Толстогонова, О. Хохлова,

Спектакль «Пласталин». Марина Голуб в роли Бабушки

«Терроризм». Марина Голуб и Наталья Бочкарёва

Спектакль «Терроризм». Режиссёр Кирилл Серебренников. Елена Лемешко, Марина Голуб, Юлия Чебакова

Команда спектакля «Изображая жертву». Режиссёр Кирилл Серебренников

Спектакль «Изображая жертву». Мать – Марина Голуб

Сцена из спектакля «Изображая жертву». Марина Голуб, Эдуард Чекмазов, Дарья Мороз

Спектакль «Гартюф». Режиссер Нина Чусова. Дарья Мороз, Марина Зудина, Марина Голуб

Сцена из спектакля «Гартюф». Марина Зудина, Дарья Мороз, Марина Голуб, Авангард Леонтьев, Александр Семчев

Сцена из спектакля «Гартюф». Марина Голуб и Дарья Мороз

Команда спектакля «Гамлет» за кулисами. Режиссер Юрий Бутусов

Сцена из спектакля «Гамлет». Гамлет – Михаил Трухин, Гертруда – Марина Голуб, Гильденстерн – Алексей Агапов, Клавдий – Константин Хабенский

Спектакль «Гамлет». Гертруда – Марина Голуб

Спектакль «Трёхгрошовая опера». Режиссёр Кирилл Серебренников. Селия Пичем – Марина Голуб

«Трёхгрошовая опера». Марина Голуб и Сергей Сосновский

«Трёхгрошовая опера». Марина – Селия Пичем

Фрагмент репетиции

Сцена из спектакля «Фигаро». Режиссер Кирилл Серебренников.
Марина Голуб и Евгений Миронов

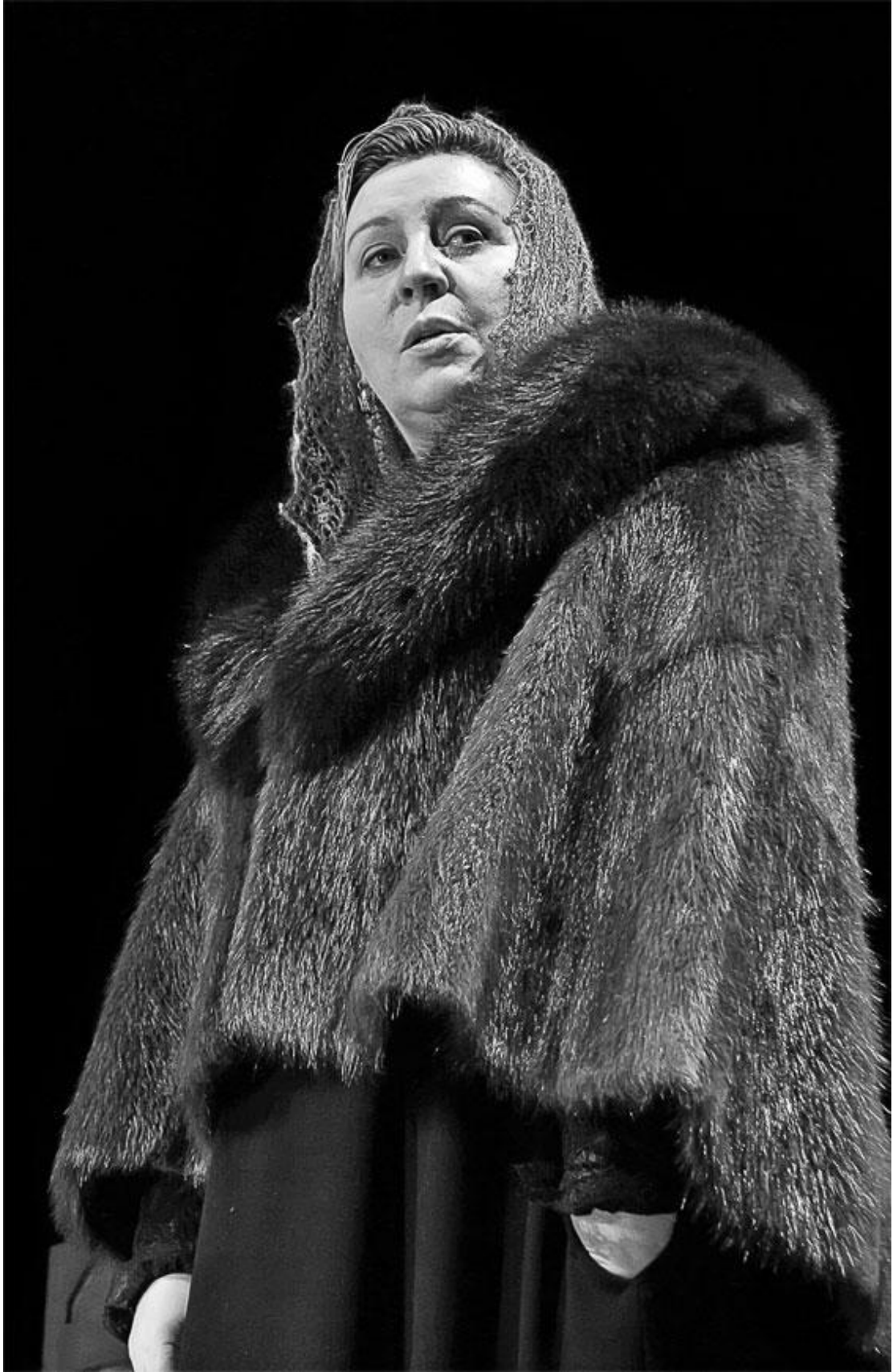
Сцена из спектакля «Фигаро». Фигаро – Евгений Миронов, Марселина – Марина Голуб, Бартоло – Авангард Леонтьев

Спектакль «Фигаро. События одного дня»

Сцена из спектакля «Фигаро». Виталий Хаев, Евгений Миронов, Марина Голуб

Спектакль «Васса Железнова». Режиссёр Лев Эренбург. Марина Голуб – Васса

«Васса Железнова». Сцена из спектакля. Марина Голуб и Сергей Колесников в роли Железнова

«Васса Железнова». Марина Голуб и Ксения Теплова в роли Людмилы

Васса Железнова – Марина Голуб

Сцена из спектакля «Он в Аргентине». Дуэт – Роза Хайруллина и Марина. Режиссер Дмитрий Брусникин

Финал спектакля – танго

После Вечера поэзии в МХТ им. А. П. Чехова. Марина, Олег Павлович Табаков, Павел Ващилин

На кинопремьере. Марина Левтова, Светлана Свибильская и Марина Голуб

Дом Актёра. Марина Голуб и Любовь Руденко демонстрируют коллекцию художника по костюмам Виты Севрюковой

Марина Голуб на том же показе в гостиной у Люси Черновской

Посиделки в Доме Актёра. Марина с Игорем Угольниковым

Центральный Дом Актёра. Творческий вечер Марины в честь её 35-летия

Дом актёра. Марина с Алексеем Кортневым

Во время съёмок телепередачи «Блеф-клуб». Алексей Весёлкин, Марина, Сергей Прохоров, Юлия Рутберг

Марина Голуб и Людмила Артемьева

Посиделки у Олега Меншикова

После спектакля. Роман Виктук и Марина

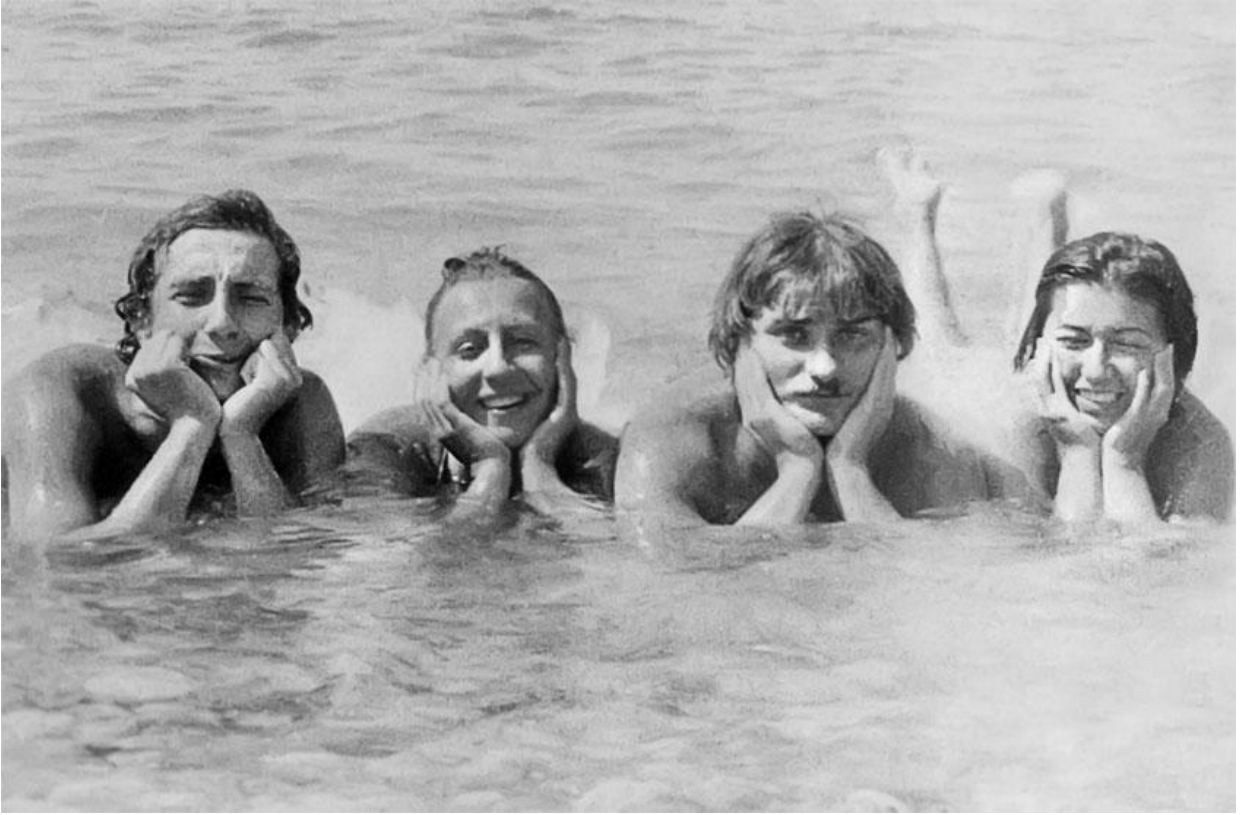

Алёна Яковлева и Марина Голуб

Марина со своим близким и давним другом Григорием Тумасовым

Отдых в Туапсе с близкими друзьями: Павел Каплевич, Марина Голуб, Александр Балуев, Юлия Фрид

Друзья всей жизни. Павел Каплевич, Александр Балуев, Марина Голуб

Дом Актёра. Капустник. Илзе Лиела, Марина, Александр Васильев

Марина, Чулпан Хаматова, Нина Чусова

Во время просмотра капустника в Доме Актёра

Марина и Татьяна Рудина после премьеры спектакля «Горе от ума»
в постановке Олега Меньшикова

Дом Актёра. Капустник. Сергей Маковецкий, Николай Расторгуев
и Марина

Дом Актёра. Капустник. Сергей Шустницкий и Марина

Телевизионная программа «Эх, Семёновна!». Ведущая – Марина Голуб

Съёмки передачи «Эх, Семёновна!»

Подготовка к съёмкам программы «Утренняя почта»

Программа «Девчата». Ведущие: Тутта Ларсен, Марина Голуб, Алла Довлатова, Маргарита Митрофанова

«Девчата» Марина Голуб и Маргарита Митрофанова с гостем Николаем Цискаридзе

Во время съёмок: со Светланой Немоляевой, Лией Ахеджаковой, Натальей Гундаревой и другими актрисами

Кинопробы

Во время съёмок сериала «Ростов-папа». Режиссёр Кирилл Серебренников

После съёмок сериала «Пятый угол». С Андреем Паниным и режиссёром Сергеем Газаровым

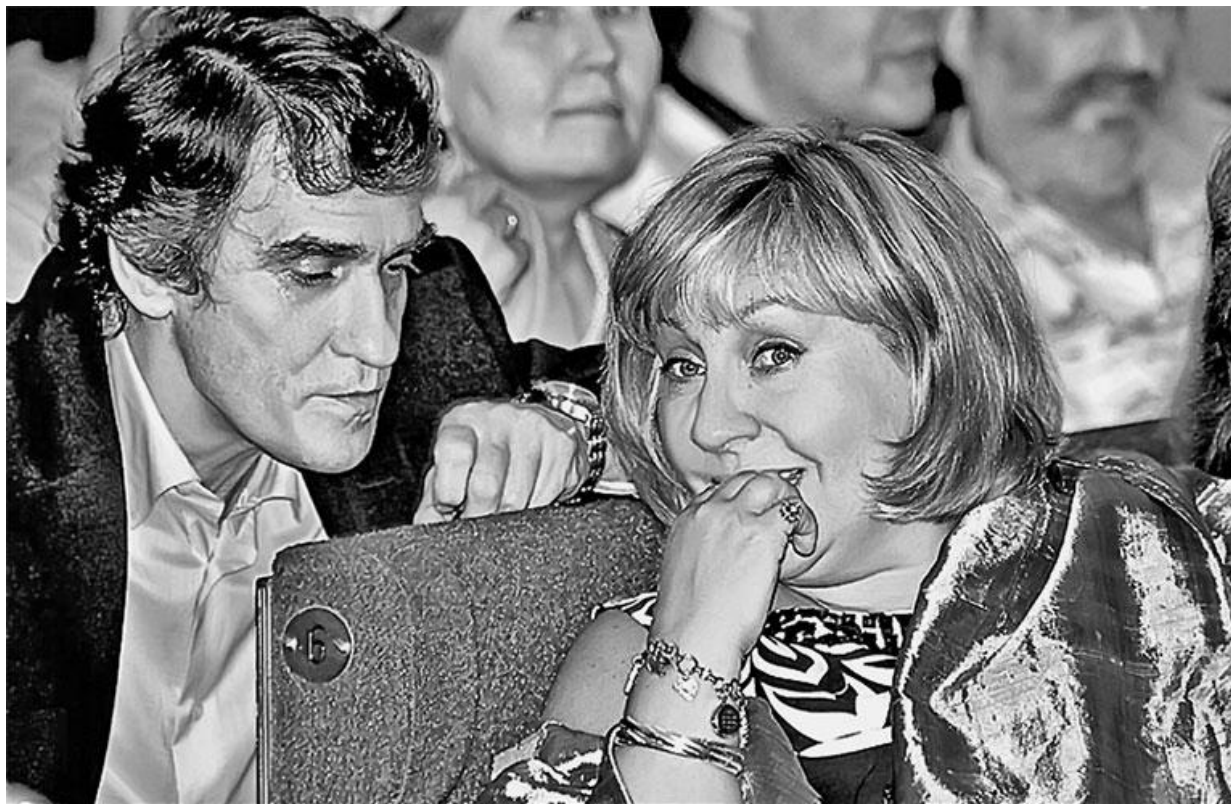
Команда фильма «Зайцев, жги! История шоумена». Режиссёр Антон Барщевский

XIX Российский фестиваль «Кинотавр». Марина Голуб – член жюри

Сериал «Русские амазонки». С Леонидом Якубовичем

С другом Валерием Гаркалиным

Марина с Ильёй Рутбергом на съёмочной площадке фильма «Свадьба». Режиссёр Павел Лунгин

Кадр из фильма «Водитель для Веры». Режиссёр Павел Чухрай. Марина с Андреем Паниным

«Водитель для Веры». Марина Голуб и Богдан Ступка

Мэрилин Монро – любимый образ

Четыре Мэрилин Монро из спектакля «Терроризм». Капустник в МХТ на Старый Новый год

Вручение Театральной премии «Чайка». Марина с Константином Райкиным

Во время съёмок программы «Театр+ТВ». Кирилл Серебренников, Марина Голуб, Марина Зудина, Олег Табаков

На съёмках телевизионной программы «Театр+ТВ»

Актёрское дефиле во время Московской недели моды. Н. Швец, А. Задорожная, В. Исакова, Ю. Меншова и М. Голуб

Марина с командой спектакля «Откровенные полароидные снимки» режиссёра Кирилла Серебренникова. Филиал Театра имени Пушкина

Марина Голуб и Ольга Хенкина

Марина Голуб на сборе труппы МХТ им. А. П. Чехова

Режиссёр Кирилл Серебренников и Марина. МХТ им. А. П. Чехова

Марина Голуб и Михаил Горбачёв

За кулиса в Художественном театре. Олег Табаков, Марина Голуб и Павел Каплевич

Олег Табаков и Марина Голуб

---

notes

Примечания

1

А. Бородин. Первый московский спектакль // Газета «Колумнист».

Каневская Лариса. Ваша дочь упала с Ленинских гор // «Театрал»,
сентябрь 2011 г.

Голуб Марина: монолог // Линия жизни. ТВ-программа. ГТРК «Культура», 2010.

Плисецкая Е. Советская культура, 20 июля 1979.

Марина Голуб: монолог // Приют комедиантов. Путь к славе. ТВ-программа. ООО «Эксклюзив-ТВ», 2012.

Голуб Марина: монолог // Линия жизни. ТВ-программа. ГТРК «Культура», 2010.

Вениамин Захарович Радомысленский – театральный педагог, театровед, заслуженный деятель искусств РСФСР. В 1945–1980 гг. – ректор Школы-студии МХАТ.

Голуб Марина. [Воспоминания] // На полпути: сб. памяти Григория Гурвича. Цит. по: <http://www.gurvich.ru/>.

Голуб Марина: монолог // Линия жизни. ТВ-программа. ГТРК «Культура», 2010.

Голуб Марина: интервью // Дифирамб / Эхо Москвы, 28 янв. 2006.

Ларина Ксения. Интервью с Мариной Голуб // Дифирамб / Эхо
Москвы, 28 янв. 2006.

Сперанская Мария. Я всегда розовая героиня: интервью с Мариной Голуб // МК Бульвар, 3 ноября 2004.

Сперанская Мария. Я всегда розовая героиня: интервью с Мариной Голуб // МК Бульвар. 3 ноября 2004.

Заславский Григорий. Полевой судья: интервью с Мариной Голуб // Независимая газета, 16 дек. 2000.

Бойко Светлана. Брала себя за гриву и вытаскивала: последнее интервью Марины Голуб // Собеседник, 17 окт. 2012.

Цит. по: Вадим Долгачёв: Моя жизнь с Мариной Голуб. Записала Ирина Зайчик // Караван историй, ноябрь. 2012.

Райкина Марина. Летите, Голубы, летите // МК, 23 мая 2003.

Заславский Григорий. Полевой судья: интервью с Мариной Голуб // Независимая газета, 16 дек. 2000.

Ларина Ксения. Интервью с Мариной Голуб // Дифирамб / Эхо
Москвы, 28 янв. 2006.

Безрук Мария. Интервью с Мариной Голуб // Труд-7. 6 октября 2005.

Голуб Марина: монолог // Линия жизни. / ТВ-программа. ГТРК «Культура», 2010.

Безрук Мария. Интервью с Мариной Голуб // Труд-7. 6 октября 2005.

Голуб Марина: монолог // Линия жизни. ТВ-программа. ГТРК «Культура», 2010.

Каминская Наталия. Три бойбренда // Культура, 22 декабря 2012.

Марина Голуб: монолог // Приют комедиантов. 110-летие МХТ.
ТВ-программа. ООО «Эксклюзив-ТВ», 2008.

Гость редакции: Марина Голуб. Интервью с актрисой // День за днем (Эстония), 22 ноября 2011.

Цит. по: Прошутинская Кира. Марина // Караван историй, декабрь 2012.

Голуб Марина: монолог // Линия жизни. ТВ-программа. ГТРК «Культура». 2010.

Должанский Роман. Жизнь в трубу // Коммерсантъ, 26 марта 2010 г.

Давыдова Марина. Без Вассы корабль не плывёт // Известия, 26 марта 2010 г.

Макаров Юлиан. Интервью с Мариной Голуб // Главная роль / ГТРК «Культура», 2012.

Макаров Юлиан. Интервью с Мариной Голуб // Главная роль / ГТРК «Культура», 2012.